PJ5053
.B5
A64

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

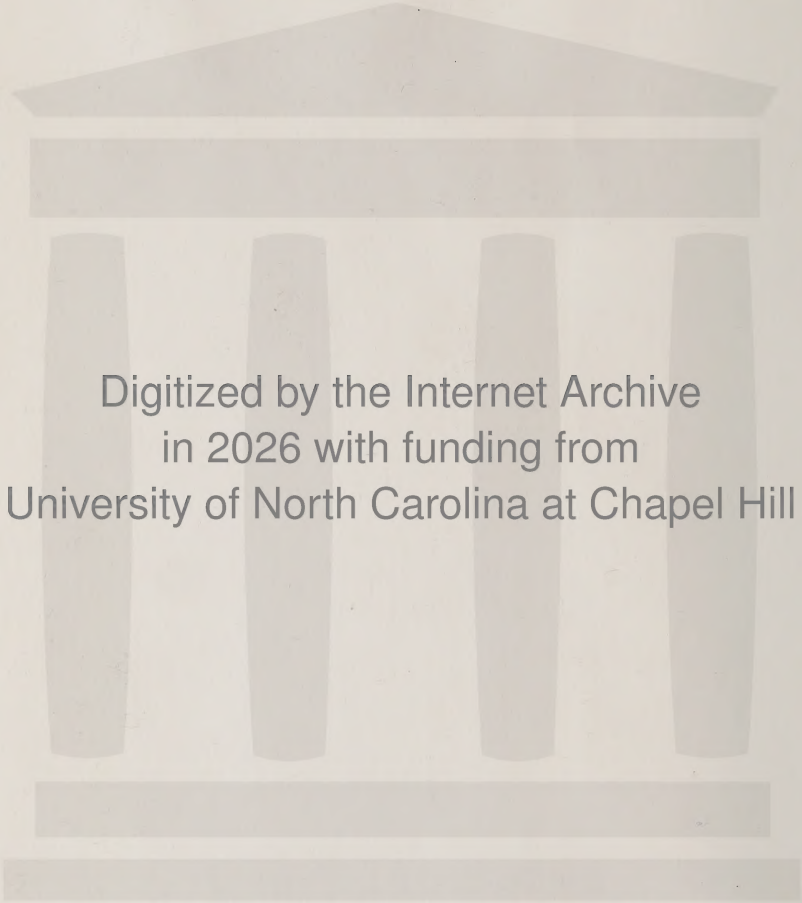
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PJ 5053
.B5
A64

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024004952

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/piesniipomy00bial_0

Х. Н. БЯЛИКЪ

Х. Н. БЯЛИКЪ

PJ5053
.B5
A64

43

ПѢСНИ и ПОЭМЫ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ
СЪ ЕВРЕЙСКАГО и ВВЕДЕНІЕ
Вл. ЖАБОТИНСКАГО

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ОДЕССА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ШЕРМАНА

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

ОДЕССА
ТИПОГРАФІЯ Я. Х. ШЕРМАНА

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ

Въ настоящее изданіе вошли четыре новыхъ стихотворенія („Изъ народныхъ пѣсенъ“, II; „Бѣжать? о нѣтъ!“; „И будетъ, когда продлятся дни“; „Вечеръ“). Кромѣ того, въ старыхъ переводахъ и „Введеніи“ сдѣланы кое-гдѣ измѣненія, при чемъ переводчикъ, поскольку это не шло въ разрѣзъ съ его собственнымъ ощущеніемъ, принялъ съ глубокой признательностью во вниманіе указанія критики. Наиболѣе существенныя исправленія коснулись стихотвореній „Изъ зимнихъ пѣсенъ“, и V, „Я знаю: кануя“, а также отдѣльныхъ мѣстъ въ поэмѣ „Сказаніе о погромѣ“; въ остальныхъ переводахъ внесены только мелкія поправки.

Одна изъ этихъ поправокъ нуждается въ особой оговоркѣ. Она относится къ стихотворенію „Послѣдній“ Вторая строфа этого стихотворенія читалась въ первомъ изданіи такъ:

И въ тиши, надо мною, незримо грустна,
Перебитымъ крыломъ трепетала Шехина,
И я зналъ: за меня трепетала она,
За послѣдняго сына. . .

30
10766 X 18

Считаясь съ указаніемъ, быть можетъ и основательнымъ, что непонятное слово „Шехина“ уничтожаетъ непосредственность лирическаго впечатлѣнія, переводчикъ въ настоящемъ изданіи передалъ эту строфу варіантомъ, который читатели найдутъ въ текстѣ. Однако, такъ какъ употребленное тамъ слово „Святыня“ совершенно не выражаетъ характернаго для еврейской мистики понятія „Шехина“ (ср. Введеніе“, стр. 30), переводчикъ пожелалъ сохранить слѣдъ прежняго варіанта, по крайней мѣрѣ, въ этомъ предисловіи.

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ

Въ настоящее изданіе заново вошли двѣ піесы: „Эта искра моя“ и наброски изъ поэмы „Подвижникъ“ (въ подлинникѣ она озаглавлена непереводимымъ словомъ „Hammathmid“); кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ внесены многочисленныя поправки.

Четвертое изданіе перепечатано съ третьяго безъ перемѣнъ.

ВВЕДЕНІЕ

Хаимъ-Нахманъ Бяликъ родился въ 1874-мъ году въ одномъ изъ мелкихъ мѣстечекъ Волыни. Отецъ его былъ бѣднякъ и служилъ у арендатора надсмотрщикомъ лѣсного участка и мельницы. Впослѣдствіи, года за три до смерти, онъ потерялъ эту службу и открылъ корчму. Тамъ онъ стоялъ за прилавкомъ, на которомъ лежалъ раскрытый фоліантъ Талмуда, и, отрываясь отъ тонкихъ его силлогизмовъ, наливалъ мужикамъ водку, торговался съ ними, разнималъ дерущихся и опять возвращался къ своей книгѣ. Такіе контрасты еще не были рѣдкостью въ тогдашнемъ быту.

Маленькому сыну талмудиста-корчмаря не было дѣла ни до мужиковъ, ни до старыхъ фоліантовъ. Мѣстечко лежало въ одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Волыни, кругомъ были поля и лѣса, а невдали большой прудъ. У мальчика не было товарищей, онъ всѣхъ дичился и по цѣлымъ днямъ пропадалъ гдѣ то за околицей. Потомъ, черезъ много лѣтъ, оказалось, что онъ тамъ былъ не одинокъ:

тамъ у него были товарищи, только незримые обыкновенному глазу, особенно глазу взрослаго человѣка. Для ребенка все въ природѣ было живое, все его ласкало, и все съ нимъ играло такъ хорошо, что ему къ людямъ не хотѣлось.

Когда ему исполнилось шесть лѣтъ, семья переселилась въ Житоміръ. Здѣсь они жили тоже за городомъ, на краю бѣднаго предмѣстья, у самой рѣчки. Но мальчику было цѣлыхъ шесть лѣтъ, пора учиться, и его отдали въ хедеръ. Въ маленькой комнаткѣ было множество дѣтей и два учителя: самъ „ребе“ и его помощникъ. Помощникъ обучалъ новичковъ еврейской азбукѣ, а затѣмъ ребе проходилъ съ ними Пятикнижіе, библейскій комментарій мудраго Раши и псалмы царя Давида. Оба наставника больно дрались: помощникъ ущемлялъ между грязными пальцами кожу подъ подбородкомъ и трясъ изо всей силы, а ребе колотилъ плеткой. Мальчику трудно давалась азбука, именно потому, что ему очень понравились буквы: буква „алефъ“ оказалась похожа на коромысло, съ двумя ведрами, и, при взглядѣ на нее, вспомнилась сосѣдская горничная Маруся, что таскала воду изъ колодца; буква „гимель“ была, точь въ точь, какъ тотъ высокій сапогъ, что нарисованъ на коробочкѣ отъ

ваксы: высокій сапогъ, а передъ нимъ чертенокъ съ хвостомъ присѣлъ на корточки и чиститъ. И когда помощникъ, стукая указкой по буквѣ, спрашивалъ, что это такое, мальчикъ радостно, точно завидя добраго знакомаго, вскрикивалъ:

— Ой, это Маруся!..

Хорошо было то, что и хедеръ находился на краю предмѣстья, надъ рѣчкой. Лѣтомъ дѣти занимались на воздухѣ и урывками бѣгали купаться. Такимъ образомъ, еще съ годъ или полтора будущій поэтъ сохранилъ нѣкоторую связь со своей первой подругой - природой.

На седьмомъ году его жизни все рѣзко измѣнилось. Отецъ его умеръ. И до того семья очень бѣдствовала: даже въ канунъ субботы не было за столомъ традиціонной праздничной булки — „халы“ — и вся трапеза состояла изъ куска чернаго хлѣба и хвостика селедки. Теперь стало еще хуже. Мать занялась мелочною торговлей въ разносъ, а по ночамъ вязала чулки на продажу. Ѣсть было нечего. Тогда дѣдъ съ отцовской стороны, жившій въ другомъ предмѣстьи Житоміра, согласился принять одного изъ мальчиковъ на воспитаніе, и Хаимъ-Нахманъ поселился у дѣда.

Старикъ былъ тоже талмудистъ и большой на-

четчикъ спеціально въ литературѣ хасидизма и Каббалы. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ надъ своими книгами, былъ суровъ и сухъ въ обращеніи; внука онъ очень полюбилъ, но тогда было не въ обычаѣ выказывать дѣтямъ любовь. За то многочисленные домашніе дѣда не взлюбили мальчика, и много ему пришлось отъ нихъ и изъ-за нихъ вынести. Онъ, впрочемъ, и дѣйствительно былъ шаловливый ребенокъ, и не разъ видѣли его на верхушкѣ телеграфнаго столба или на высокомъ деревѣ; случалось и такъ, что онъ въ полночь забирался на крышу и кричалъ пѣтухомъ. Дѣдъ, учителя, тетки, двоюродные братья жестоко расплачивались съ нимъ за эти грѣхи, и тогда онъ забивался въ уголокъ, думалъ о своей матери, ненавидѣлъ своихъ враговъ, а потомъ мало по малу успокаивался и черезъ часъ опять сидѣлъ верхомъ на дымовой трубѣ.

Однако учителя были имъ довольны. Онъ оказался способнымъ и понятливымъ и легко усваивалъ труднѣйшія тексты Талмуда. Кромѣ того, онъ пристрастился къ чтенію. У дѣда была большая библіотека по разнообразнымъ отдѣламъ еврейскаго знанія. Мальчикъ ее всю перечиталъ, многаго не понимая, но въ тоже время шлифуя и изощряя

свой умъ и проникая въ самую глубь духовной жизни вѣчнаго народа. Въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ очень увлекался чтеніемъ каббалистовъ, колдовствомъ и заклинаніями, а нѣсколько позднѣе попали въ его руки произведенія, такъ называемой, „просвѣтительной эпохи“, полныя протеста противъ обряда и традиціи, полныя порыва къ новой жизни и новой культурѣ.

Когда мальчику минуло тринадцать лѣтъ, было признано, что учителямъ съ нимъ больше нечего дѣлать, и ему остается дальше самому пополнять свои знанія. Тогда онъ сталъ заниматься въ бетъ-гаммидрашѣ (въ разговорномъ произношеніи „бейс-амéдрешъ“). Трудно объяснить людямъ иного быта, что это за учрежденіе. Это — „молитвенная школа“, нѣчто среднее между домомъ молитвы и домомъ священной науки, или, вѣрнѣе, сочетаніе того и другого, причемъ второе назначеніе — школа — заслоняетъ первое. Съ зари до полночи, иногда и заполночь, сидѣли въ бетъ-гаммидрашѣ старики и отроки, богачи и нищіе, раввины и лавочники, каждый предъ своимъ фоліантомъ, и на распѣвъ, покачиваясь, повторяли священные тексты, упивались мудрыми толкованіями, опьянялись высшимъ разгуломъ духа за счетъ хилаго и презрѣннаго тѣла. —

Такъ бывало прежде, такъ оно въ немногихъ уцѣлѣвшихъ углахъ и понынѣ. Но на томъ бетъ-гаммидрашѣ въ предмѣстьи Житоміра уже успѣла отразиться ѣдкая сила времени: онъ опустѣлъ. Тринадцатилѣтній ученый встрѣтилъ тамъ только одного коллегу — стараго „дайяна“, духовнаго раввина, что полъ-дня сидѣлъ надъ книгами, а полъдня тамъ же принималъ богобоязненныхъ посѣтителей и разрѣшалъ имъ ритуальные вопросы. Мальчикъ почувствовалъ себя совершенно отрѣзаннымъ отъ міра: лѣса, поля, воды, люди, вся жизнь осталась гдѣ то за стѣною. И на время онъ все это забылъ и ушелъ въ книги. Старый „дайянъ“ заинтересовался мальчикомъ-товарищемъ и предложилъ ему заниматься вмѣстѣ. За годъ мальчикъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что иногда, въ отсутствіи „дайяна“, принималъ его посѣтителей и разрѣшалъ ихъ сомнѣнія по запутаннымъ вопросамъ еврейскаго права и ритуала.

Но въ свободное время онъ все больше увлекался книгами „просвѣтительнаго“ содержанія. Бетъ-гаммидрашъ сталъ ему тѣсенъ. Его потянуло въ Берлинъ, ему грезилась тамошняя раввинская семинарія и титулъ „доктора философіи“. Но о Берлинѣ передъ дѣдомъ нельзя было и заикнуться. Мальчикъ

рѣшилъ отправиться, по крайней мѣрѣ, въ Воложинъ, литовское мѣстечко, гдѣ существовалъ съ 1803-го года знаменитый „ешиботъ“—высшая школа іудаизма. Кто то ему сказалъ, будто въ Воложинѣ проходятъ не только еврейскіе предметы, но и свѣтскую науку—„семь мудростей и семьдесятъ языковъ“. Дѣдъ и объ этомъ долгое время слышать не хотѣлъ. Дѣдъ былъ хасидъ, а литовское еврейство издавна враждовало съ этимъ теченіемъ, и Воложинскій ешиботъ даже былъ созданъ главнымъ противникомъ и гонителемъ хасидизма—великимъ виленскимъ Гаономъ. Но случайно старику попала въ руки записка, въ которой внукъ очень нелестно отзывался объ одномъ изъ столповъ волынскаго хасидизма. Оказалось, что ересь уже пустила корни въ душѣ мальчика. Дѣдъ рѣшилъ: ужъ лучше Воложинъ, а то Богъ знаетъ, чѣмъ это еще кончится.

Пятнадцатилѣтній Бяликъ очутился въ Воложинѣ. Онъ, конечно, ошибся: тамъ не проходили ни одной изъ „семи мудростей“ и ни одного изъ „семидесяти языковъ“. Около четырехсотъ молодыхъ людей сидѣли тамъ надъ Гемарой, лекціи были посвящены Гемарѣ, все начиналось и кончалось Гемарой. Онъ былъ сильно разочарованъ, но тоже сѣлъ за Гемару и на нѣкоторое время увлекся.

Успѣхи его скоро бросились въ глаза даже въ этой средѣ, гдѣ общій уровень еврейскихъ знаній былъ очень высокъ, такъ какъ принимали въ ешиботъ съ большимъ выборомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ могъ послать дѣду хвалебный отзывъ самого главы ешибота, Н. Берлина, пользовавшагося большимъ авторитетомъ даже у хасидовъ. На нѣсколько мѣсяцевъ молодой Бяликъ сталъ снова mathmid'омъ — отшельникомъ Ученія, подвижникомъ Книги, для котораго міръ и всѣ богатства бытія — ничто передъ квадратными буквами стараго фоліанта, озареннаго тусклой свѣчею.

И опять недолго продолжалось это настроеніе. Сама среда нашептывала мятежныя мысли. Въ ешиботѣ уже давно замѣчалось броженіе, ученики волновались, требовали включенія въ программу общеобразовательныхъ предметовъ, отъ времени до времени устраивали форменные бунты. Большая часть тайкомъ въ свободное время училась русскому и нѣмецкому языку, ариѳметикѣ и другимъ отраслямъ „эллинской премудрости“. Съ помощью сверстниковъ выучился читать по-руски и юный пришелецъ съ Волыни. Первой книгой на русскомъ языкѣ, которую онъ прочелъ, были стихотворенія Фруга; они произвели на юношу громадное впечатлѣніе.

Въ 1891-мъ году въ газетѣ „Hammeliz“, издававшейся въ Петербургѣ, появилось его первое произведеніе—статья палестинофильскаго содержанія, подъ заглавіемъ: „Идея колонизаціи“. Она была написана по порученію кружка, образовавшагося въ ешиботѣ подъ вліяніемъ еврейской публицистики того времени. Это былъ моментъ, когда съ одной стороны, Achad - Ha'am (псевдонимъ У Гинцберга), властитель думъ тогдашней еврейской молодежи, проповѣдовалъ свой „духовный сіонизмъ“—теорію возрожденія національнаго духа черезъ „культурный центръ“ въ Палестинѣ; отъ другихъ стадій національнаго движенія—отъ практически-колонизаторскаго палестинофильства, которое тогда уже никого не увлекало, и отъ политическаго сіонизма, который тогда еще не возникъ,—эта теорія отличалась тѣмъ, что отрицала возможность новаго „исхода“ въ большихъ размѣрахъ и, за то, настаивала на національномъ перевоспитаніи еврейскихъ массъ въ діаспорѣ. Съ другой стороны, нѣкоторыя группы, выдѣлившіяся изъ непримиримой непріемлющей наукъ ортодоксіи, проповѣдовали сочетаніе строгаго обрядоваго благочестія съ современнымъ просвѣщеніемъ. До Воложина вся эта литература доходила обрывками, такъ какъ на чтеніе постороннихъ книгъ и особенно

газетъ начальство ешибота смотрѣло косо. Кружокъ хотѣлъ объединить все—и „духовный сіонизмъ“, и вѣрность ортодоксальной традиціи, и свѣтскую науку. Въ этомъ смыслѣ было рѣшено издать возваніе, а сочинить его было поручено молодому Бялику; въ результатѣ явилась статья, которую охотно принялъ и напечаталъ „Hammeliz“

Въ это время товарищи уже смотрѣли на Бялика, какъ на будущаго писателя. Дѣйствительно, среди его набросковъ уже имѣлись вполнѣ законченныя вещи, между прочимъ и стихотвореніе „Къ ласточкѣ“, которымъ онъ вскорѣ дебютировалъ въ качествѣ поэта. Писать онъ началъ рано, еще до бетъ-гаммидраша; большей частью то были сатиры на сверстниковъ и учителей; очевидно, и та непочтительная записка о волынскомъ цадикѣ, что убѣдила дѣда отпустить юношу въ Воложинъ, тоже принадлежала къ этому виду творчества. За двухлѣтнее пребываніе въ ешиботѣ писательское призваніе въ немъ окрѣпло и опредѣлилось. Его ужъ больше не тянуло въ Берлинъ; онъ мечталъ объ Одессѣ, гдѣ въ то время группировался вокругъ упомянутаго У. Гинцберга кружокъ популярныхъ еврейскихъ литераторовъ. Въ то же время жизнь въ Воложинѣ сдѣлала его болѣе смѣлымъ и самостоятельнымъ: посте-

пенно созрѣло въ немъ рѣшеніе обойтись въ этомъ случаѣ безъ согласія дѣда и семьи. Восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ рѣшительнымъ шагомъ вывелъ свою жизнь изъ русла, по которому она была до тѣхъ поръ направлена, и, безъ вѣдома родныхъ, безъ денегъ и безъ связей, очутился въ Одессѣ.

Здѣсь онъ явился къ писателю І. Равницкому, готовившему тогда къ печати сборникъ подъ заглавіемъ „Happardes“, и предложилъ ему для сборника стихотвореніе „Къ ласточкѣ“. Редактированіе книги уже было закончено, она набиралась; Равницкій согласился просмотрѣть стихотвореніе, но предупредилъ, что оно уже не попадетъ въ сборникъ. Однако, прочитавъ, онъ передумалъ. Содержаніе было наивное: поэтъ здоровался съ ласточкой, прилетѣвшей съ юга весною, горько жаловался ей на то, какъ тяжело живется его народу въ этой холодной старнѣ, и жадно разспрашивалъ, что видѣла она за теплыми морями. Быть можетъ, она пролетѣла надъ Палестиной? „Принесла ли ты мнѣ привѣтъ отъ роскоши родной земли, отъ ея долинъ и горъ? Сжалился ли Богъ надъ Сіономъ, утѣшилъ ли его, или попрежнему край оставленъ могиламъ?“ Но наивныя мысли были выражены задушевно и трогательно, стихъ легокъ и звученъ, нѣкоторыя риѳмы богаты. Стихо-

твореніе попало въ сборникъ. Въ еврейской литературѣ, гдѣ всѣ имена были наперечетъ, и „Happardes“ ожидался съ большимъ интересомъ, этотъ дебютъ не могъ пройти незамѣченнымъ.

Дальнѣйшая жизнь Х. Н. Бялика можетъ быть разсказана кратко: по внѣшнимъ событіямъ она похожа на множество другихъ жизней, на жизнь любого еврейскаго бѣдняка и автодидакта. Въ Одессѣ онъ терпѣлъ и голодъ, и холодъ; впрочемъ, тамошніе писатели ему покровительствовали, доставили ему платные уроки еврейскаго языка, дали возможность выучиться нѣмецкому. Не прошло года, какъ онъ узналъ, что дѣдъ при смерти, и вынужденъ былъ возвратиться въ Житоміръ. Здѣсь онъ похоронилъ старика. Разныя причины принудили его остаться въ Житомірѣ. Вскорѣ онъ женился, девятнадцатилѣтнимъ юношей. Онъ занялся лѣсной торговлей, потомъ переѣхалъ въ Польшу, въ Сосновицы, гдѣ давалъ уроки. Въ 1900 году онъ опять поселился въ Одессѣ, гдѣ, съ небольшими перерывами, живетъ до сихъ поръ. Одно время онъ редактировалъ беллетристическій отдѣлъ ежемѣсячнаго журнала „Haschiloach“; теперь онъ, вмѣстѣ съ І. Равницкимъ, стоитъ во главѣ книгоиздательства „Morija“, которое за недолгіе годы своего существованія пріобрѣло

репутацію одного изъ серьезнѣйшихъ факторовъ развитія еврейской литературы, особенно педагогической. За всѣ эти годы онъ много читалъ, вообще упорно работалъ надъ своимъ самообразованіемъ, главнымъ образомъ, въ области европейскихъ литературъ. Что касается до еврейской литературы всѣхъ эпохъ, то онъ считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этой почти необъятной сокровищницы и ея богатаго языка.—Впрочемъ, когда въ Одессѣ возникъ образцовый ешиботъ, и Х. Н. Бяликъ былъ туда приглашенъ лекторомъ еврейскаго языка и литературы, учебное начальство не утвердило его—за непредставленіемъ свидѣтельства на званіе начальнаго учителя.

Х. Н. Бяликъ принимаетъ живое участіе въ еврейской общественной дѣятельности. Онъ близко стоитъ къ Одесскому Палестинскому комитету и къ его работамъ, особенно въ области школьнаго дѣла въ Палестинѣ. Когда въ 1908 году онъ посѣтилъ эту страну, гдѣ на его пѣсняхъ воспитываются дѣти, и рабочіе поютъ ихъ, идя за плугомъ, еврейское населеніе превратило его поѣздку въ тріумфальное шествіе.

Личная жизнь Х. Н. Бялика могла бы сама по служить канвою для большой поэмы. Не потому, чтобы событія этой жизни были такъ необычайны, а потому, напротивъ, что они такъ обычны, такъ характерны для той среды. Вся жизнь гетто въ эпоху его распада отразилась бы въ этой поэмѣ. Но совокупность собственныхъ произведеній Бялика можно разсматривать именно, какъ такую поэму. Тогда намъ станетъ особенно понятенъ ихъ смыслъ и внутренняя связь; тогда намъ станетъ понятно, что Бяликъ—національный поэтъ въ полномъ и высшемъ смыслѣ этого слова, національный даже тамъ, гдѣ ему поется о солнцѣ и любви. Ибо онъ написалъ только то, что пережилъ, а жизнь его была, во всѣхъ ея дѣлахъ и дняхъ, отраженіемъ и повтореніемъ коллективнаго бытія еврейской улицы въ послѣднюю четверть XIX-го вѣка и въ началѣ XX-го.

Бяликъ самъ разсказалъ намъ свою литературную біографію въ стихотвореніи „Если ангелъ

вопроситъ..."*) На вопросъ ангела, охраняющаго таинственный порогъ, поэтъ разсказываетъ ему исторію своей души. Она переведена въ этомъ сборникѣ, но здѣсь мы ее вкратцѣ напомнимъ. Гдѣ-то на краю свѣта, въ глухомъ мѣстечкѣ, игралъ на улицѣ ребенокъ, одинокій, нѣжный, задумчивый: „и тотъ ребенокъ, о ангелъ, — то былъ я". Однажды ребенокъ залюбовался на бѣлую тучку — и душа его потянулась къ ней и упорхнула. Въ небѣ подхватилъ ее солнечный лучъ и долго носилъ ее по свѣту. Однажды лучъ упалъ на слезу, что блестѣла на дѣтской щечкѣ, и душа поэта соскользнула съ золотого луча и растворилась въ слезинкѣ. А слеза потомъ упала на священный пергаментъ старой дѣдовской книги, и тамъ, среди мертвыхъ буквъ и пятенъ воску и сала, душа поэта трепетала и билась. — И задохнулась? — спрашиваетъ ангелъ. — Нѣтъ, ангелъ, запѣла! Ибо въ мертвыхъ буквахъ била родникомъ пѣсня жизни. И душа поэта запѣла обо всемъ, что познала: о бѣлой тучкѣ, о солнечномъ лучѣ, о жемчужной слезинкѣ и о старой Книгѣ, испещренной святыми квадратными письменами.

---

*) Въ разбивку набраны заглавія тѣхъ изъ упоминаемыхъ здѣсь стихотвореній, которыя переведены въ настоящемъ сборникѣ.

Это, въ самомъ дѣлѣ, основное содержаніе поэзіи Бялика: обожаніе солнца, природы, жизни — обожаніе, иногда похожее на ясную радость, иногда на мучительную жажду; преклоненіе предъ Книгой, святою Книгой съ ея пятнами воску и сала, съ ея ароматомъ старины и быта, съ ея преданіями о погибшемъ величіи; и, наконецъ, или прежде всего, слезы, слезы разной крѣпости и разнаго состава, отъ явныхъ слезъ унынія до затаенныхъ, ядовитыхъ слезъ нестерпимаго гнѣва.

Бяликъ началъ со слезъ. Когда онъ вышелъ изъ дѣтскаго невѣдѣнія и оглядѣлся, кругомъ, въ великомъ гетто западнаго края, было тоскливо и скверно. Обще-россійскія условія той эпохи всѣмъ еще памятны; внутренняя жизнь еврейства тоже стояла на мертвой точкѣ. Активное палестинофильство, подъ ударами разочарованій, шло на убыль; „духовный сіонизмъ“ Ахадъ-Гаама былъ утѣшеніемъ только для немногихъ; Герцля еще не было; Бундъ еще только-только зарождался. Было скучно, скверно и невесело. Нѣсколько позже Бяликъ символически охарактеризовалъ то сѣрое время въ „Сиротливой пѣснѣ“: свинцовое небо, топкая слякоть,

мертвые голые сучья, которые словно не вѣрятъ больше въ весну, и вѣтеръ воетъ напѣвомъ безнадежности. И даже, когда соловьиная пѣсня вдругъ зазвучитъ среди этого унынія, не на радость она зазвучитъ, не ко времени—„и въ сердце проникнетъ глубокая, скорбная жалость о пташкѣ-сироткѣ и пѣснѣ ея сиротливой...“

Въ другомъ стихотвореніи, озаглавленномъ „Моя пѣсня“, Бяликъ даетъ болѣе конкретную картину этого существованія — даетъ типичный еврейскій intérieur изъ захолустнаго гетто. Это несомнѣнно-автобіографическое стихотвореніе лишено всякой оригинальности: такіе мотивы есть у каждаго еврейскаго поэта—но, если это понижаетъ художественную, за то подчеркиваетъ бытовую цѣнность произведенія. Бяликъ здѣсь пытается иными словами, чѣмъ съ бесѣдѣ съ ангеломъ, возстановить исторію своей пѣсни. Первымъ его учителемъ поэзіи былъ сверчокъ въ щеляхъ родимой лачуги. Субботній ужинъ безъ вина, безъ бѣлаго хлѣба, семеро дѣтей, каждому по черствой коркѣ и по куску селедки—старая, сто разъ перепѣтая картина. Но послѣ ѣды, согласно чину, отецъ затягивалъ традиціонно-субботніе гимны—„земиротъ“, голодныя дѣти подпѣвали, и тогда имъ аккомпанировалъ незримый сверчокъ,

„пѣвецъ нищеты“, и его пѣсня, „тоскливая, какъ смерть, какъ безсмыслица приниженной жизни, и печальная, безъ конца и предѣла печальная“, стала образцомъ для поэта.

Таково дѣтство. Много ли лучше юность? Резюмируя всю жизнь человѣка изъ гетто—въ стихотвореніи „Одинокая звѣзда“, написанномъ въ 1899 году, когда поэту было 25 лѣтъ,—онъ не находитъ для нея оцѣнки, кромѣ проклятія—проклятія этой „жизни безъ надежды, безъ огня и доли“—

Жизни безъ надежды, затхлой, топкой, грязной,
Мертвенно свинцовой, жалко-безобразной—
Жизни пса, что рвется на цѣпи, голодный...
О, проклятье жизни, жизни безысходной!...

Для Бялика въ этой темной и топкой жизни есть одна только точка посвѣтлѣе, на которой глаза его останавливаются почти безъ горечи, съ глубокимъ волненіемъ благодарности. Это—бетъ-гаммидрашъ, старая, закоптѣлая молитвенная школа на окраинѣ города, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своего отрочества. Когда, послѣ Воложина, послѣ первыхъ опьяняющихъ успѣховъ въ Одессѣ, онъ вернулся въ Житоміръ и опять увидѣлъ этотъ обветшалый „храмъ Бога юности своей“, глубокое

волненіе охватило его, грусть о дѣтствѣ, проведенномъ въ разлукѣ съ солнцемъ и природой, и вмѣстѣ сознаніе, что и въ этомъ полутемномъ углу затаилось нѣчто великое, скрыть цѣлый міръ, по-своему богатый и многоцвѣтный, рѣютъ незримыя крылья чего то высшаго—тѣнь Божества, или душа старой вѣры—то, что святыя книги называютъ непереводимымъ словомъ „Шехина“. Въ этомъ покосившемся домишкѣ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ, ему подобныхъ, длинный рядъ поколѣній находилъ отраду и награду за всѣ муки жизни: здѣсь былъ родникъ ихъ нравственной мощи, оплотъ духовнаго самосохраненія, родное материнское лоно, что принимало и впитывало ихъ слезы... „Домомъ жизни нашей“ называетъ Бяликъ это святилище Книги въ одномъ изъ стихотвореній, посвященныхъ бетъ-гаммидрашу, — „Если познать ты хочешь...“ Иногда поэту кажется, что всѣмъ своимъ духовнымъ богатствомъ онъ обязанъ только этой темницѣ своего дѣтства. „Старый храмъ Бога юности моей“—говорится въ другомъ, еще совсѣмъ раннемъ стихотвореніи, не вошедшемъ въ этотъ сборникъ,—„не съ пустыми руками опустилъ ты меня изъ укромной твоей сѣни: твои добрые ангелы сопровождали меня по дорогѣ—плодотворная мысль,

свѣжій разумъ, цѣльное, увѣренное сердце... Да, врагъ мой сильнѣе меня—но, покидая тебя, я спасъ моего Бога, и мой Богъ спасъ меня..."

Но, въ свою очередь, печальна и мрачна и эта единственная свѣтлая точка. Въ циклѣ стихотвореній, посвященныхъ ей Бяликомъ, есть крупная поэма „Hammathmid": точно перевести это слово по-русски нельзя, а приблизительно оно значитъ „Подвижникъ". Въ первыя изданія эта поэма не вошла, потому что и она въ сущности такъ же непереводима, какъ и ея заглавіе. Дѣйствія въ ней нѣтъ, она вся состоитъ—если можно такъ выразиться—изъ бытовой лирики. Это — частью описательная, а главнымъ образомъ психологическая картина изъ жизни бетъ-гаммидраша, или, вѣроятнѣе, воложинскаго ешибота. На еврейскихъ читателей поэма произвела громадное впечатлѣніе; но публика, незнакомая съ изображаемой тамъ средой и далекая отъ тѣхъ переживаній, врядъ ли оцѣнитъ ее. Здѣсь переведены только отрывки. Въ поэмѣ, очевидно, есть и автобіографическій элементъ. Ея герой—мальчикъ, приносящій всѣ радости отрочества въ жертву одной честолюбивой мечтѣ: сдѣлаться истиннымъ „mathmid'омъ", истиннымъ подвижникомъ „Книги", ученымъ, „гаономъ", княземъ отъ вѣнца талмудическаго.

Съ самаго разсвѣта онъ уже въ своемъ полутемномъ углу пожираетъ глазами святыя квадратныя буквы. Заря, вѣтерокъ, солнечные лучи, пташки, сверстники, всѣ искушенія природы и жизни манятъ его къ себѣ; изъ его товарищей не всѣ выдержали тяжкій искусъ—одного застали ночью за картами, другого съ дѣвушками, третьяго въ субботу съ папироской въ зубахъ, четвертаго съ запретной книгой, пятый сталъ женихомъ румяной деревенской толстушки... Но маленькій подвижникъ непоколебимъ, онъ ничего не видитъ, не слышитъ, жизнь проходитъ поту сторону окна, и никогда не узнаетъ онъ, что есть радость, что́ такое молодость...

Бяликъ знаетъ неизбѣжную судьбу этого „послѣдняго угла“. Есть у него небольшое стихотвореніе „Lebaddi“ (буквально „Я одинъ“; въ настоящемъ сборникѣ озаглавлено „Послѣдній“) — непередаваемо-трогательное, проникнутое грустью сына у постели матери, которая осуждена. Всѣхъ уже вѣтеръ унесъ къ свѣту, къ новымъ пѣснямъ,—онъ одинъ остался позабытый, въ опустѣломъ божьемъ домѣ, „подъ крылами Шехины“. И Шехина—старое, осиротѣлое вѣяніе Божества, еще витающее въ покинутыхъ стѣнахъ маленькаго дома на окраинѣ,—незримо простираетъ надъ нимъ перебитое крыло—

и трепещетъ, трепещетъ „за послѣдняго сына“. Иногда и его тянетъ къ окну и свѣту, и тогда ему чудится, будто Шехина плачетъ, прижимаясь, ласкаясь къ нему и какъ будто защищая перебитымъ крыломъ отъ чего-то неизбѣжнаго. И ему чудится, будто она шепчетъ: „Всѣхъ ихъ вѣтеръ унесъ, я одна, одинока“... И многое звучитъ въ этомъ беззвучномъ шопотѣ: „заключительный аккордъ древней скорбной пѣсни, и мольба, и ужасъ“—мольба о пощадѣ, ужасъ предъ неизбѣжностью...

Не выплакала осиротѣлая Шехина у рока свою послѣднюю надежду: поэтъ тоже ушелъ. И его „унесъ вѣтеръ“, и его „захлестнуло свѣтомъ“. Изъ лишенія родилась жажда. Изъ этой жизни, гдѣ не брезжило ничего, кромѣ слезъ и „Книги“, сердце вынесло несказанную жажду счастья, красоты, солнца — особенно солнца. Трудно найти у другого поэта, когда бъ онъ ни жилъ и на чьемъ бы языкѣ ни писалъ, такое идолопоклонническое обожаніе солнечнаго свѣта: только въ темныхъ подвалахъ еврейскаго переулка, только въ полумракѣ бетъ-гаммидраша, только въ гетто. оторванномъ отъ солнца и природы, могло родиться это поклоненіе. Бяликъ еще былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе другихъ своихъ братьевъ по гетто, онъ, все же, зналъ и солнце, и поле въ первые годы своей жизни — и никогда уже не могъ ихъ забыть. Цѣлый рядъ его произведеній посвященъ этому упоенію свѣтомъ и роскошью природы — „гимномъ земли“, по дивному слову Библіи; но ярче всего излилось это настроеніе въ „Зо́бряхъ“, одномъ изъ тѣхъ счастливыхъ, не

подражаемыхъ-произведеній, которыя пишутся только въ молодости и только нечаянно. Въ этой маленькой поэмѣ Бяликъ олицетворяетъ солнечные лучи, дѣлаетъ изъ нихъ крохотныя живыя существа, товарищей своего дѣтства; они съ нимъ играютъ, прыгаютъ, хохочутъ — и все это въ Ніагарѣ невѣроятнаго и, конечно, для переводчика неподражаемаго богатства красокъ и оттѣнковъ, добытыхъ Бяликомъ изъ бездонныхъ кладезей трехъ-тысячелѣтняго языка.

Замѣчательно въ психологическомъ отношеніи и другое стихотвореніе того же цикла — „Въ полѣ“. Съ незапамятной древности „отлученный отъ персей земли“, сынъ и потомокъ торговцевъ, ремесленниковъ, въ лучшемъ случаѣ раввиновъ, выросшій въ грязи предмѣстья — какъ этотъ еврей у Бялика любитъ поле, ниву, колосья, какъ онъ чуетъ вѣчную, серьезную красоту работы оратая, и какими хорошими словами шлетъ онъ привѣтъ за море, на далекій сирійскій берегъ, „братьямъ, пашущимъ въ домѣ моей матери...“

Но понятіе красотѣ не исчерпывается красотами природы — есть у жизни другія прелести, болѣе интимныя, болѣе могущественныя: это — мечты молодости, страсть, любовь. Старое гетто, подлинное,

нетронутое, правовѣрное, патріархальное, мало знало объ этой сторонѣ жизни. Его женщины могли бы, если бы знали, повторить о себѣ слова пушкинской няни: „и полно, въ наши лѣта мы не слыхали про любовь, а то бы согнала со свѣта меня покойница-свекровь“. Эти цѣльные, плотно-сложившіеся быты почти не оставляли мѣста для такихъ капризныхъ, зыбкихъ, неучитываемыхъ двигателей, какъ любовь; функція воспроизведенія обставлялась въ этой средѣ прочными, незыблемыми правилами, противъ которыхъ никому и въ голову не приходило возставать—и которыя дѣлали любовь чѣмъ то неумѣстнымъ, соціально-лишнимъ. Въ старомъ гетто на любовь смотрѣли, какъ на довольно рѣдкую болѣзнь, на душевную аберрацію, поддаваться которой неприлично серьезному человѣку. Въ одномъ разсказѣ о той эпохѣ внучка спрашиваетъ бабушку:

— Ты любила дѣда, когда стала его невѣстой?

Старая бабушка краснѣетъ:

— Богъ съ тобою, что ты говоришь? Полюбить человѣка до свадьбы! Чужого молодого человѣка!

Бяликъ выросъ въ одномъ изъ послѣднихъ экземпляровъ этого гетто, когда распадъ стараго уклада уже надвигался, но еще не совершился.

Выше, вспоминая бесѣду поэта съ ангеломъ, мы не до конца ее прослѣдили: здѣсь умѣстно будетъ вспомнить и конецъ этой исповѣди. Да, душа поэта пѣла обо всемъ, что познала: о тучкѣ, о лучѣ, о слезинкѣ, о Книгѣ, но—

Про любовь и про юность только пѣсенъ не знала.
И куда то рвалася, и томилась о чемъ то,
Тосковала и ныла, словно въ тѣсной темницѣ;
И однажды раскрылъ я обветшалую Книгу—
И душа улетѣла на волю.
И съ тѣхъ поръ она въ мірѣ безпріютно блуждаетъ,
Безпріютно блуждаетъ и не знаетъ утѣхи;
И въ стыдливыя ночи, когда мѣсяцъ родится,
Когда молятся люди объ ущербѣ свѣтила,
Она грезитъ любовью предъ порогомъ запретнымъ
И стучится, прижавшись, беззвучно рыдая
И молясь о любви...

У Бялика есть, конечно, стихотворенія, посвященныя любви, есть даже среди нихъ маленькіе шедевры. Есть идиллія „Мотылекъ“, пропитанныя истиннымъ сверканіемъ первой молодости, маленькая непритязательная исторія про то, какъ онъ и она шли межою, и мотылекъ „сѣлъ на косы твои и запутался въ прядь, на цвѣточекъ похожій“, и что изъ того вышло: обыкновенная исторія, всякій ее переживалъ, и вѣрно нѣтъ человѣка, чтобы, про-

читавъ въ подлинникѣ эту прелестную игрушку, не задумался, улыбаясь и припоминая. Есть „Народныя пѣсни“, интересная попытка возстановить — или, вѣрнѣе, угадать — характеръ современной народной пѣсни на еврейскомъ языкѣ, построивъ ее на элементахъ библейской „Пѣсни пѣсней“, талмудическихъ легендъ и мотивовъ жаргонной народной поэзіи: несмотря на искуственность замысла, нѣкоторыя вещи этого цикла даютъ полную иллюзію подлинности и дышатъ неподдѣльной страстностью. Но иногда сквозь эту эротическую роскошь просвѣчиваетъ нѣчто другое, слышится робкое признаніе — и глубокая, надрывающая искренность этого признанія затмеваетъ, обращаетъ въ выдумку всѣ только что вылившіеся изъ-подъ пера поэта любовные образы. Таковы стихотворенія „Гдѣ ты“, „Пріюти меня подъ крылышкомъ...“ Въ нихъ повторяется мотивъ изъ исповѣди предъ ангеломъ: лучшее, что есть въ жизни, неизвѣдано сыномъ гетто...

Къ этому циклу и этому мотиву тѣсно примыкаетъ поэма „Свистокъ о пламени“, на которой слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе, чтобы, если не вполнѣ, то хоть отчасти ввести читателя въ ея сложный символическій замыселъ. Во-

обще говоря, „разъяснять“ символическое произведеніе значитъ портить его, низводить на уровень аллегоріи; но въ данномъ случаѣ символъ построенъ на такикъ интимныхъ сторонахъ еврейской трагедіи, которыя читателю не-еврею обыкновенно неизвѣстны; такова же и форма, сотканная изъ элементовъ аггадической и каббалистической литературы. Необходимо поэтому дать читателю въ руки нѣкоторую нить, указать ему въ общихъ чертахъ на ту категорію національныхъ переживаній, которую имѣлъ въ виду авторъ.

„Свитокъ о Пламени“ есть поэма о роковой неполнотѣ національнаго бытія народа въ изгнаніи. Со дня, когда была утрачена независимость, а за нею родина,—со дня, когда на разрушенномъ алтарѣ догорѣло святое Пламя, символъ полновѣсной, многоцвѣтной жизни,— еврейскій народъ ограничилъ свое бытіе суровыми и тѣсными желѣзными гранями. Все что есть роскошь жизни, было изгнано изъ національнаго обихода: изгнана любовь, изгнана радость, изгнано творчество, изгнано все то красивое, сверкающее, полнокровное, что Бяликъ объединяетъ въ символѣ женщины, женственнаго начала. Жизнь стала подобна пустынному каменистому острову. Только этой цѣной могъ безземельный бродяга сохра-

нить остатокъ того, что есть высшее сокровище каждаго племени, — остатокъ своей самобытной личности, послѣднюю прядь отъ догорѣвшей „гривы Огненнаго Льва“. За стѣнами гетто, у чужихъ людей, искрилась и переливала всѣми красками божіей палитры свободная полнота жизни, — для узниковъ пустыннаго острова порывъ навстрѣчу этой жизни означалъ бы исчезновеніе вѣчнаго народа „въ волнахъ рѣки, Аваддонъ, чье имя — Гибель“. И вотъ, на почвѣ этой двадцативѣковой борьбы между радостью бытія и суровой миссіей самосохраненія, между Аваддономъ и Небомъ, развивается у Бялика великая трагедія современнаго еврейства — нецѣльность, двойственность, сумеречная шаткость и зыбкость еврейской души.

Таковъ, приблизительно, ключъ, съ которымъ надо подходить къ этой поэмѣ и отдѣльнымъ ея эпизодамъ. Остальное дополнитъ читатель. Детали символическаго произведенія должны оставаться неясными, чтобы каждый могъ воспринимать ихъ по своему: въ этомъ главная цѣнность настоящаго художественнаго символа. Каждый читатель, чьей душѣ вещь эта покажется близка, вложитъ свое содержаніе въ отдѣльные образы — въ картину гибели юношей и дѣвъ, которыхъ только бездна сочетала,

въ кудряваго мальчика съ важно выпяченной грудью и громкими словами на устахъ, въ „Серну Зари“— утреннюю звѣзду, покровительницу „великихъ отщепенцевъ“. Читателямъ подлинника, дѣтямъ того же пустыннаго острова, ближе и роднѣе всего была въ этой поэмѣ „Исповѣдь“ VI главы: ее можно считать исповѣдью цѣлаго поколѣнія. Читатели русскаго перевода за то легче, быть можетъ, поймутъ Грознаго съ его „пѣснью ненависти“ — съ его призывомъ мстить народамъ міра, шныряя между ними и сѣя разложенія на нивахъ...

Таковъ высшій синтезъ жизни гетто въ глазахъ даровитѣйшаго изъ его сыновъ. Изъ двухъ основныхъ элементовъ слагается эта жизнь, изъ слезъ и „книги“, изъ горя житейскаго и суровой дисциплины духа. Солнца, солнца въ широкомъ смыслѣ нѣтъ въ этой жизни. Отсюда и родилась жажда свѣта и счастья, та жажда, которая, постепенно расширяясь, углубляясь, обобщаясь, вылилась въ многообразномъ еврейскомъ мятежѣ, ознаменовавшемъ послѣднія десятилѣтія. У однихъ это былъ мятежъ противъ внѣшняго насилія, у другихъ противъ неправедности мірового строя, у третьихъ — противъ нищеты и наготы родного племени: но у всѣхъ, революціонеровъ, соціалистовъ, сіонистовъ, это былъ въ сущности тотъ же мятежъ противъ жизни, заклейменной проклятіемъ Бялика, — „жизни безъ надежды, затхлой, топкой, грязной — жизни пса, что рвется на цѣпи, голодный...“

Бяликъ тоже мятежникъ, но въ другомъ смыслѣ. Его мятежъ глубже. Его молотъ бьетъ не по внѣшнему врагу: Бяликъ игнорируетъ внѣшняго врага,

не снисходитъ до упоминанія о немъ, а когда ужъ необходимо, отдѣлывается отъ него двумя словами, полными непередаваемой брезгливости, словно притрагивается кончикомъ пальца, чтобы отбросить.

Мятежъ Бялика направленъ во внутрь, удары его бьютъ по еврейской головѣ и еврейскому сердцу. Въ его глазахъ нѣтъ виновнаго, кромѣ самого еврейскаго народа: онъ виновенъ, потому что терпитъ, потому что соглашается страдать. Этимъ мятежомъ противъ себя, возстаніемъ противъ собственнаго рабьяго духа отмѣчена у Бялика одна категорія произведеній, къ которой, въ сущности, относится и упомянутая пѣснь Грознаго изъ „Свитка о Пламени". Самъ Бяликъ озаглавилъ ихъ „Пѣснями Гнѣва". Родились онѣ изъ той же „слезы", о которой поэтъ говорилъ испытующему ангелу. Но это ужъ не тѣ слезы, что пролились: отъ пролившихся слезъ, говорятъ, все же легче душѣ. Это—невыплаканныя слезы, схороненныя въ глубинѣ, перегорѣвшія, ядовитыя. Въ самомъ извѣстномъ изъ произведеній этого цикла—въ „Сказаніи о погромѣ"—поэтъ такъ передаетъ слова Бога, повелѣвшаго ему сберечь непролитую слезу:

... Ты сбереги нетронутой ее.
Лелѣй ее, храни дороже клада

И замокъ ей построй въ твоей груди—
Построй оплотъ изъ ненависти ада,
И не давай ей пищи, кромѣ яда
Твоихъ обидъ и ранъ твоихъ, и жди.
И вырастетъ взлелѣянное сѣмя,
И жгучій дастъ и полный яду плодъ;
И въ грозный день, когда свершится время,
Сорви его—и брось его въ народъ...

Возстановимъ кратко въ нашей памяти психологію той недавней эпохи, когда создались „Пѣсни Гнѣва“ и родственныя имъ стихотворенія. Послѣдніе годы прошлаго столѣтія были для гетто періодомъ большихъ духовныхъ кризисовъ. Національная идея, пробужденная послѣ 1880 года, но впослѣдствіи захирѣвшая, около того времени получаетъ новые толчки и начинаетъ осязательно захватывать и массы, и часть интеллигенціи. Первые сіонистскіе конгрессы создаютъ вокругъ себя атмосферу неслыханнаго энтузіазма; въ то же время рядомъ организуется Бундъ и, по мѣрѣ своего роста, замѣняетъ космополитическую идеологію національной. Со всѣхъ сторонъ на разные лады звучитъ анаѳема надъ старой, исконной политической пассивностью, къ которой въ теченіе вѣковъ цѣликомъ свелась вся государственная мудрость еврейскаго народа. Новое поколѣніе

хочетъ активно вмѣшаться въ исторію, хочетъ само, по своей волѣ и вкусу, лѣпить свою судьбу. И по всей линіи, извнѣ, какъ и внутри, оно переходитъ отъ обороны къ наступленію. Исторія еврейскаго народа не должна больше быть тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ, т.-е. „исторіей того, что другіе дѣлали съ евреями“: новые евреи хотятъ отнынѣ сами дѣлать свою исторію, наложить печать своей воли и на свою судьбу, и, въ справедливой мѣрѣ, также на судьбу страны, гдѣ они живутъ. И, поверхъ этого гама разнорѣчивыхъ, но въ сущности созвучныхъ голосовъ, не смѣшиваясь съ ихъ юношеской крикливостью, важный, серьезный, глубокій, непрерывно звучалъ отъ веселой зари до печальнаго заката голосъ Бялика.

Первымъ изъ этого цикла было стихотвореніе „Какъ сухая трава“, появившееся въ 1897 году; за нимъ послѣдовалъ рядъ аналогичныхъ произведеній въ томъ числѣ „Глаголъ“, „Вотъ она, кара Небесъ“ и, въ особенности, „Сказаніе о погромѣ“,—произведеній, по праву заслужившихъ Бялику имя воспитателя своего поколѣнія. Остановимся на нихъ.

Въ стихотвореніи—„Вотъ она, кара Небесъ“ Бяликъ подходитъ вплотную къ самой печальной,

самой малодушной, самой жалкой сторонѣ еврейскаго упадка: къ ассимиляціи. Ростъ поэта слишкомъ великъ для обыденной полемики противъ людей или партій: онъ трактуетъ ассимиляцію съ высоты, какъ судія, а не какъ противникъ, и охватываетъ всю глубину этого уродства съ рѣдкой остротой анализа, обличающей въ авторѣ мыслителя почти вровень ростомъ съ поэтомъ. Онъ не останавливается на видимыхъ признакахъ болѣзни, какъ утрата національнаго языка или забвеніе національнаго прошлаго. Онъ подходитъ прямо и непосредственно къ самой душѣ ассимиляціи, вскрываетъ и расчленяетъ безъ жалости эту маленькую, съежившуюся душу — и не находитъ тамъ ничего, кромѣ самаго глубокаго, самаго безграничнаго изъ униженій. Что особенно его поразило, это—искренность рабства, рвеніе и усердіе не за страхъ, а за совѣсть, вносимое денаціонализированнымъ евреемъ въ свою барщину; это не просто порабощенный человѣкъ, несущій ярмо по принужденію,—это рабъ сознательный, рабъ съ увлеченіемъ, охотно цѣлующій руку. „Величайшей изъ казней божіихъ“ называетъ Бяликъ эту извращенную черту, эту способность внутренняго приспособленія къ неправдѣ, это умѣніе „отрекаться отъ собственнаго сердца“.

Служите камнямъ чужбины съ упоеньемъ, съ жалкой любовью
Въ раболѣпно-усердномъ потѣ;
Пожирающимъ ваше тѣло, въ мукахъ, истекая кровью,
Вы въ придачу душу даете.
Строите новый Рамзесъ попирающимъ васъ фараонамъ,
А кирпичи—ваши дѣти;
И не слышенъ вамъ хрустъ ихъ костей, и не внемлете жалобнымъ стонамъ
Зачарованы свистомъ плети.

Особенно эта послѣдняя жертва, закланіе младенцевъ на чужомъ алтарѣ, подымаетъ бурю отчаянія и горечи въ душѣ поэта, и рѣшительно нечего прибавить къ его безотрадному пророчеству, которое, въ сущности, давно уже сбилось:

И если родится межъ васъ орленокъ съ орлинымъ взоромъ,
Вы его прогоните сами;
И потомъ воспаритъ орелъ къ красотѣ, и лучамъ, и просторамъ—
Но не для васъ, и не надъ вами...
...Такъ всѣ лучшіе ваши уйдутъ по чужой дорогѣ
И бездѣтнымъ оставятъ жилище;
Оскудѣетъ вашъ шатеръ, и станетъ въ вашемъ чертогѣ
Безобразно, тоскливо и нище...

Это было написано въ 1905 году. Кругомъ уже шумѣло разгулявшееся человѣческое море, на первыхъ порахъ такое чистое, прозрачное, ликующее

радостное, что и мысль еще никому не приходила о возможности сквернаго конца. Многіе, неисчислимые изъ тѣхъ, къ кому Бяликъ обращалъ свое горькое пророчество, гордо и смѣло держались тогда на самомъ гребнѣ волны, и въ каждомъ словѣ ихъ звучала пѣсня возрожденія, и толпа вѣрила, и они сами въ себя вѣрили. Говорятъ, поэтамъ дано иначе и глубже видѣть, чѣмъ остальнымъ людямъ; съ Бяликомъ это отправдалось. Клики возрожденія не обманули его. Въ самый разгаръ горячаго времени въ произведшемъ сенсацію стихотвореніи „Глаголъ“ онъ писалъ:

Что то свершилось надъ нами, но что—намъ невнятно,
Никому,—никому...
Взошло ли намъ солнце, или погасло, умирая,—
Или погасло навсегда?

Правду хочетъ знать поэтъ; и онъ прызываетъ пророка, „пророка Конца“, чтобы пришелъ и грянулъ надъ нами своимъ Глаголомъ, какъ бы ни былъ онъ горекъ—хоть горше самой смерти; ибо—

Намъ смерть не страшна — ужъ она насъ давно осѣдлала
И въ ротъ намъ продѣла узду;
На устахъ у насъ — гимнъ возрожденья, и съ нимъ, подъ звоны кимвала,
Мы до гроба допляшемъ въ бреду...

Къ этому циклу внутренно относится еще одна крупная вещь, хотя она очень далека по содержанію отъ нашей современности, а по тону и по настроенію — отъ яда и горечи только что процитированныхъ пѣсенъ гнѣва. Видно, устала душа поэта отъ укоризнъ и негодованія, и захотѣлось ей приласкать и себя, и людей красивой мечтою. Тогда Бяликъ разсказалъ своимъ братьямъ, въ формѣ легенды или видѣнія, какими хотѣлъ бы онъ ихъ видѣть на яву. Это — „Мертвецы пустыни“, одна изъ крупнѣйшихъ его поэмъ и, пожалуй, лучшая съ точки зрѣнія чистаго художества. Поэма построена на талмудической легендѣ. Библія повѣствуетъ, что нѣкоторая часть египетскихъ бѣглецовъ не пожелала подчиниться Божьей волѣ, обрекшей весь этотъ родъ на смерть въ пустынѣ: эти мятежники попытались насильно прорваться въ обѣтованную землю и пали перебитые хананеями. Въ связи съ этимъ Талмудъ разсказываетъ, что одинъ странникъ видѣлъ этихъ мятежныхъ „мертвецовъ пустыни“: они все тамъ же, гигантскій и молчаливый станъ воинскій, затерянный среди песчаныхъ равнинъ, и они такъ огромны, что всадникъ съ длиннымъ копьемъ свободно проѣдетъ, не задѣвъ, подъ согнутымъ колѣномъ у любого. На этой канвѣ Бяликъ вышилъ свое видѣніе.

Нечеловѣческимъ величіемъ облекаетъ онъ этихъ титановъ, этихъ непокорныхъ предковъ покорнаго потомства. Они лежатъ, распростертые въ царственности сонной мощи; ни одинъ изъ властителей пустыни — ни орелъ, ни змѣй, ни левъ — не смѣетъ приблизиться, робѣя и смиряясь предъ окаменѣлымъ воплощеніемъ мужественной силы. Только буря, иногда, разъ во много столѣтій, пробуждаетъ ихъ отъ сна; тогда древніе мятежники, побѣжденные, но не укрощенные, подымаются, потрясая мечами, и повторяютъ клятву — бороться, бороться противъ объединенной силы всѣхъ стихій и противъ самого Бога...

Эта поэма, прославлявшая предковъ въ стыдъ и въ поученіе эпигонамъ, появилась въ 1902 году. Всего черезъ годъ, 7 апрѣля 1903 г., разразился кишиневскій погромъ и показалъ воочію, съ кровавой осязательностью, какъ невѣроятно глубока была на самомъ дѣлѣ пропасть между предками и эпигонами. Тогда Бяликъ обрушилъ на склоненное темя своего народа самую ужасную страницу, какую только знаетъ еврейская литература послѣ пророковъ, — онъ написалъ „Сказаніе о погромѣ“.

Кишиневское событіе всегда будетъ у насъ днемъ національнаго траура; но не въ томъ историческое

значеніе этого страшнаго дѣла. Кровавая Пасха 1903 года отмѣчаетъ въ исторіи еврейскаго пробужденія переломъ, межу, разграничивающую двѣ эпохи, двѣ психологіи. „Еврейская улица“ до Кишинева и послѣ Кишинева — далеконе одно и то же. Конечно, перерожденіе началось задолго до этого дня, національныя и революціонныя теченія въ еврействѣ давно уже свидѣтельствовали о нарожденіи новой національной воли. Но пережитки традиціонной пассивности еще глубоко сидѣли въ массовой душѣ; мятежники или мечтатели всѣхъ толковъ, какъ тѣ, что созидали во имя Сіона, такъ и тѣ, что боролись во имя соціализма, еще въ сущности не имѣли прочныхъ корней въ настоящей, почвенной, цѣльной еврейской массѣ. Масса иногда интересовалась ими, иногда побаивалась ихъ, но прямой связи между ихъ и своей волею не ощущала; они были и оставались сами по себѣ, а маса сама по себѣ, и въ ея глазахъ пассивное воспріятіе не нами творимой исторіи было попрежнему наилучшей и самой подходящей изъ политическихъ системъ. Въ Кишиневѣ исторія подвергла перерождающееся гетто большому испытанію, страшному экзамену на зрѣлость. И перерождающееся гетто провалилось на испытаніи, жалостно, постыдно и ужасно. Его дѣти оказались еще неподготовленными

къ открытой борьбѣ; у нихъ еще не нашлось ни отваги для отпора, ни гордости для того, чтобы скрестить руки и ждать смерти на порогѣ своего дома...

Смутное чувство, сложное, непонятное, овладѣло при вѣсти о Кишиневѣ всѣми еврейскими сердцами въ огромной Россіи. Это не было простое чувство горя. Въ глубинѣ этого чувства таилась еще что то, жгучее, мучительное, что то такое, изъ-за чего почти забывалась самая скорбь — и чего никто все же не могъ назвать. Тогда Бяликъ бросилъ въ лицо своимъ обезчещеннымъ братьямъ „Сказаніе о погромѣ“ и открылъ имъ, что это за чувство, имени котораго они не знаютъ. Это былъ—позоръ. Болѣе, чѣмъ день траура, то былъ день срама: вотъ основная мысль этого удара молотомъ въ формѣ поэмы. Она въ художественномъ смыслѣ далеко не лучшая у Бялика. Она не можетъ похвалиться ни такой скульптурной чистотой образовъ, какъ „Мертвецы пустыни“, ни такой роскошью красокъ, какъ „Зори“, ни такой глубиною поэтической концепціи и кристаллической обработанностью языка, какъ „Свитокъ о пламени“. Но это—одно изъ тѣхъ рѣдкихъ литературныхъ произведеній, которыя кладутъ печать на свою эпоху. Бяликъ нашелъ слово, котораго недоставало, и это слово совершило чудеса. Историческая дата Киши-

нева имѣетъ двойной смыслъ: это, съ одной стороны, полное выраженіе, полное воплощеніе всего приниженнаго и пассивнаго, что скопилось вѣками въ еврейской душѣ,—но, въ то же время, это и отправная точка новой эры. Съ этого момента идея національной самодѣятельности изъ кабинетной или, въ лучшемъ случаѣ, подпольной окончательно становится всенародной. Позоръ Кишинева былъ послѣднимъ позоромъ. Въ 1904 году былъ Гомель; въ 1905 году, нѣсколько сотъ погромовъ разразилось по всей Россіи; скорбь еврейская повторилась еще безпощаднѣе прежней — но срамъ не повторился. Второе испытаніе, количественно болѣе ужасное и нравственно болѣе оскорбительное, ибо оно совпало съ великимъ всероссійскимъ ликованіемъ, доказало, однако, что новая еврейская душа уже достигла своей зрѣлости... Конечно, это не была заслуга одного человѣка—это сдѣлала жизнь, исторія, сила, вещей. Но исторія находитъ иногда людей, рукамъ которыхъ она довѣряетъ свой посѣвъ. Въ важный и трудный моментъ новой еврейской исторіи, на переломѣ двухъ эпохъ, эта роль выпала Бялику. Только на часъ, но часа этого мы никогда не забудемъ.

Необходимо отмѣтить еще одинъ мотивъ, настойчиво повторяющійся въ „Пѣсняхъ Гнѣва“ („Надъ бойней“ и „Я знаю: кану я...“). Еще недавно молодая идеологія еврейскаго интеллигента отводила еврейскому народу роль вспомогательнаго средства для чужихъ преуспѣяній; даже погромная кровь разсматривалась, по чьему то нашумѣвшему выраженію, какъ „смазочное масло для колесъ прогресса“. Бяликъ отказывается отъ служенія кому и чему бы то ни было на свѣтѣ. Для него еврейскій народъ не только самоцѣль, но и больше того: надъ свѣжими гробами братьевъ, прямо въ лицо всѣмъ пляшущимъ „на праздникѣ чужомъ“, онъ провозглашаетъ, что благо родного племени есть для него единственное оправданіе міра, единственный смыслъ бытія и вселенной, и внѣ этого блага все для него ложь: и прогрессъ, которымъ мы лишь одни не воспользуемся, и „солнце правды“, котораго мы лишь одни не увидимъ. Ибо освобожденіе міра есть ложь и гадкая насмѣшка, если мы должны быть раздавлены подъ колесами чужого счастія; и величайшій праздникъ будущаго, о которомъ грезятъ лучшіе борцы человѣчества, будетъ тогда въ глазахъ поэта наглымъ пиромъ на нашемъ кладбищѣ...

Послѣ „Пѣсенъ гнѣва“ дальнѣйшіе творческіе пути Бялика еще не опредѣлились. Чувствуется, что въ душѣ его идетъ какая-то серьезная внутренняя работа, можетъ быть переломъ, или пересмотръ старыхъ цѣнностей; его вниманіе отходитъ отъ внѣшняго міра и сосредоточивается на собственныхъ переживаніяхъ. Въ послѣдніе годы Бяликъ вообще мало пишетъ или мало печатаетъ; то, что попадаетъ въ печать, свидѣтельствуетъ о мучительной трудности кризиса. Немногія стихотворенія послѣднихъ лѣтъ проникнуты безотраднымъ пессимизмомъ. Старая жизнь рушится, новая еще не возникла. Мы, крохоборствующіе наблюдатели, мы, которые и малымъ довольны, мы ясно видимъ признаки духовнаго возрожденія въ народѣ; но съ той высоты, откуда поэтъ озираетъ теченіе жизни, но на его великій масштабъ — эти признаки ничтожны. Для него народъ остался, какъ былъ. Пророческій зовъ прозвучалъ напрасно. „Быстро конченъ ихъ трауръ — отряхнулись и встали“, и пошли проторенной дорогой. Имъ не нужно пророка: „ступай прочь, бѣги“, говорятъ они ему, какъ когда-то говорилъ пастуху Амосу священникъ Амасія. Горькое раздумье охватываетъ поэта: стóило ли, бороться, учить, укорять, призывать? Не извратилъ ли, не растратилъ ли онъ въ этой безплодной борьбѣ

лучшую силу своего дара? „Я хлопоталъ о вашей полушкѣ и потерялъ свой динарій“. Минутами поэту кажется, что его жертва не только безплодна, но и сама по себѣ малоцѣнна, что вся его работа — одно сплошное пустое мѣсто; быть можетъ, онъ и умретъ скоро, еще при жизни, „и завернутъ мою душу въ бумажный саванъ, и похоронятъ на книжной полкѣ, и буду я стоять надъ собственной могилой...“ Кто я такой, чѣмъ заслужилъ, чтобы солнце мнѣ свѣтило? спрашиваетъ онъ въ порывѣ тоски. У него теперь одна мечта, одна молитва: чтобы грядущій человѣкъ, „тотъ, который будетъ свободенъ, и будетъ прямѣе станомъ“, хоть не презиралъ его и понялъ его муки. Все какъ то измельчало въ глазахъ поэта: не только самъ онъ и подвигъ, имъ совершенный, но даже идеалы, даже лучшее что есть въ человѣкѣ — „голодъ о Мессіи“. Съ ядовитой насмѣшкой рисуетъ онъ картину будущаго, какъ внѣдрится этотъ „голодъ о Мессіи“ во всѣ щели людской обыденщины и самъ станетъ пошлостью...

Изъ этого цикла въ настоящемъ сборникѣ переведены стихотворенія: „Быстро конченъ ихъ трауръ“, „Бѣжать? о, нѣтъ!“. „И будетъ, когда продлятся дни“ и „Вечеръ“. Не вдаваясь въ оцѣнку сквозящаго въ нихъ настроенія, мож-

но только напомнить, что Бяликъ не первый на землѣ крупный поэтъ, который послѣ большой затраты духа переживаетъ полосу большого унынія. Чаще всего эта полоса выпадаетъ на годы, предшествующіе полной зрѣлости человѣческаго духа, „возрасту мудрости“; здоровыя натуры выносятъ изъ такихъ кризисовъ высшій расцвѣтъ своего таланта. Иногда переломъ даетъ поэту тѣ недостающія струны, которыя позволятъ ему отъ субъективной лирики подняться до высшей ступени поэтическаго творчества — до эпоса. Этого многіе увѣренно ждутъ и отъ Бялика: настоящей, широкой, исчерпывающей поэмы стараго гетто.

Во всякомъ случаѣ, Бяликъ не остановится на диссонансахъ, какъ на предѣльной точкѣ своего художественнаго развитія. Это слишкомъ разнообразный, слишкомъ многострунный и многоокій художникъ. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, впечатлѣнія ложатся на душу поверхъ впечатлѣній и почти безъ воли поэта перерабатываются въ образные звуки. Характерно, что какъ разъ въ промежуткѣ между двумя уже упомянутыми проклятіями побѣжденнаго („Надъ бойней“ и „Я знаю“) была напечатана, почти рядомъ, одна изъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ ясныхъ идиллій

въ любимомъ стилѣ Бялика, съ обиліемъ солнца и красокъ. Поэтъ опять зоветъ свою дѣвушку — можетъ быть, опять ту самую, которой никогда въ глаза не видалъ; онъ зоветъ ее сначала словами „Пѣсни пѣсней“ — „Встань, выйди сестра моя, невѣста“, но дальше идутъ его собственныя слова, и какія мягкія, ласковыя, ликующія слова:

Выйди въ дѣвичьей красѣ,
Съ синею лентою въ косѣ,
Въ бѣлой ткани, въ бѣломъ зноѣ!
Озари улыбкой садъ...
Твой весенній ароматъ —
Словно яблоко лѣсное.

. . . . . .

И у волнъ, гдѣ спятъ кусты,
Полный нѣжности, какъ ты, —
Ярче, радостнѣй, чудеснѣй
Первыхъ ласточекъ весны,
Звонче лепеча волны
Зазвеню я въ небо пѣсней!

Для полноты этого введенія слѣдовало бы коснуться также мѣста, занимаемаго Х. Н. Бяликомъ въ ново-еврейской поэзіи. Къ сожалѣнію, рамки очерка не даютъ остановиться на этомъ предметѣ сколько-нибудь подробно и заставляютъ ограничиться немногими словами. Различіе между Бяликомъ и его предшественниками на поприщѣ новѣйшей еврейской поэзіи (назовемъ изъ нихъ отца и сына Лейбензоновъ, І. Л. Гордона, К. Шапиро, Мане) можно свести къ двумъ моментамъ. Во-первыхъ, оно обусловливается самой эпохой, выдвинувшей новыя, болѣе сложныя переживанія, новыя безконечно болѣе глубокія проблемы и задачи. Во-вторыхъ — разница въ размѣрѣ, діапазонѣ и, главнымъ образомъ, зрѣлости таланта. Нѣкоторые изъ предшественниковъ, особенно І. Л. Гордонъ, отличались крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ; но имъ слишкомъ много приходилось творить заново—и потому до Бялика ново-еврейской поэзіи во многихъ отношеніяхъ недоставало печати ма-

стера. Проповѣдь страдала дидактичностью, иногда впадала въ тонъ прозаической полемики, художественные образы рѣдко оставляли впечатлѣніе законченной выдержанности, фабулы были наивны, паѳосъ лишенъ чувства мѣры, и, несмотря на значительное совершенство формы, не всегда чувствовалась въ ней теплая гибкость живого языка. Бяликъ первый далъ ново-еврейской поэзіи то, что нѣмцы называютъ Meisterschaft, поднялъ и утвердилъ ее на качественномъ уровнѣ европейскихъ литературъ — и заговорилъ на языкѣ пророковъ такъ, словно бы со временъ Деборы до нашихъ дней гдѣ-то въ невѣдомой землѣ непрерывно жила и развивалась еврейская рѣчь въ устахъ матерей и малютокъ, борцовъ и мужей совѣта, горемыкъ и влюбленныхъ. Онъ создалъ школу, которая уже выдвинула два-три имени, достойныхъ съ честью занять вторыя мѣста рядомъ съ именемъ учителя.

Нѣтъ ничего рискованнѣе, какъ употреблять, говоря о современникѣ, о живомъ и еще молодомъ поэтѣ, слишкомъ отвѣтственныя слова похвалы. Это особенно трудно, когда рѣчь идетъ о языкѣ, новая поэзія котораго не дала еще достаточнаго числа крупныхъ именъ для установленія прочнаго мѣрила, устойчивой іерархіи. Приходится искать мѣрила въ

литературѣ другихъ языковъ, а это очень трудно. Какъ знать,—можетъ быть, многое изъ того, чѣмъ мы восхищаемся, хорошо только потому, что сказано впервые на этомъ языкѣ, еще сравнительно свѣжемъ, дѣвственномъ, не выработавшемъ столько шаблоновъ, —а если бы то же самое было сказано по-нѣмецки или по-англійски, получилась бы ничѣмъ не замѣчательная фраза, давно использованный образъ? Этимъ отрезвляющимъ сомнѣніемъ надо всегда руководиться при оцѣнкѣ дѣятелей молодой литературы. Но при всей осторожности, когда читаешь въ подлинникѣ, въ великолѣпіи древней, почти-первозданной библейской фразеологіи эти громовые Châtiments нельзя не испытать особеннаго жуткаго ощущенія, словно отъ незримаго присутствія чего-то высшаго, чѣмъ обыкновенный человѣческій ростъ . .

Дать равноцѣнный переводъ Бялика могъ бы только поэтъ, равный ему по таланту. На предлагаемый сборникъ надо смотрѣть лишь какъ на попытку заронить въ сознаніе читателя нѣкоторое представленіе о жизненныхъ силахъ, таящихся въ новой литературѣ древнѣйшаго изъ живыхъ языковъ.

Для перевода выбраны пять изъ шести крупныхъ поэмъ и около трети меньшихъ стихотвореній. При выборѣ переводчикъ почти всегда руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что красота формы непередаваема, а потому слѣдуетъ переводить только то, что и помимо формы, по самому содержанію, индивидуально, характерно, не похоже на обычные тона русской литературы. Поэтому далеко не все лучшее, что написано Бяликомъ, вошло въ настоящій сборникъ. Далѣе, пришлось воздержаться отъ перевода нѣкоторыхъ „пѣсенъ свѣта“, какъ „Эльфы утра“ и „У открытаго окна“; рядомъ съ „Зорями“ онѣ произвели бы въ переводѣ впечатлѣніе однообразія и повтореній. Въ подлинникѣ это не чувствуется, благодаря исключительному богатству синонимовъ и

оборотовъ въ еврейскомъ языкѣ; но передать это богатство по-русски — задача непосильная для переводчика-еврея. Тою же причиной объясняются внесенныя кое-гдѣ сокращенія и пропуски; впрочемъ, большой пропускъ въ концѣ VI-ой главы „Свитка“ сдѣланъ по указанію автора. Наоборотъ, въ „Сказаніи о погромѣ“ восьмистишіе „Эй, голь, на кладбище!“ и т. д. переведено съ рукописи: въ еврейскія изданія поэмы оно не вошло.

Переводчикъ стремился соединить вѣрность смыслу подлинника съ легкостью и удобопонятностью русскаго стиха; исключеніе представляютъ нѣкоторыя мѣста „Сказанія о погромѣ“, давно переведенныя и скорѣе подходящія къ типу „вольнаго перевода“. Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что вѣрность смыслу подлинника не всегда совпадаетъ съ буквальной точностью. Это особенно вѣрно въ отношеніи къ еврейскому языку: въ немъ часто употребляются вошедшія въ повседневный обиходъ библейскія выраженія, смыслъ которыхъ, тѣсно связанный съ библейскимъ контекстомъ, совершенно не передается точнымъ переводомъ. Вотъ примѣръ. Въ „пѣсни Грознаго“ („Свитокъ о Пламени“) говорится въ буквальномъ переводѣ слѣдующее: „Понесите ее (пѣснь о Разгромѣ) въ народы, разсѣйтесь среди

проклятыхъ Богомъ и сыпьте ея раскаленные угли на головы ихъ". Самъ по себѣ этотъ образъ—сыпать раскаленные угли на головы тѣхъ, которые сильнѣе насъ и въ чьей землѣ мы скитаемся безъ защиты,—рѣзко противорѣчитъ общему тону этой пѣсни, призывающей, напротивъ, сѣять отраву и разложеніе исподтишка, незамѣтно и лицемѣрно. Все дѣло въ томъ, что образъ этотъ взятъ изъ Библіи и въ умѣ еврейскаго читателя вызываетъ представленіе совершенно отличное отъ буквальнаго смысла. Онъ взятъ изъ притчи Соломоновой: „Если голоденъ врагъ твой, накорми его хлѣбомъ, и если жаждетъ, напой его водою; ибо раскаленные угли сыплешь ты на голову его" (Притчи, XXV, 22). Здѣсь изображена именно прикрытая, лицемѣрная месть, месть подъ видомъ услуги, т. е. то самое, что проповѣдуетъ Грозный. Вотъ почему въ русскомъ переводѣ пришлось замѣнить этотъ образъ другимъ.

Размѣръ подлинника по большей части сохраненъ. Отступленіе отъ этого правила сдѣлано для „Сказанія о погромѣ": въ подлинникѣ оно написано, такъ называемымъ, библейскимъ размѣромъ, неуловимый ритмъ котораго трудно было бы сохранить въ русскомъ переводѣ такой крупной вещи. Нѣкоторое представленіе объ этомъ размѣрѣ даютъ переводы:

„Глаголъ“ и „Вотъ она, кара небесъ“. —„Свитокъ о Пламени“ въ подлинникѣ написанъ прозой. Переводчикъ не рискнулъ передать эту изумительно ритмическую и гармоничную прозу иначе, какъ бѣлымъ стихомъ, построеннымъ по образцу итальянскаго endecasillabo — съ обязательнымъ удареніемъ на четвертомъ или шестомъ словѣ; разнообразный, мѣняющійсяритмъ этого размѣра, можетъ быть, до нѣкоторой степени передастъ тоническое паденіе оригинала.

Въ еврейскомъ изданіи стихотворенія распредѣлены по отдѣламъ, сообразно содержанію, но въ предисловіи авторъ самъ оговаривается, что „для стиховъ лучшимъ порядкомъ является порядокъ хронологическій, по времени написанія“. Этотъ порядокъ и принятъ въ настоящемъ сборникѣ. Правда, одно изъ его преимуществъ — картина постепеннаго совершенствованія формы — исчезаетъ при переводѣ; но остается другое—картина смѣны и наростанія настроеній, картина внутренней жизни поэта*).

*) Біографическія данныя этого введенія почерпнуты, главнымъ образомъ изъ статьи д-ра І. Клаузнера „Х. Н. Бяликъ, его жизнь и творчество“ (въ ежегодникѣ „Axiacaфъ“ за 1903/4 годъ) и изъ автобіографическаго очерка „Mimé hajalduth“ („Изъ дней дѣтства“), изд. Библіотеки “Морія“ — Отдѣльные переводы изъ Бялика появлялись на русскомъ языкѣ неоднократно: лучшіе изъ нихъ принадлежатъ С. Дубновой и Л. Яффе. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ текстъ настоящаго сборника совпадаетъ съ ихъ текстомъ.

ПѢСНИ

ВЪ ПОЛѢ 1894

Не птицею, вольно и гордо раскинувшей смѣлыя крылья,—
Не львомъ, раздробившимъ затворы въ стремленьи къ пустынямъ и волѣ,—
Собакой, побитой собакой, стыдясь, своего же безсилья,
Бѣжалъ я сегодня далеко въ широкое чистое поле.

И полемъ иду я и внемлю бесѣдѣ межъ Богомъ и нивой,
И слышу подъ ласками вѣтра всѣ шорохи гордаго стебля,
Узоры таинственной дрожи, напѣвъ тишины говорливой
И грезу, что грезятъ колосья, тяжелыя космы колебля.

Уйду я глубоко и скроюсь, зароюсь въ лепечущій колосъ,
Сольюсь и отдамся въ истомѣ волненью могучаго жита;
Въ далекомъ молчаніи лѣса учую загадочный голосъ,
И станетъ великая тайна и мнѣ на мгновенье открыта.

И кинусь на влажную землю, прильну и приникну, рыдая,
И стану пытать я печально у лона праматери вѣчной:
Скажи мнѣ, о мать и царица, скажи мнѣ, родная, святая,
Зачѣмъ и меня не вскормила ты грудью живительно млечной?

Все тихо. На западѣ солнце склонилося къ горному краю, —
И стебли меня, какъ родного, какъ будто бы съ ними же росъ я,
Укутали нѣжною тѣнью, и въ ней я неслышно ступаю —
И небо вверху надо мною, да справа и слѣва колосья.

И тучки по синему небу плывутъ-расплываются, тая,
И крадутся тѣни по нивѣ, исполнены медленной лѣни;
Но мигъ — и разсѣется тучка, и нива блеститъ, золотая,
И дремлетъ подъ ласками вѣтра, и грезитъ въ игрѣ свѣтотѣни.

Вдругъ повѣяло вихремъ, пронеслася прохлада,
Встрепенулись колосья, наклонились глубоко —
И шумя побѣжали, словно робкое стадо,
Побѣжали далеко-далеко.

Побѣжали въ долину, прокатились какъ волны,
Рокоча докатились до зеленаго бора,
И разлился невнятно, свѣтлой радости полный,
Бодрый шумъ золотого простора.

Чтó бѣжите, колосья, и куда, золотые?
Саранчей чтó шумите въ беззаботномъ разгулѣ?
Отчего засверкали ваши брови густыя,
Мотыльковъ легкокрылыхъ спугнули?

Не въ догонку ль несетесь сизыхъ тучекъ и тѣни,
Въ синій край, гдѣ раздолье, ширь и вольная воля?
Или мчитесь въ отчизну сонныхъ грезъ и видѣній,
О, колосья широкаго поля?

Но вихрь улетѣлъ, и колосья забыли мгновенье испуга,
И замеръ взволнованный ропотъ тревожно-веселаго гула,—
А въ сердцѣ моемъ зашумѣла другая жестокая вьюга,
Уснувшую боль разбудила, угасшее пламя раздула.

Какъ нищій, стою передъ нивой, веселой, могучей, богатой,
И мучусь своей нищетою, и сердце такъ шепчетъ упорно:
Не я васъ, колосья, взлелѣялъ, не я въ вашемъ полѣ оратай,
Не я ваши зерна посѣялъ, не мнѣ и собрать ваши зерна.

Жемчужными каплями пота не я поливалъ эту ниву,
Не я призывалъ на побѣги дожди съ благодатнаго неба,
Не я приходилъ улыбаться ихъ росту, подъему, наливу,
И пѣсня моя не раздастся въ день жатвы обильнаго хлѣба...

И все жъ я люблю тебя, нива, и въ сердцѣ, тобою согрѣтомъ,
Мнѣ вспомнились пахари-братья на нивахъ моей Палестины,
Что въ это мгновенье, быть можетъ, и мнѣ отвѣчаютъ привѣтомъ
На мой молчаливый, но страстный привѣтъ изъ далекой чужбины.

У ПОРОГА

(ОТРЫВОКЪ)

1896

Дальше, о скитальцы, бодрыми рядами!
Путь еще не конченъ, бой еще предъ вами.

Свершены блужданья по глухой пустынѣ:
Новая дорога стелется вамъ нынѣ.

Сорокъ лѣтъ скитаній—зной, пески, граниты;
Пали миріады, пали незарыты—

Пусть: они родились въ рабствѣ Мицраима—
И рабами пали. Не жалѣй ихъ. Мимо!

Пусть гніютъ, обнявши то, что сердцу мило—
Тюкъ своихъ пожитковъ, принесенныхъ съ Нила;

Пусть имъ снится рабство, съ чеснокомъ и лукомъ,
И горшками мяса, и гусинымъ тукомъ.

И подѣлитъ коршунъ съ бурею пустыни
Жалкій прахъ послѣднихъ изъ сыновъ рабыни.

Сладко будетъ солнцу озарить впервые
Цѣлый рядъ свободныхъ, не склонявшихъ выи,—

И впервые взглянетъ, незнакомъ съ бичами,
Цѣлый родъ на солнце—гордыми очами!

. . . . . .
. . . . . .

* * *

Какъ сухая трава, какъ поверженный дубъ,
Такъ погибъ мой народъ — истлѣвающій трупъ.
Прогремѣлъ для него Божій голосъ съ высотъ —
И не внялъ, и не всталъ, и не дрогнулъ народъ,
Не проснулся въ немъ левъ, не воскресъ исполинъ,
И не вспрянулъ въ отвѣтъ, ни одинъ, ни одинъ...
И когда, живы духомъ, изъ дальней земли
На Господній призывъ ваши братья пришли —
Не сбѣжался навстрѣчу борцамъ у воротъ
Весь, отъ моря до моря, ликуя, народъ,
И для вѣрныхъ своихъ не нашлось у него
Ни пожатья руки, ни кивка, ничего...
Въ шумной давкѣ глупцовъ предъ чужимъ алтаремъ
Утонулъ Божій голосъ, заглохъ Его громъ,
И, поруганъ плевками холопскихъ потѣхъ,
Замеръ Божій глаголъ подъ раскатистый смѣхъ...

Такъ истлѣлъ мой народъ, сталъ, какъ жалкая пыль,
Обнищалъ, и изсохъ, и разсыпался въ гниль;
Не родится межъ вами, въ день кары большой,
Мужъ дѣяній и жизни, съ великой душой,

Чей огонь проникалъ бы, какъ молнія, въ грудь,
И глаза, какъ звѣзда, озарили вашъ путь,—
Рыцарь правды и грезы и дерзкой борьбы,
Съ беззавѣтной враждой противъ рабьей судьбы—
И съ великой, какъ скорбь, и огромной, какъ срамъ.
И, какъ море, бездонною жалостью къ вамъ,—
Чтобъ ярилась, бушуя, въ немъ буря Любви,
И клубился пожаръ ненасытный въ крови,
И надъ вами гремѣлъ его голосъ сквозь тьму:
Подымись! Созидай!—
Не родиться ему...

Такъ погибъ мой народъ... Срама жаждетъ онъ самъ
Нѣтъ опоры стопѣ, нѣтъ мѣрила дѣламъ.
Сбились люди съ дороги, устали бродить,
И пропала въ вѣкахъ путеводная нить.
Рождены подъ бичемъ и бичемъ вскормлены,
Что имъ стыдъ, что имъ боль, кромѣ боли спины?
Въ черной ямѣ чужбинъ копошася на днѣ,
Воспаритъ ли душа надъ заботой о днѣ,
Возвѣститъ ли разсвѣтъ, возведетъ ли престолъ,
Завѣщаетъ ли вѣку великій глаголъ?
Рабъ уснулъ и отвыкъ пробуждаться на кличъ,
Подымаютъ его только палка да бичъ.
Мохъ на камнѣ руинъ, листъ увядшій въ лѣсу—
Не расцвѣсть имъ вовѣкъ, не зови къ нимъ росу.
Даже въ утро Борьбы, подъ раскатами трубъ,
Не проснется мертвецъ, и не двинется трупъ...

Словно въ домъ, гдѣ разбито имя Бога надъ дверью,
Въ ваше сердце проникла толпа бѣсенятъ:
Это бѣсы насмѣшки новой вѣрѣ—Безвѣрью—
Литургію-попойку творятъ.

Но живетъ нѣкій сторожъ и въ покинутыхъ храмахъ—
Онъ живетъ, и зовется Отчаяньемъ онъ;
И великой метлою стаю бѣсовъ упрямыхъ
Онъ извергнетъ и вымететъ вонъ.

И, дотлѣвши, погаснетъ ваша искра живая,
Онѣмѣлый алтарь распадется въ куски,
И въ руинахъ забродитъ, завывая, зѣвая,
Одичалая кошка Тоски.

*
* *

Если познать ты хочешь тотъ родникъ,
Откуда братья, мученики-братья
Твои черпали силу въ черный день,
Идя съ весельемъ на смерть, отдавая
Свою гортань подъ всѣ ножи вселенной,
Какъ на престолъ вступая на костры
И умирая съ крикомъ: Богъ единый!—

Если познать ты хочешь тотъ источникъ,
Изъ чьихъ глубинъ твой братъ порабощенный
Черналъ въ могильной мукѣ, подъ бичемъ,
Утѣху, вѣру, крѣпость, мощь терпѣнья
И силу плечъ—нести ярмо неволи
И тошный мусоръ жизни, въ вѣчной пыткѣ
Безъ края, безъ предѣла, безъ конца;—

И если хочешь знать родное лоно,
Къ которому народъ твой проникалъ,
Чтобъ выплакать обиды, вылить вопли—
И, слушая, тряслись утробы ада,
И цѣпенѣлъ, внимая, Сатана,
И трескались утесы,—только сердце
Врага жесточе скалъ и Сатаны;—

И если хочешь видѣть ту твердыню,
Гдѣ прадѣды укрыли кладъ любимый,
Зѣницу ока — Свитокъ — и спаси;
И знать тайникъ, гдѣ сохранился дивно,
Какъ древле чистъ, могучій духъ народа,
Не посрамившій въ дряхлости и гнетѣ
Великолѣпья юности своей; —

И если хочешь знать старушку-мать,
Что, полная любви и милосердья
И жалости великой, всѣ рыданья
Родимаго скитальца приняла
И, нѣжная, вела его шаги;
И, возвратясь измученъ и поруганъ,
Спѣшилъ къ ней сынъ — и, осѣня крылами,
Съ его рѣсницъ она свѣвала слезы
И на груди баюкала... —

Ты хочешь,
Мой бѣдный братъ, познать ихъ? Загляни
Въ убогую молитвенную школу,
Декабрскую ли ночью безъ конца,
Подъ зноемъ ли палящаго Таммуза,
Днемъ, на зарѣ или при свѣтѣ звѣздъ—
И, если Богъ не смелъ еще съ земли
Остатокъ нашъ, — неясно, сквозь туманъ,
Въ тѣни угловъ, у темныхъ стѣнъ, за печкой
Увидишь одинокіе колосья,
Забытые колосья, тѣнь чего то,

Что было и пропало,—рядъ головъ,
Нахмуренныхъ, изсохшихъ: это—дѣти
Изгнанія, согбенныя ярмомъ,
Прошли забыть страданья за Гемарой,
За древними сказаньями—нужду
И заглушить псалмомъ свою заботу...
Ничтожная и жалкая картина
Для глазъ чужихъ. Но ты почуешь сердцемъ,
Что предстоишь у Дома жизни нашей,
У нашего хранилища души.

И если Божій духъ еще не умеръ
Въ твоей груди, и есть еще утѣха,
И теплится, прорѣзывая вспышкой
Потемки сердца, вѣра въ лучшій день,—
То знай, о бѣдный братъ мой: эта искра—
Лишь отблескъ отъ великаго огня,
Лишь уголекъ, спасенный дивнымъ чудомъ
Съ великаго костра. Его зажгли
Твои отцы на жертвенникѣ вѣчномъ—
И, можетъ быть, ихъ слезы насъ домчали
До сей поры, они своей молитвой
У Господа намъ вымолили жизнь—
И, умирая, жить намъ завѣщали,
Жить безъ конца, вовѣки!

ОДИНОКАЯ ЗВѢЗДА

Звѣздочка блеснула въ ночи непроглядной.
Озари, сиротка, путь мой безотрадный!

Не боюсь ни ада, ни ночныхъ видѣній—
Но усталъ отъ жизни въ скукѣ вѣчной тѣни.

Я—вскормленышъ ига, побродяга темный,
И отвѣка нищій, и давно бездомный.

Голодъ былъ отецъ мой, мать моя—чужбина...
Бѣдность и скитанье не страшатъ ихъ сына;

Но боюсь до крика, до безумной боли—
Жизни безъ надежды, безъ огня и доли,

Жизни безъ надежды, затхлой, топкой, грязной,
Мертвенно-свинцовой, жалко-безобразной—

Жизни пса, что рвется на цѣпи, голодный,—
О, проклятье жизни, жизни безысходной!

Озари же духъ мой, опаленный срамомъ
Блуда по чужбинамъ и по чуждымъ храмамъ;

И свѣти мнѣ долго—я мой путь измѣрю:
Можетъ быть, я встану, можетъ быть, повѣрю...

Долго ли продлится ночь моя—не знаю,
Мраку и скитанью все не видно краю,—

Пусть же подымая взоръ изъ тьмы кромѣшной,
Твой привѣтъ я встрѣчу ласково-утѣшный.

Не до дна, не всѣ же выплаканы слезы:
Я вспою остаткомъ цвѣтъ послѣдней грезы.

Въ сердцѣ не дотлѣла искорка былая —
Пусть же снова вспыхнетъ, пламенемъ пылая.

Еще сила бьется гдѣ то тамъ глубоко—
Пусть же вся прольется въ битвѣ противъ Рока!

* * *

Эти жадныя очи съ дразнящими зовами взгляда,
Эти алчныя губы, влекущія дрожью желаній,
Эти перси твои — покорителя ждущія лани,—
Тайны скрытой красы, что горятъ непасытностью ада;

Эта роскошь твоей наготы, эта жгучая сила,
Эта пышная плоть, напоенная нѣгой и страстью,
Все, что жадно я пилъ, отдаваясь безумному счастью,—
О, когда бы ты знала, какъ все мнѣ, какъ все опостыло!

Былъ я чистъ, не касалася буря души безмятежной—
Ты пришла и влила въ мое сердце отраву тревоги,
И тебѣ, не жалѣя, безумно я бросилъ подъ ноги
Міръ души, свѣжесть сердца, всѣ ландыши юности нѣжной.

И на мигъ я извѣдалъ восторги безъ дна и предѣла,
И любилъ эту боль, этотъ ядъ изъ блаженства и зною;
И за мигъ—опустѣлъ навсегда цѣлый міръ надо мною,
Цѣлый міръ... Дорогою цѣной я купилъ твое тѣло.

НА СТРАЖѢ УТРА

Ты встрѣчалъ ли на стражѣ вступленье зари
На небесный порогъ блѣдносине-кровавый?
Золотые потоки, багрецъ, янтари
Прорываются въ высь, разливаются въ ширь,
И встаетъ богатырь —
Солнце Дня въ облаченіи славы...—

Дивной мощи полна тѣхъ минутъ красота!
Словно близится Тайна—и нѣчто предтечей
Смутно бродитъ въ душѣ, —но безсильны уста
Это нѣчто назвать, и не можетъ извлечь
И одѣть это въ рѣчь
Не единый языкъ человѣчій.

Ты встрѣчалъ ли на стражѣ вступленье зари—
Первый проблескъ разсвѣта на небѣ народа?
Миріады лучей—посланцы-бунтари—
Съ свѣтлой вѣстью порхаютъ и мчатся вокругъ
На полночь и на югъ,
На закатъ и къ пустынямъ восхода..

Дивный яркій разсвѣтъ, дивно гордый восходъ!
Сохранимъ же хоть лучъ отъ зари, что мелькнула,
Чтобы завтра—потомъ, когда радость умретъ
И вернется нашъ мракъ,—эта искра у насъ
Изъ заплаканныхъ глазъ
Иногда хоть сквозь слезы блеснула...

Прислушайся тихо: изъ темной задумчивой чащи
Доносятся къ намъ соловьиныя трели несмѣло,
И, чудится, лѣсъ, такъ уныло кругомъ шелестящій,
Нерадостно шепчетъ: Ой, пташка, ты рано запѣла.

Смотри—еще въ небѣ свинцовыя тучи нависли,
Въ грязи непроходной мы вязнемъ по топкимъ тропинамъ;
До сердца проникли злой вѣтеръ и черныя мысли,
И черныя волны до горла, до горла дошли намъ.

А лѣсъ—онъ застылъ, непривѣтливый, мертвый, унылый,
Нигдѣ не прорѣзанъ веселою струйкою свѣта;
Спятъ голыя сучья, и сонъ ихъ—дремота могилы,
И, мнится, не ждутъ они мая, не будетъ имъ лѣта.

И гниль залегла вѣковая по чащѣ дремучей,
Вся плѣшь листопада за длительный рядъ седмилѣтій;
Опавшіе листья гніютъ многослойною кучей,
И корни погибшихъ гигантовъ сплелися, какъ сѣти.

Покровъ бурелома—гнетущая мертвая груда—
Какъ саванъ могильный, на землю лѣсную надвинутъ;
Весною не дастъ онъ пробиться побѣгамъ оттуда,
И тамъ, подъ землею, завянутъ они и застынутъ—

Застынутъ и сгинутъ отъ стужи подземнаго мрака,—
И, можетъ быть, тамъ, въ глубинѣ, гдѣ отвѣка царитъ онъ,
Погибъ цѣлый міръ, не родивъ ни цвѣточка, ни злака,
Никѣмъ на землѣ не замѣченъ, никѣмъ не сосчитанъ...

А вѣтеръ поетъ—только пѣсню другого напѣва:
Поетъ онъ о жизни во тьмѣ, безъ желаній, безъ цѣли,
Унылой, какъ ливень, какъ вой леденящей метели
Въ степи, гдѣ не стало дороги ни вправо, ни влѣво...

И свистъ соловьиный, сквозь холодъ, и вихрь, и усталость,
Домчится къ тебѣ уловимымъ едва переливомъ—
И въ сердцѣ проникнетъ глубокая тихая жалость
О пташкѣ-сироткѣ и гимнѣ ея сиротливомъ...

Новымъ вѣтромъ пахнуло... Небо сново бездонно,
Вновь открылися дали, широко, озаренно,
По холмамъ—звонъ весенняго гула...
На разсвѣтѣ поляна теплымъ паромъ одѣта,
Влажно-зелены почки въ ожиданьи расцвѣта—
По землѣ новымъ вѣтромъ пахнуло.

Свѣтъ побѣдный не грянулъ полнымъ громомъ разлива—
Онъ какъ пѣсенка рѣетъ, непорочно, стыдливо,
Нѣжно-молодъ, какъ травы, какъ рощи...
Погоди—и прорвется жизнь, родникъ сокровенный,
И заблещетъ расцвѣтомъ молодой, дерзновенной,
И великой, и творческой мощи!

Свѣтъ такъ ласково-нѣженъ, воздухъ ласково-зыбокъ,
И на что ты ни взглянешь, всюду радость улыбокъ,
Чьи-то глазки горятъ отовсюду;
Отъ всего ко всему словно нить золотая,—
Скоро, скоро забрызжетъ въ блескѣ ландышей мая
Юность, юность, подобная чуду!

И вольются мнѣ въ душу съ бѣлымъ чадомъ сирени
Чары юности новой и старыхъ видѣній—
Ихъ дыханье весны всколыхнуло.
Вылью все, что мятется въ сердцѣ, полномъ весною,
Свѣтлой влагой рыданій черный трауръ омою—
По землѣ новымъ вѣтромъ пахнуло!..

* * *

Уронилъ я слезу—и слезинку настигъ
Лучъ игриваго свѣта.
Сердце сжалось во мнѣ: и она черезъ мигъ
Испарится, пригрѣта...

И пойду—снова нищій... За что? Для чего?
Словно капля въ болотѣ,
Даромъ сгинетъ слеза, не прожжетъ никого,
Не смутитъ ихъ въ дремотѣ...

И куда мнѣ пойти? Развѣ броситься ницъ,
Рвать подушку зубами—
Можетъ, выжму еще каплю влаги съ рѣсницъ
Надъ собой и надъ вами.

Слишкомъ блѣденъ вашъ лучъ, и во мнѣ онъ со дна
Старыхъ силъ не пробудитъ:
Въ небѣ солнце одно, въ сердцѣ пѣсня одна,
Нѣтъ другой и не будетъ...

Всѣхъ ихъ вѣтеръ умчалъ къ свѣту, солнцу, теплу,
Пѣсня жизни взманила, нова, незнакома;
Я остался одинъ, позабытый, въ углу
Опустѣлаго Божьяго дома.

И мнѣ чудилась дрожь чьихъ то крылъ въ тишинѣ—
Трепетъ раненыхъ крылъ позабытой Святыни,
И я зналъ: то трепещетъ она обо мнѣ,
О послѣднемъ, единственномъ сынѣ...

Всюду изгнана, нѣтъ ей угла на землѣ,
Кромѣ старой и темной молитвенной школы,—
И забилась сюда, и дѣлилъ я во мглѣ
Съ ней пріютъ невеселый.

И когда, истомивъ надъ строками глаза,
Я тянулся къ окошку, на свѣтъ изъ темницы,—
Она никла ко мнѣ, и катилась слеза
На святыя страницы.

Тихо плакала, тихо ласкалась ко мнѣ,
Словно пряча крыломъ отъ какого то рока:
„Всѣхъ ихъ вѣтеръ унесъ, всѣ въ иной сторонѣ,
Я одна... одинока...“

И въ беззвучномъ рыданьи, въ упрекѣ безъ словъ,
Въ этой жгучей слезѣ отъ незримаго взора
Былъ послѣдній аккордъ скорбной пѣсни вѣковъ,
И мольба о пощадѣ, и страхъ приговора...

ПРЕДЪ ЗАКАТОМЪ 1902

Выйди стань предъ закатомъ на балконъ, у порога,
Обними мои плечи,
Приклони къ нимъ головку, и побудемъ немного
Безъ движенія и рѣчи.

И прижмемся, блуждая отуманеннымъ взоромъ
По янтарному своду;
Наши думы взовьются къ лучезарнымъ просторамъ—
И дадимъ имъ свободу.

И утонетъ далеко ихъ полетъ голубиный
И домчится куда то—
Къ островамъ золотистымъ, что горятъ, какъ рубины,
Въ свѣтломъ морѣ заката.

То—міры золотые, что въ видѣньяхъ блистали
Нашимъ грезящимъ взглядамъ;
Изъ-за нихъ мы на свѣтѣ чужеземцами стали,
И всѣ дни наши—адомъ . . .

И о нихъ, объ оазахъ лучезарнаго края,
Какъ о родинѣ милой,
Наше сердце томилось и шептали, мерцая,
Звѣзды ночи унылой.

И навѣки остались мы безъ друга и брата,
Двѣ фіалки въ пустынѣ,
Два скитальца въ погонѣ за прекрасной утратой
На холодной чужбинѣ.

Небеса! Если въ васъ, въ глубинѣ синевы,
Еще живъ старый Богъ на престолѣ
И лишь мнѣ Онъ незримъ,—то молитесь хоть вы
О моей окровавленной долѣ!
У меня больше нѣтъ ни молитвы въ груди,
Ни въ рукахъ моихъ силъ, ни надеждъ впереди. . .
О, доколѣ, доколѣ, доколѣ?

Ищешь горло, палачъ? На! Свой ножъ приготовь,
Рѣжь какъ пса, и не думай о страхѣ:
Кто и что я? Самъ Богъ разрѣшилъ мою кровь,
Въ цѣломъ мірѣ я—будто на плахѣ. . .
Брызни, кровь моя, лей, заливая поля,
Чтобъ осталась навѣки, навѣки земля,
Какъ палачъ, въ этой красной рубахѣ. . .

Если есть Высшій Судъ—да свершится тотчасъ!
Если жъ я въ черныхъ мукахъ исчезну,
И тогда онъ придетъ, слишкомъ поздно для насъ,—
То да рухнетъ престолъ его въ бездну,

Да сгніетъ ваше небо, кровавая грязь,
И убійцы подъ нимъ да живутъ, веселясь
И глумясь надъ Десницей возмездной. . .

И проклятье тому, кто поетъ намъ про месть!
Мести нѣтъ, слишкомъ страшны страданья:
Какъ за дѣтскую кровь казнь отмѣрить и счесть?
Сатана бъ не нашелъ воздаянья . . .
Пусть сочится та кровь неотмщенная въ адъ,
И да роетъ во тьмѣ, и да точитъ, какъ ядъ,
Разъѣдая столпы мірозданья. . .

Разбей твой алтарь, и пламенный уголь, о, пророкъ,
Швырни средь большой дороги—
Пусть жарятъ они на немъ мясо, и ставятъ горшокъ,
И грѣютъ руки и ноги.
И брось имъ искру изъ сердца—она пригодится
Зажигать окурокъ, что погасъ,
Озарять воровато-ухмыляющіяся лица
И злорадство прищуренныхъ глазъ.
Вотъ шныряютъ они—и твою молитву бормочутъ,
И во храмѣ твоемъ, какъ дома;
Скорбью твоей скорбятъ, о твоей заботѣ хлопочутъ—
И ждутъ твоего разгрома.
И тогда на разбитый алтарь налетятъ, растащатъ соръ
Унесутъ въ свои жилища,
И обломками вымостятъ дворъ, и починятъ заборъ,
И разукрасятъ кладбища;
И если найдутъ твое сердце, опаленное, въ кучѣ сора,—
Швырнутъ его псамъ на ѣду.

Разбей же алтарь, толкни пинкомъ позора,
И да рухнетъ и гаснетъ въ чаду.
И смети паутину, что въ сердцѣ ты бережно несъ,
Словно струны отъ арфы пророка,
И ткалъ изъ пихъ пѣснь возрожденья и марево грезъ—
Обманъ для слуха и ока,—
И пусти ихъ, какъ бѣлыя нити, что плаваютъ днемъ
Въ воздухѣ поздняго лѣта,
И не знаютъ, не встрѣтятъ другъ друга, и съ первымъ дождемъ
Исчезнутъ съ бѣлаго свѣта.
И надломленный молотъ, что треснулъ въ борьбѣ безполезной,
Но камня сердецъ не потрясъ,—
Въ дребезги раздроби, перекуй на заступъ желѣзный
И вырой могилу для насъ.
И все, что подскажетъ гнѣвъ Божій,—да грянетъ изъ устъ,
И дрогнуть не дай имъ;
Будь Глаголъ твой горекъ, какъ самая смерть—пусть!
Да услышимъ, и да знаемъ.
Смотри, насъ окутала ночь, предъ взоромъ—черныя пятна.
Какъ слѣпые, мы щупаемъ тьму:
Что то свершилось надъ нами, но что - намъ невнятно.
Никому,—никому.
Взошло ли намъ солнце, или погасло, умирая,—
Или погасло навсегда?
Бездна хаоса кругомъ, великая, страшная, злая,
И не спастись никуда;
И если взвоемъ во тьмѣ, или молясь, воззовемъ,—
Кто насъ услышитъ, братья?

И если проклятьями ярости все проклянемъ,—
На кого упадутъ проклятья?
И если со скрежетомъ гнѣва сожмемъ кулакъ,—
На чье темя рухнетъ ударъ?
Все это, все поглотитъ безсмысленный мракъ,
Все вѣтеръ развѣетъ, какъ паръ.
Нѣтъ опоры, руки повисли, не стало пути подъ стопами
И безмолвенъ небесный Судъ —
Знаютъ давно Небеса, что вина ихъ безмѣрна предъ нами,
И въ молчаніи грѣхъ свой несутъ. . .
Открой же уста, если имъ отъ Правды дано,
Пророкъ Конца, возстань:
Будь Глаголъ твой горекъ, какъ смерть,—будь онъ смерть сама, все равно:
Грянь!
Намъ смерть не страшна—ужъ она насъ давно осѣдлала
И въ ротъ намъ продѣла узду;
На устахъ у насъ - гимнъ возрожденья и съ нимъ подъ звоны кимвала
Мы до гроба допляшемъ въ бреду. . .

Цѣлый міръ—это блескъ, это гимнъ, и кругомъ
Несказанно клокочетъ богатство живое,
И тропинкой межъ лѣсомъ и нивой бредемъ,
Молчаливо мы двое.
Мы бредемъ и бредемъ, а тропа все длиннѣй;
Справа бабочки вьются, колосья рокочутъ;
Слѣва заросли насъ паутиной тѣней
И просвѣтовъ щекочутъ.

Тѣнь ли ангела, тучка ли тамъ проплыла
И растаяла вмигъ въ синевѣ безъ предѣла?
Вслѣдъ за ней, какъ она высока и свѣтла,
Моя греза въ лазурь улетѣла. . .
И опять въ синевѣ ни границы, ни дна. . .
Ты идешь,—я, какъ плѣнный, бреду за тобою;
И, какъ очи твои, даль чиста и ясна,
И хлѣба улыбаются зною. . .

И мнѣ чудится: этотъ задумчивый лѣсъ,
Тихо дышащій тѣнью, прохладой, покоемъ,
Затаилъ нѣкій кладъ первозданныхъ чудесъ
Въ брачный даръ намъ обоимъ. . .

Чу—по нивамъ дохнулъ вѣтерокъ, и потрясъ,
Въ трепетъ искръ и лучей и мерцаній одѣлъ ихъ,
И посыпалъ метелью снѣжинокъ на насъ
Тучу бабочекъ бѣлыхъ.

И одинъ мотылекъ сѣлъ на косы твои
И запутался въ прядь, на цвѣточекъ похожій,—
И какъ будто дразнилъ: Я цѣлую, смотри,—
Поцѣлуй ее тоже!
О, почуяла ль ты, что сказалъ мотылекъ?
И почуяла ль ты, какъ глазами я жегъ,
Самъ на страхъ мой въ досадѣ, съ мольбою во взглядѣ,
Эти мягкія пряди?

Твои горлинки-очи скромны, какъ всегда,
И напрасно бы въ нихъ заглянулъ я съ вопросомъ
Нѣтъ, не вѣрю я имъ, а проказницамъ-косамъ,
Что киваютъ мнѣ: да!
Такъ за мной же, малютка,—въ тѣнистомъ лѣскѣ
Наши души раскроемъ, нашъ день отпируемъ,
И любовь, что вписитъ на твоемъ волоскѣ,
Я сорву поцѣлуемъ. . .

Изъ твоего таинственнаго края
Приди ко мнѣ, родная,
Приди, моя мечта, звѣзда моей дороги,
Въ мой домъ убогій;
Пока не поздно мнѣ — спаси, возьми съ собою
И правь моей судьбою;
Верни хоть день ограбленнаго мая—
И съ нимъ угасну, догорая,
И у тебя на персяхъ жизнь покину
И стихну и застыну,
Какъ бабочка въ сирени, на закатѣ,
Вся въ ароматѣ. . .
Гдѣ ты?

Я звалъ тебя среди ночной дремоты,
Еще не зная, кто ты,—
Незримая, во тьмѣ, сквозь покрывала
Ты обжигала,
И я рыдалъ и рвалъ зубами ткани
Въ томленіи желаній;

А днемъ—сквозь буквы древнія святыя,
Сквозь каждый лучъ, сквозь тучки золотыя,
Сквозь каждую молитву, каждой думой,
И въ грезѣ свѣтлой, и въ тоскѣ угрюмой—
Рвалась моя душа, полна мольбою,
Къ тебѣ и за тобою. . .

ИЗЪ ЗИМНИХЪ ПѢСЕНЪ

1904

I

Разбудилъ меня сегодня
Гамъ воронъ и утра холодъ.
Я проснулся почему то
Словно въ праздникъ бодръ и молодъ;

Словно въ сердце, кто—ни знаю,
Брызнулъ струйкой родниковой;
Словно вдругъ моя коморка
Стала лучше, стала новой. . .

А морозъ убралъ окошко!
Хорошо убралъ, на славу:
Точно посохъ Аарона
За ночь вырастилъ дубраву.

Кипарисы въ хлопьяхъ снѣга,
Дубъ, алоэ, пальма, роза. . .
Добрый день, побѣги стужи!
Шлю привѣтъ, цвѣты мороза!

И холодный, свѣжій, бѣлый
Залилъ блескъ мою каморку,
Словно въ ней былъ добрый ангелъ,
Прилетавшій на уборку.

И сіяніемъ беззаботнымъ
Залилась душа, ликуя,
Словно въ ней былъ добрый ангелъ
И омылъ ее, цѣлуя.

II

А пока узорный иней
Сыплетъ радуги на солнцѣ,
Кто тамъ искрой огневою
Бьется, бьется мнѣ въ оконце?

Шаловливый лучъ-малютка
Въ этой заросли горящей
Заблудился, зацѣпился
И повисъ въ алмазной чащѣ. . .

Бьется, плещется, трепещетъ
Искрометною пылинкой,
Рвется вонъ изъ бѣлой сѣти—
Вдругъ затихъ—и сталъ росинкой. . .

Вонъ другая. . . Вонъ и третья. . .
И смотри—окно раздѣто,
И въ коморку бурно хлынулъ
Ливень солнечнаго свѣта.

То меня искало солнце
И настигло-затопило,
И въ душѣ запѣла радость,
Бодрость дерзкая и сила. . .

Божій міръ хорошъ и свѣтелъ—
Я на плечи плащъ накину
И, влюбленный, опьяненный,
Ринусь въ бѣлую пучину. .

III

Только сталъ я на порогѣ—
И лучи, какъ брату рады
Окружили, закружили,
Затопили безъ пощады,

Сколько солнцъ отвсюду мечетъ
Брилліантовыя стрѣлы! . . .
Словно дѣвушка нагая,
Блещетъ міръ безстыдно-бѣлый.

Бѣлизна, куда ни взглянешь,
Бѣлизна безъ дна и граней—
Все лучится, все сверкаетъ,
Все какъ будто въ новомъ санѣ. . .

Снѣгу, мощному Владыкѣ,
Служатъ службой удалою
Бѣлый Свѣтъ и бѣлый Холодъ,
Тотъ стрѣлой, а тотъ иглою.

Вѣрно, ночью грозный голосъ
Прогремѣлъ державнымъ кликомъ:
„Завтра всѣмъ въ уборѣ бѣломъ
Быть на праздникѣ великомъ!“

Серебро, хрусталь и мраморъ,
Яхонтъ, радуга, червонцы—
Такъ и брызжутъ съ каждой крыши,
Съ каждой вѣточки на солнцѣ. . .

Нѣженъ, чистъ еще, какъ въ небѣ
Стелетъ снѣгъ лебяжьи ризы
На заборы, мостовыя,
Подоконники, карнизы;

Устилаетъ тротуары
Мягкой бѣлою периной,—
Нити проволокъ обвиты
Серебристой паутиной,—

А на крышахъ—одѣяла,
Всѣ съ хрустальной бахромою:
Въ цѣломъ мірѣ бѣлый праздникъ,
Міръ вѣнчается съ зимою!

Бѣлизна зоветъ и дразнитъ. . .
Сверху день рукой незримой
Сыплетъ пылью золотою
Съ діадемы негасимой. . .

А деревья, гдѣ для пташекъ
Въ бѣломъ инеѣ чертоги,
Всѣ звенятъ въ сіяньи утра
Гамомъ радостной тревоги. . .

IV

. . . Гей, Морозъ, ожги насквозь!
Въ жаръ и холодъ разомъ брось,

Запуши мнѣ усъ и брови,
Влей желѣза вмѣсто крови,

Словно звонкіе мечи,
Буйны силы отточи,

И окуй, чтобъ не прорвали,
Грудь какъ панцыремъ изъ стали!—

Разгуляйся, проморозь,
Рви, царапай, жги насквозь,

Напружи во мнѣ всѣ ткани,
Захвати мнѣ духъ въ гортани,

Пылью золота гори
И, безумствуя, цари!

V

Трескъ и визгъ и лязгъ металла,
Словно рубятся враги,—
То хрустятъ упругимъ снѣгомъ
Богатырскіе шаги:

Утро шествуетъ, вздымая
Радость облакомъ, какъ пыль. . . —
Въ дымкѣ пара мчатся кони,
Заливаясь: циль-циль-циль. . .

Въ пестрыхъ сѣтчатыхъ попонахъ,
То навстрѣчу, то вослѣдъ,
Мчатся, мечутъ брызги снѣга—
И проносятся— и нѣтъ.

Въ буйномъ хаосѣ веселья,
Звона, пара и саней
Чуть мелькаютъ вихремъ шубы—
Щеки въ пламени—онъ съ ней. . .

Словно та же ненасытность
Охватила всѣ сердца:
Пролетѣть однимъ размахомъ
Ширь земную до конца!

Воля! Воля!—Эй, свободенъ?
Такъ помчи меня, живѣй,
Утопи меня въ безумствѣ
Душу съ бурею развѣй!

Мчи, лети. . .—Куда? - Не знаю!
Я не знаю—все равно,
Лишь бы жизнь и кровь кипѣла,
Искрясь, пѣнясь, какъ вино.

Да, я сроду блѣдный книжникъ,
Да, я робокъ, слабъ и хилъ—
Но и я во льду пустынномъ
Искру силы сохранилъ.

Но я во льду пустынномъ
Затаилъ святые сны,
Ароматы новой, дивной
И невиданной весны. . .

Что́ такъ проволоки грустно,
По осеннему гудятъ?
Бьетъ мой духъ еще каскадомъ,
И запасъ еще богатъ!

Уходи, тоска лихая!
Чуденъ холодъ золотой!
Вырву кубокъ у судьбины,
Чтобъ не выхватилъ другой,—

И однимъ глоткомъ великимъ
Выпью кубокъ мой до дна,
Да сгоритъ въ огнѣ разгула
Мощь, и пылкость, и весна!

А потомъ, когда изсякнетъ
Сила юная въ груди,—
Довези меня до лѣса,
Тамъ, за городомъ—и жди.

Тихъ зимою лѣсъ могучій,
Тишь подъ сводами его:
Бѣлъ онъ, убранъ, и разубранъ—
И безвѣстно, для кого. . .

Среброкудрый и холодный,
Бѣлымъ таинствомъ объятъ,
Онъ свершаетъ Славѣ Божьей
Нѣкій жертвенный обрядъ. . .

Я войду. Между стволами
Непорочный снѣгъ блеститъ.
Есть повѣрье: дивный молотъ
Въ глубинѣ лѣсной сокрытъ.

Изъ груди я сердце выну—
Словно мечъ, а грудь—ножны,—
И въ горнилѣ у мороза
Раскалю до бѣлизны.

И вздыму я тяжкій молотъ,
И застонетъ бѣлый рай,
И въ груди лѣсного эхо
Грянетъ откликомъ: Дерзай!

И подъ молотомъ нальется
Сердце крѣпостью, какъ онъ,—
И пойду своей дорогой,
Семикраты закаленъ. . .

* *
*

Встань, сестра моя, невѣста,
Выйди въ садъ,
Выйди въ садъ—
Я пришелъ съ привѣтомъ мая:
У меня въ саду цвѣтокъ
Далъ росток-
Лепестокъ,
Первыхъ ласточекъ встрѣчая.

Рой лучей съ утра у двери
Стережетъ
Твой приходъ,
Сыпля искристыя ласки:
Выйди, свѣтлая, ты въ садъ—
Обовьютъ, возродятъ,
И зажгутъ весельемъ глазки.

Мчатъ они Господню милость
На крылѣ
По землѣ,

И журчитъ ихъ гомонъ вешній
Въ каждой рѣчкѣ: „здравствуй, май!“
Весь мой садъ—зеленый рай,
Бѣлымъ убраны черешни.

А въ душѣ—цвѣтокъ любви...
Выйди, глянь, благослови
Мой цвѣтокъ весной твоею:
И отдамъ весну мою
И весной тебя залью
И цвѣтки твои взлелѣю.

Выйди въ дѣвичьей красѣ,
Съ синей лентою въ косѣ,
Въ бѣлой ткани, въ бѣломъ зноѣ!
Озаря улыбкой садъ...
Твой весенній ароматъ—
Словно яблоко лѣсное.

Мы уйдемъ бродить по нивамъ,
По горамъ
По лугамъ:
Тамъ сорву я незабудки,
Соберу съ нихъ жемчугъ росъ,
Жемчугъ росъ—
Ожерелье для малютки.

Соберу я снопъ лучей,
Снопъ лучей,

Нанизаю розъ и лилій,
Блестки, золото, багрецъ
И сплету тебѣ вѣнецъ
Изъ мерцаній, искръ и пылей.

И у волнъ, гдѣ спятъ кусты,
Полный нѣжности, какъ ты,—
Ярче, радостнѣй, чудеснѣй
Первыхъ ласточекъ весны,
Звонче лепета волны
Зазвеню я въ небо пѣсней!

* * *

Гдѣ душа твоя, сынъ мой?
—Тамъ на свѣтѣ широкомъ, о ангелъ!
Есть на свѣтѣ поселокъ, огражденный лѣсами,
Надъ поселкомъ—пучина синевы безъ предѣла,
И средь синяго неба, словно дочка-малютка,
Серебристая легкая тучка.
Въ лѣтній полдень, бывало, тамъ рѣзвился ребенокъ,
Одинокій душою, полный грезы невнятной,
И былъ я тотъ ребенокъ, о ангелъ.
И однажды казался міръ окутанъ дремотой,
Заглядѣлся ребенокъ на бездонное небо,
И увидѣлъ малютку, серебристую тучку—
И душа упорхнула, словно горлинка, въ небо
Къ бѣлой тучкѣ прекрасной...

—И растаяла съ нею?
—Нѣтъ, есть солнце въ лазури!
Подхватилъ мою душу ясный лучъ милосердый,

И на крыльяхъ сіянья долго, долго порхала
Она бабочкой бѣлой;
И однажды, поутру, на лучѣ золотистомъ
Прилетѣла на землю для жемчужинъ-росинокъ
И на щечкѣ ребенка увидала слезинку,
И былъ я тотъ ребенокъ, и душа моя тихо
Въ той слезѣ утонула...

—И чрезъ мигъ испарилась?
—Нѣтъ, упала на Книгу!
Былъ у дѣда косматый фоліантъ обветшалый,
Межъ страницами—волосъ бороды серебристой,
Пукъ оборваныхъ нитей отъ молитвенной кисти,
И межъ буквами пятна, пятна сала и воску—
И душа одиноко въ тѣхъ безжизненныхъ буквахъ
Трепетала и билась...

—И она задохнулась?
—Нѣтъ, о ангелъ, запѣла!
Въ тѣхъ безжизненныхъ буквахъ пѣсня жизни таилась,
Въ ветхой дѣдовской Книгѣ сердцѣ вѣчности билось.
И душа моя пѣла пѣснь о тучкѣ сквозистой,
О лучѣ свѣтозарномъ, о слезинкѣ лучистой,
Объ истрепанной Книгѣ въ пятнахъ воску и сала,—
Про любовь и про юность только пѣсенъ не знала.
И куда то рвалася, и томилась о чемъ то,
Тосковала и ныла, словно въ тѣсной темницѣ;
И однажды раскрылъ я обветшалую Книгу—
И душа улетѣла на волю.

И съ тѣхъ поръ она въ мірѣ безпріютно блуждаетъ,
Безпріютно блуждаетъ и не знаетъ утѣхи;
И въ стыдливыя ночи, когда мѣсяцъ родится,
Когда молятся люди надъ ущербомъ свѣтила,
Она грезитъ любовью предъ порогомъ запретнымъ,
И стучится, прижавшись, беззвучно рыдая
И молясь о любви...

* * *

Эта искра моя мнѣ досталась
Не находкой въ пути, не въ наслѣдство—
Изъ кремня въ моемъ сердцѣ добыта
Тяжкимъ молотомъ бѣдства.

Пусть одна и мала эта искра,
Что въ груди я заботливо крою,—
Но моя, вся моя,—зачата,
И взлелѣяна мною.

И когда о кремень въ моемъ сердцѣ
Бьетъ, дробя, молотъ скорби и гнѣва,
Брызжетъ искра моя, зажигая
Пламя въ звукахъ напѣва.

И напѣвъ опаляетъ вамъ душу,
И пожаръ въ ней пылаетъ, бушуя,—
А потомъ за убытки пожара
Кровью сердца плачу́ я...

* * *

Пріюти меня подъ крылышкомъ,
Будь мнѣ мамой и сестрой,
На груди твоей разбитые
Сны-мечты мои укрой.

Наклонись тихонько въ сумерки,
Буду жаловаться я;
Говорятъ, есть въ мірѣ молодость—
Гдѣ же молодость моя?

И еще повѣрю шопотомъ:
И во мнѣ горѣла кровь;
Говорятъ, любовь намъ велѣна—
Гдѣ и что она, любовь?

Звѣзды лгали; сонъ пригрезился—
И не стало и его;
Ничего мнѣ не осталося,
Ничего.

Пріюти меня подъ крылышкомъ,
Будь мнѣ мамой и сестрой,
На груди твоей разбитые
Сны-мечты мои укрой...

* * *

Вотъ она, кара Небесъ: передъ собственнымъ сердцемъ вы лживы,
Предъ самимъ собою трусы:
Свои слезы вы льете въ грязь, и на каждый лучъ фальшивый
Какъ дешевыя нижете бусы.
Служите камнямъ чужбины съ упоеньемъ, съ жалкой любовью,
Въ раболѣпно-усердномъ потѣ;
Пожирающимъ ваше тѣло, въ мукахъ, истекая кровью,
Вы въ придачу душу даете.
Строите новый Рамзесъ попирающимъ васъ фараонамъ,
А кирпичи—ваши дѣти;
И не слышенъ вамъ хрустъ ихъ костей, и не внемлете жалобнымъ стонамъ,
Зачарованы свистомъ плети.
И если родится межъ васъ орленокъ съ орлинымъ взоромъ,
Вы его прогоните сами:
И потомъ воспаритъ орелъ къ красотѣ, и лучамъ, и просторамъ,—
Но не для васъ, и не надъ вами;
И прорѣжетъ онъ тучи крыломъ, и для свѣта проложитъ тропины,—
Но вдали отъ вашей полоски;
Далеко́ прозвучитъ его кличъ съ утеса чуждой вершины,
И до васъ не домчатся отголоски.

Такъ всѣ лучшіе ваши уйдутъ по чужой дорогѣ,
И бездѣтнымъ оставятъ жилище;
Оскудѣетъ васъ шатеръ, и станетъ въ вашемъ чертогѣ
Безобразно, тоскливо и нище;
Не забрежжитъ ни радость спасенья, ни милость Бога живого
Въ окнахъ, мохомъ одѣтыхъ:
Вы придете туда молиться—и въ душѣ не найдете ни слова,
И слезъ захотите—и нѣтъ ихъ.
Ссохлось и выжато сердце, какъ старая кисть винограду,
Что брошена въ уголъ у точила:
Ни капли, нечѣмъ дать душѣ голодной отраду,
И не воскреснетъ сила.
Тронете печь—холодна, и кошка въ золѣ остылой
Мяучитъ отъ стужи и страха.
И сядете въ скорби тупой: снаружи—ливень унылый,
Въ сердцѣ—груда пепла и праха,
Въ окнахъ—сонныя мухи застряли въ треснутой рамѣ,
По угламъ паутина да мыши,
И нищета, нищета воетъ и стонетъ надъ вами
Гдѣ-то въ трубѣ, на крышѣ...

* *
*

Взвойте вы къ змѣямъ, и пусть разнесутъ вашу ярость по свѣту.

Брошены вы средь пустыни, на камняхъ ея раскаленныхъ;
Вкругъ—нагота міровая въ безмолвномъ проклятіи Бога.
Родъ отлученный отъ персей земли, вы ихъ запахъ забыли,
Видъ позабыли травы, благовонье цвѣтковъ послѣ ливня,
Мощь многолѣтнихъ лѣсовъ, ликованіе воднаго плеска,
Свѣжесть и влажную тѣнь вѣчно-юнаго дерева жизни.
Съѣдены крохи души, не осталось ни цвѣта, ни корня,
Гложете щебень земной и, алкая, лижете камень,
Ваша надежда—пустыня, молитва—шипѣнье гадюки,
Взоръ утомленъ наготой и земли, и нависшаго неба—
Нѣтъ ничего тамъ для васъ, и не брежжитъ ни сердцу, ни взору;
Яростна Божья десница, и гнѣвно нещедрое око,
И не пошлетъ Онъ ни тучки, ни ласковыхъ крылышекъ вѣтра—
Такъ догніете въ тоскѣ, въ обнаженьи вселенской засухи,
Смерти моля и, какъ звѣрь, вопія подъ потугами жизни...

Взвойте къ орламъ—пустъ домчатъ ваши вопли до вышняго неба..

Вспомнилъ Господь, и взыскалъ вашу пустошь и вѣтромъ, и тучей—
Съ дальняго края земли прилетѣли гонцы возрожденья,

Влагою полныя тучи, ликуя во срѣтенье ждущихъ,
Зовъ обновленья неся и для жажды утѣху досыта;
Громъ въ ихъ утробѣ дремалъ, и рѣзвилися проблески молній,
Въ пляскѣ змѣились межъ горъ и скакали по зубьямъ утесовъ.
И долетѣли къ вамъ тучи, молнія ярко сверкнула,
Громъ, пробудясь, зарычалъ—и вдругъ разразился—надъ вами!
Затрепетала пустыня, подъ вами земля пошатнулась,
Вы поднялися, дрожа, ослѣпленные, въ дикомъ смятеньи,
Брошены въ мракъ изъ огня, затопленные блескомъ и тьмою;
Къ облаку подняли руки, взывая глазами о каплѣ,—
Но пронеслись облака, улетѣли своею дорогой:
Вамъ ихъ насмѣшливый громъ, но не вамъ ихъ творящая влага.
И, сиротливо дрожа, вы остались на тернахъ пустыни,
Съ вялой послѣдней молитвой, таящею корчи проклятій,
Тщетно о смерти моля—и гнія въ содроганіяхъ жизни...

Взвойте до тучъ, пусть умчатъ ваши стоны къ безбрежностямъ моря..

* * *

Я знаю: ка́ну я, какъ звѣздочка въ туманъ,
И пропадетъ моя могила;
Но гнѣвъ мой да вовѣкъ дымится, какъ вулканъ,
Чье пламя спитъ, но не остыло.
И вѣчная, какъ онъ, какъ вѣчны небеса
Надъ мѣстомъ бойни беззащитной,
Да станетъ наша скорбь, какъ кость у злого пса,
Въ гортани міра ненасытной;
И небо напоитъ, и всю земную гладь,
И степь, и лѣсъ отравой жгучей,
И будетъ съ ними жить, и цвѣсть, и увядать,
И расцвѣтать еще могучѣй;
Безъ имени, безъ формъ пройдетъ изъ рода въ родъ,
Свидѣтель Ужаса нетлѣнный —
И вопль ея нѣмой задержитъ твой восходъ,
День Искупленія вселенной!

Но если День придетъ, и Правды лживый взоръ
Надъ міромъ въ наглости возблещетъ,
И лицемѣрный стягъ, въ крови моихъ сестеръ,
Надъ ихъ убійцами заплещетъ,

И Божія печать поддѣльная на немъ
Безстыдно солнцу въ очи взглянетъ,
И наглый хороводъ, и лживыхъ пѣсенъ громъ
Надъ мѣстомъ пытки нашей грянетъ; —
То хлынетъ наша кровь по небу и землѣ,
И станетъ солнце тьмой багровой,
Печатью Каина у міра на челѣ,
Клеймомъ безсилья надъ Іегóвой;
И звѣзды задрожатъ: О, день великой лжи!
О, скорбь, неслыханная міру! —
И встанетъ Мститель-Богъ, рыча отъ ранъ души
И занесетъ Свою сѣкиру . . .

I

Между Тигромъ и Ефратомъ,
На пригоркѣ, на горбатомъ,
Въ листьяхъ пальмы, вся блистая,
Княжитъ пава золотая.

Я взмолилась златокрылой:
Ты сыщи мнѣ, гдѣ мой милый!
Подхвати его на мѣстѣ
И, связавъ, умчи къ невѣстѣ.

А не свяжешь, или нечѣмъ,—
Кликни зовомъ человѣчьимъ
И скажи . . . А что́—не знаю . . .
Ты скажи, что я сгораю.

Скажешь: садъ расцвѣлъ богато,
И зардѣлся плодъ граната—
Но замки-ворота цѣлы,
И не сорванъ плодъ созрѣлый.

Скажешь: ночью я часами
Плачу горькими слезами
И мечусь, полунагая,
Покрывала обжигая.

А нейдетъ — тогда шепни ты:
Сундуки мои набиты —
Шелкъ, сорочки, одѣяла —
Я сама ихъ вышивала...

И перина пуховая,
Что сготовила родная
За безсонныя за ночки
Къ ложу брачному для дочки...

И, запрятана глубоко,
Ждетъ фата поры да срока, —
Все по счету, я готова, —
Что жъ не видно дорогого?

* * *

Шорохъ-шелестъ межъ листами —
Молвитъ пава ей устами:
„Полечу во мракѣ ночи
И раскрою другу очи.

Въ грезѣ образъ твой навѣю,
Въ сердцѣ зовъ запечатлѣю:

„Онъ проснется, хвать метелку
И верхомъ—въ твою свѣтелку.

„Я примчался издалека,
Радость жизни, свѣточъ ока,
И хочу не шелкъ прозрачный,
Но любовь въ подарокъ брачный.

Что мнѣ въ роскоши наряда!
Мнѣ приданаго не надо:
Твои косы—шелкъ прекрасный,
Твоя грудь—какъ пухъ атласный.

И за мной казна большая:
Чубъ—и удаль молодая.
Выходи жъ навстрѣчу друга,
Нареченная супруга...“

* * *

Вотъ и ночь. Туманъ пронзая,
Взмыла пава золотая,
Взмыла къ небу и пропала—
И обѣта не сдержала.

И съ утра до темной ночи
Подымаю къ тучкамъ очи:
Тучки, бѣлые туманы,
Гдѣ же милый мой желанный? . .

II

Надъ колодцемъ, что въ саду,
У ведра я тихо жду:
По субботамъ онъ стучится
У меня воды напиться.

Жарко. Все въ глубокомъ снѣ:
Листья, мухи на плетнѣ,
Мать, отецъ . . . Не спимъ мы двое:
Я да сердце молодое.

Да не спитъ еще ведро,
И роняетъ серебро
Капъ-капъ-капъ на дно колодца . . .
Милый близко . . . сердце бьется . . .

Чу—въ саду шуршатъ кусты—
Это пташка—или ты?
Это милый! Скоро, скоро!
Я одна, нигдѣ ни взора . . .

Сядемъ рядомъ, руку дай
И загадку отгадай:
Отчего такъ жадно рвется
Мой кувшинъ къ водѣ колодца?

И зачѣмъ мое ведро
Плачетъ, сѣя серебро,
Безъ утѣхи, безъ отвѣта
Отъ разсвѣта до разсвѣта?

И зачѣмъ такъ больно мнѣ
Гдѣ то въ сердцѣ, въ глубинѣ?
Правда ль—мама говорила—
Что тебѣ я опостыла?—

Отвѣчаетъ мой женихъ:
—Сплетни недруговъ моихъ!
Черезъ годъ мы, той весною,
Будемъ мужемъ и женою!

Будетъ чудная весна,
Небо въ золотѣ безъ дна,
И деревья всѣ съ привѣтомъ
Насъ осыплютъ сладкимъ цвѣтомъ.

Братья, сестры, вся семья,
Свахи, дружки и друзья,
Тьма гостей за скрипачами
Поведутъ насъ со свѣчами.

На коверъ тебя взведу—
Предъ колодцемъ, здѣсь въ саду;
Ты подашь мнѣ даръ богатый—
Бѣлый пальчикъ розоватый.

И промолвлю громко я:
„Посвящаю —ты моя“ —
А враги придутъ къ намъ въ гости
И полопаютъ со злости . . .

Снова солнце взошло, вновь поникло за лѣсъ,
День прошелъ, и не видѣлъ я свѣта;
День да ночь, сутки прочь—и ни знака съ небесъ,
Ни привѣта.

И на западѣ снова клубятся пары,
Громоздятся чудовища-тучи—
Что тамъ? зиждетъ міры или рушитъ міры
Нѣкто дивно-Могучій?

Нѣтъ не зиждутся тамъ и не рушатся тамъ
Ни міры, ни дворцы, ни престолы:
То свой пепелъ струитъ по земнымъ наготамъ
Сѣрый вечеръ безполый.

И шепчу я: въ заботахъ о вашемъ грошѣ,
Своего не сберегъ я червонца...—
И встаетъ Асмодей и хохочетъ въ лучѣ
Уходящаго солнца.

* * *

I

Быстро конченъ ихъ трауръ: отряхнулись и встали,—
Я сажуся на землю.
Голова моя въ пеплѣ, на ногахъ нѣтъ сандалій,
Молча жду я и внемлю.

Не могу я молиться у безмолвнаго храма,
Здѣсь мольбы мои стынутъ:
Еще храмъ ихъ не рухнулъ, еще высится прямо,
Но онъ Богомъ покинутъ.

Въ сердцѣ трауръ тяжелый, въ сердцѣ черная дума,—
Тѣ проходятъ, не чуя;
И сижу, безъ сандалій, одиноко, угрюмо,
Жду конца и молчу я.

II

И когда я погибну въ вашемъ брошенномъ храмѣ,
Захлебнусь въ моей злобѣ—
Пусть умру средь молчанья: не пятнайте слезами
Мою память во гробѣ.

Семь пожаровъ Геенны, что прошелъ я при жизни,
Пусть найду и въ могилѣ,
Лишь бы худшей изъ пытокъ—вашимъ плачемъ на тризнѣ
Вы меня не казнили.

Дайте гнить безъ помѣхи, глядя мыслью безсонной,
Какъ гніете вы сами,
И обглоданной пастью хохотать о бездонной
Вашей мукѣ и срамѣ...

* *
*

...И будетъ,
Когда продлятся дни, отвѣка тѣ же,
Всѣ на одно лицо, вчера какъ завтра,
Дни, просто дни безъ имени и цвѣта,
Съ немногими отрадами, но многой
Заботою; тогда охватитъ Скука
И человѣка, и звѣрей. И выйдетъ
Въ часъ сумерекъ на взморье погулять
Усталый человѣкъ—увидитъ море,
И море не ушло; и онъ зѣвнетъ.
И выйдетъ къ Іордану, и увидитъ—
Рѣка течетъ, и вспять не обратилась;
И онъ зѣвнетъ. И въ высь подыметъ взоры
На семь Плеядъ и поясъ Оріона:
Они все тамъ же, тамъ же... и зѣвнетъ.
И человѣкъ, и звѣрь изсохнутъ оба
Въ гнетущей Скукѣ, тяжко и несносно
Имъ станетъ бремя жизни ихъ, и Скука
Ощиплетъ ихъ до плѣши, обрывая
И кудри человѣка, и сѣдые
Усы кота.

Тогда взойдетъ Тоска.
Взойдетъ сама собой, какъ всходитъ плѣсень
Въ гниломъ дуплѣ. Наполнитъ дыры, щели,
Все, все, подобно нечисти въ лохмотьяхъ.
И человѣкъ вернется на закатѣ
Къ себѣ въ шатеръ на ужинъ, и присядетъ,
И обмакнетъ обглоданную сельдь
И корку хлѣба въ уксусъ—и охватитъ
Его тоска И сниметъ свой чулокъ,
Пролипшій потомъ, на ночь—и охватитъ
Его Тоска. И отхлебнетъ отъ мутной
И тепловатой жижи—и охватитъ
Его тоска. И человѣкъ и звѣрь
Уснутъ въ своей Тоскѣ, и будетъ, сонный,
Стонать и ныть, тоскуя, человѣкъ,
И будетъ выть, царапая по крышѣ,
Блудливый котъ.

Тогда настанетъ Голодъ.
Великій, дивный голодъ— міръ о немъ
Еще не слышалъ: Голодъ не о хлѣбѣ
И зрѣлищахъ, но Голодъ—о Мессіи!

И поутру, едва сверкнуло солнце,
Во мглѣ шатра съ постели человѣкъ
Подымется, замученный тревогой,
Пресыщенный тоскою сновидѣній,
Съ пустой душой; еще его рѣсницы
Опутаны недоброй паутиной
Недобрыхъ сновъ, еще разбито тѣло

Отъ страховъ этой ночи, и въ мозгу
Сверлитъ еще и вой кота, и скрежетъ
Его когтей; и бросится къ окну,
Чтобъ протереть стекло, или къ порогу —
И, заслоня ладонью воспаленный,
Алкающій спасенья, мутный взоръ,
Уставится на тѣсную тропинку,
Что за плетнемъ, или на кучу сору
Передъ лачугой нищенской — и будетъ
Искать, искать Мессію! — И проснется,
Полунага подъ сползшимъ одѣяломъ,
Растрепана, съ одряблымъ, вялымъ тѣломъ
И вялою душой, его жена;
И, не давая жадному дитяти
Изсохшаго сосца, насторожится,
Внимая вдаль: не близится ль Мессія?
Не слышно ли храпѣніе вдали
Его ослицы бѣлой? — И подыметъ
Изъ колыбели голову ребенокъ,
И выглянетъ мышенокъ изъ норы:
Не близится ль Мессія, не бренчатъ ли
Бубенчики ослицы? — И служанка,
У очага полѣнья раздувая,
Вдругъ высунетъ испачканное сажей
Свое лицо: не близится ль Мессія,
Не слышно ли могучаго раската
Его трубы...

* * *

И сказалъ Амассія Амосу:
Провидецъ, бѣги! . .
(А м о с а, VII, 12)

Бѣжать? О, нѣтъ! Привыкъ у стада
Я къ важной поступи вола:
Мой шагъ тяжелъ, и рѣчь безъ склада
И, какъ сѣкира, тяжела.

Мой пылъ угасъ, и въ сердцѣ холодъ,
Но не на мнѣ за то позоръ:
Не встрѣтилъ на́ковальни молотъ,
И въ гниль обрушился топоръ...

Что жъ, покорюсь Судьбѣ рѣшенной,
Свяжу мой скарбъ, стяну кушакъ
И прочь пойду, цѣны поденной
Не заработавшій батракъ.

И будутъ рощи мнѣ подруги,
И будутъ долы мой пріютъ,
А васъ—а васъ лихія вьюги,
Какъ сгнившій мусоръ, разметутъ...

ПОЭМЫ

ЯМЄОП

ПОДВИЖНИКЪ 1895

(Отрывки изъ поэмы)

Еще сохранились на нашей чужбинѣ
Забытые міромъ, глухіе углы,
Гдѣ древній нашъ свѣточъ дымится понынѣ,
Чуть видно мерцая подъ грудой золы.
Забитыя души, унылыя души,
Послѣднія искры большого костра,
Тамъ чахнутъ, какъ травка средь зноя и суши,
Безъ срока, безъ смысла, безъ зла и добра,
И вотъ, иногда, по глухимъ этимъ гнѣздамъ
Проходишь ночною порой, одинокъ,
Въ тотъ часъ, когда счету нѣтъ на небѣ звѣздамъ,
И шепчетъ трава, и шуршитъ вѣтерокъ,—
И вдругъ донесется невнятно и тупо
Бормочущій голосъ, тоскливый, какъ вой,
И тѣнь ты увидишь въ окошко—тѣнь трупа,
Который трясется, какъ будто живой —
Дрожитъ, озаренный мерцающей свѣчкой,
Бормочетъ и стонетъ подъ шорохъ страницъ:
То учится юный Подвижникъ за печкой
Въ одной изъ молеленъ-темницъ.

Не день, не недѣлю, не мѣсяцъ онъ занятъ,—
Шесть лѣтъ въ этомъ домѣ провелъ онъ подрядъ:

Здѣсь дѣтство завяло и юность ужъ вянетъ,
И выцвѣли щеки, и вылинялъ взглядъ.

. . . . . .

Шесть лѣтъ—лучшихъ лѣтъ расцвѣтающей силы,
Какъ тѣнь, пролетѣли надъ нимъ безъ слѣда,
Какъ будто далеко отъ этой могилы
Шло время, не зная дороги сюда;
Какъ будто давно ужъ за ветхимъ порогомъ
Не стало вселенной, застыла земля,
И вкругъ не мѣнялись, разубраны Богомъ
То въ саванъ, то въ зелень, лѣса и поля;
Какъ будто бы солнце межъ вѣтками сосенъ
Ему не бросало въ окно свой привѣтъ,
Какъ будто не жилъ онъ, какъ будто не росъ онъ—
Какъ тѣнь, какъ насмѣшка, шесть лѣтъ!

Шесть лѣтъ! И въ стоячей водѣ ешибота
Въ шесть лѣтъ совершилась чреда перемѣнъ:
Вѣдь есть же и сердце, и къ жизни охота,
И страсти въ питомцахъ святыхъ его стѣнъ.
И вѣянья міра врывались сквозь стѣны:
То полны скамейки, то пусты онѣ;
Приходятъ, уходятъ за смѣнами смѣны;
Иныхъ ждутъ родные на „Грозные Дни“;
Иные весь праздникъ въ селеньяхъ окрестныхъ
Гостятъ на свободѣ (смотрителя нѣтъ!):
У добрыхъ людей, неученыхъ, но честныхъ,
Грядущимъ раввинамъ—пріютъ и привѣтъ.

А есть и другіе—конецъ ихъ печальный,
И слѣдъ ихъ утерянъ: ихъ выгнали прочь.
Одинъ былъ застигнутъ съ колодой игральной,
Другой—со служанкой въ весеннюю ночь,
А третій—въ субботу съ цыганкой завѣтной
Въ убѣжищѣ тайнъ, гдѣ не видитъ никто;
Четвертый попался за книжкой запретной,
А пятый—а пятый не знаю за что.
Инымъ повезло—имъ достался жены
Изъ пышныхъ толстухъ, деревенскихъ дѣвицъ;
Тотъ кончилъ—теперь онъ раввинъ и ученый
Въ одной изъ великихъ сосѣднихъ столицъ;
Но о н ъ—о н ъ прилипъ, никуда не стремится,
Закрыла весь міръ отъ него пелена;
А что передъ нимъ? Темный уголъ—страница—
А дальше—глухая стѣна.

Съ зарею, когда не различите взглядомъ
„Межъ бѣлымъ и синимъ, межъ волка и пса“,
И въ сумракѣ тихомъ горятъ міріадомъ
Еще не погасшихъ свѣтилъ небеса;—
Послѣднюю мирно вкушаю дремоту,
Застылъ городокъ, и пѣтухъ не пропѣлъ,
И набожный людъ, аки левъ на охоту,
Еще на молитву возстать не успѣлъ;—
И міръ словно весь притаился, безмолвный,
И ждетъ къ обновленью призыва съ небесъ,
И грезитъ онъ грезу послѣднюю, полный
Волшебныхъ намековъ, и тайнъ, и чудесъ;—

Въ святой тишинѣ, и могучей, и кроткой,
Сокрыты его голоса и черты; —
Въ тотъ часъ, пробудясь отъ дремоты короткой,
Встаетъ нашъ Подвижникъ среди темноты.
И слышитъ одинъ только вѣтеръ летучій
Шаги по дорогѣ, гдѣ нѣтъ никого,
И видятъ однѣ только звѣзды да тучи
Ночную тропинку его.

И вотъ по дорогѣ, бывало, запляшетъ,
Какъ бѣсъ-искуситель, предъ нимъ вѣтерокъ
И пейсики гладитъ, и ласкою пашетъ,
И на ухо шепчетъ грѣховный урокъ.
А красныя вѣки, слипаясь краями,
Какъ будто бы молятъ его: „Пожалѣй!
Глаза твои слѣпнутъ и гаснутъ подъ нами,
Устали мы съ ними отъ пытки твоей.
Вчера ты насъ мучилъ весь день и полъ-ночи,
А лѣтомъ такъ долги горячіе дни!
Твой сонъ не успѣлъ освѣжить насъ, нѣтъ мочи,
Мы больше не можемъ – вернись и усни!“
Но вдругъ, отгоняя грѣховныя думы,
По вѣкамъ проводитъ онъ тощей рукой,
И снова шаги нарушаютъ угрюмый
На улицахъ сонныхъ покой.

Но вѣтеръ не сдался—онъ прячется въ зелень,
И манитъ, травою, листвою шурша:
„Приди къ намъ, покойся—коверъ твой постеленъ—
Пусть свѣжестью нашей напьется душа!“

„Мы дремлемъ“ — лепечутъ съ истомою сонной
Листочки и травы предъ нимъ и надъ нимъ,
И звѣзды мерцаютъ изъ выси бездонной:
„Мы тоже — съ глазами открытыми спимъ“...
Все пахнетъ — и садъ, и деревья, и поле,
И сладкая въ горло струится волна,
И, пьяный, онъ дышитъ, почти поневолѣ,
Всей грудью, всей грудью, до самаго дна.
Безкровныя губы широко раскрыты,
Широко раскрыта подъ воротомъ грудь, —
И, словно наемникъ, таскавшій граниты,
Все тѣло, всѣ члены вопятъ: „отдохнуть!“
И вотъ простираетъ онъ руки безъ силы,
Какъ будто бы проситъ спасти и помочь:
„Возьми меня, вѣтеръ, укрой меня, милый,
Усталъ я, мнѣ тѣсно, умчи меня прочь!“ —
Но вдругъ пробѣжало мгновенье тревоги
Среди зашумѣвшихъ о чемъ то вѣтвей —
И онъ вспоминаетъ, что сбился съ дороги,
И мчится, спасаясь отъ адскихъ сѣтей.
И вновь, напѣвая невнятно и глухо,
Весь день простоитъ онъ въ углу недвижимъ —
И въ эти минуты, на подвигѣ духа,
Что́ сталь и гранитъ — передъ нимъ?

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

„Такъ учитъ насъ Рава“... „Такъ учитъ Аббайя“...

И, шопотомъ хриплымъ весь міръ заглуша,
Не слышитъ онъ самъ, что въ груди, погибая,
Рыдаетъ и молитъ живая душа.
Не слышитъ, не слышитъ! И смолкнутъ моленья.
Душа онѣмѣетъ, завянутъ мечты,
Угаснутъ желанья, зачахнутъ стремленья,
Растоптаны, сгинутъ во мракѣ цвѣты, —
И станетъ душа его грудою пепла,
Сгорѣвъ ненасыщенной жаждою дивъ,
Затѣмъ что изсохла, оглохла, ослѣпла,
Нигдѣ не любима, нигдѣ не любивъ;
Глаза, одаренныѣ дивною властью
Объять безпредѣльный просторъ міровой,
Потухнутъ, не видѣвъ, не вспыхнувши страстью,
Ничѣмъ не плѣнившись отъ жизни живой;
Какъ призракъ,—какъ ящеръ въ заброшенной щели,
Не живъ, отживаетъ онъ отвергнутъ и нѣмъ...
Зачѣмъ онъ родился и гибнетъ безъ цѣли,
И онъ, и другіе—зачѣмъ?

. . . . . .
. . . . . .

Я росъ одиноко, и въ дѣтствѣ безлюдномъ
Любилъ притаиться, уйти въ тишину;
Въ душѣ моей жажда о свѣтломъ и чудномъ
Шумѣла, бродила, подобно вину.
Часами я грезилъ въ углу незамѣтномъ,
И въ око вселенной глядѣлся мой взоръ;
Слетались друзья — пошептать о завѣтномъ,—
И въ сердцѣ ихъ голосъ звучитъ до сихъ поръ.

Друзей было много: и пташка, и мошка,
И кустъ, и березка, и кучка грибовъ,
Луна, что стыдливо сіяетъ въ окошко,
Скрипѣнье калитокъ и мракъ погребовъ;
Колючій репейникъ подъ старымъ заборомъ,
Лучи, что струятся капризнымъ узоромъ
Отъ солнца, отъ свѣчки, осколковъ стекла,
Чердакъ, паутина пустого угла,
Таинственный сумракъ въ пучинѣ колодца
(И сладко, и жутко тому, кто нагнется!),
И эхо, и зыбкій мой образъ на днѣ,

И скрежетъ пилы, и часы на стѣнѣ,
Что смутно лепечутъ — быть можетъ о Богѣ;
И дикая груша, и вдругъ, на дорогѣ,
Изъ сада чужого упавшій орѣхъ,
И божья коровка, что въ панцырь одѣта,—
Друзей было много. Но лучше ихъ всѣхъ—
Лучи золотистаго свѣта.

Я лѣтомъ узналъ ихъ. Малютки-лучи,
Какъ ангелы легки, какъ кровь горячи,
Однажды рѣзвились по рѣчкамъ и нивамъ
И вдругъ обожгли, веселясь и меня—
И радость меня подхватила приливомъ,
И взоръ мой блеснулъ первой искрой огня.
И сталъ я собратомъ ихъ тайнаго круга,—
И какъ полюбили мы славно другъ друга!

Бывало, чуть свѣтъ (такъ уютна кровать!)
Они ужъ стучатся въ окошко: вставать!
Вскочу, одѣваюсь, сквозь сонъ еще млѣя—
Они мнѣ мигаютъ, торопятъ: живѣе!
Куда то сапогъ я забросилъ вчера,
Ищу впопыхахъ — а снаружи: пора!
Одѣнусь, и къ двери опрометью кинусь—
Ихъ нѣтъ, разлетѣлись и дразнятъ: лови насъ!
Я здѣсь, я на крыльяхъ сіянья лечу,—
Я братъ вашъ, я легкій, подобно лучу,—
Летимъ на поляну, подъ хохотъ и визги
Въ травѣ поваляться, росистой, густой,

И вдругъ, разсыпая жемчужныя брызги,
Пройтись по зеленымъ коврамъ чехардой!

Упали въ траву, и ныряемъ въ росинкахъ,
Заискрился лугъ отъ веселой толпы,
Алмазы безъ счету горятъ на былинкахъ,
И радугу мечутъ, сверкая, шипы—
На каждой колючкѣ, на каждомъ листочкѣ
Дрожитъ и блеститъ по мерцающей точкѣ,
Султанъ изумрудныхъ лучей. . .

И вдругъ — взволновался стотысячеглазый
Сверкающій лугъ, — изумруды, алмазы
Смѣшались въ одно ослѣпленье очей:
Забрелъ къ намъ теленокъ, отставшій отъ матки,
Сбѣжались цыплята порыться въ корняхъ—
Шныряютъ, ныряютъ, и прячутся въ прятки;
И лугъ улыбнулся, сіяя въ огняхъ.

Какъ горлинка въ небѣ, я плаваю въ свѣтѣ—
Дрожу въ немъ, опутанъ, какъ горлинка въ сѣти,
Опутанъ, окутанъ мильономъ обвитій
Въ его золотисто-лазурныя нити:
То дѣтство лучится, и солнцу смѣется;
И губы смѣются, и сердцу поется,
Отъ ласки сіяній, безъ грани, безъ краю
Я искрюсь, я тлѣю, я млѣю, я таю. . .

Я пьянъ отъ сіянья, въ плѣну, въ забытьи—
Они меня будятъ и кличутъ: на нивы!

И въ мигъ ужъ мы тамъ, и горятъ переливы,
И рѣзво скользятъ золотыя струи
По рѣзвымъ головкамъ колосьевъ усатыхъ. . .
И весело нивѣ. Тьма пестрая птицъ
Проносится мимо съ привѣтомъ „цвицъ-цвицъ“.
Рой бабочекъ легкихъ и тканнокрылатыхъ
Порхаютъ и рѣютъ и вьются надъ ней,
Дрожа миріадомъ стоцвѣтныхъ огней,
Бѣлѣютъ, багрятся, горятъ, золотятся,
И тонутъ въ сіяньи, и снова родятся,
Какъ будто бы нѣкто, шутя, съ высоты
Пригоршнями сѣетъ живые цвѣты;
Рѣзвятся, танцуя съ лучами надъ нивой,
Гоняясь за ними въ игрѣ шаловливой
Подъ гомонъ и звонъ скрипачей полевыхъ—
Оркестра, что скачетъ, трещитъ и стрекочетъ,
Жужжитъ и сверлитъ и скрежещетъ и точитъ—
И воздухъ какъ будто звенитъ и не хочетъ,
И сонно рокочетъ, и въ рокотѣ тихъ . . .

Жара. Утомилась веселая банда.
Купаться, на прудъ! — прозвенѣла команда—
И мчатся, играя, гоняясь, спѣша,
Къ пруду, что сіяетъ въ кольцѣ камыша.

Чуть плещутся воды подъ полднемъ, лѣнивы,
То искрясь на солнцѣ, то прячась подъ ивы.
Какъ зеркало блещетъ одна полоса,
И въ ней отразилася высь голубая,

Жемчужныя тучки проносятъ, тая,—
И все тамъ иное: не тѣ небеса,
Свѣтъ солнышка мягче горитъ, охлажденный,
Фатою покоя подернутъ весь міръ
И нѣжится въ глуби спокойной и сонной,
Гдѣ все — безмятежность, и греза, и миръ . . .

А дальше, объятая сладостной лѣнью,
Зеленая влага замкнута въ заливъ,
И справа и слѣва насупился тѣнью
Надъ царствомъ подводнымъ прибрежный обрывъ;
И тамъ опрокинутъ камышъ золотистый,
И волосы ивы плакуче-вѣтвистой,
И камни, и бѣдный челнокъ у ствола,
И жилы корней надъ обрывомъ, утята,
И апстъ безъ правой ноги, что поджата,
И прачка босая — все тѣнью объято,
Все свѣжесть, прохлада, и сумракъ и мгла . . .

А дальше — коверъ изъ сверкающихъ струекъ
И змѣекъ и блестокъ и звѣздъ и чешуекъ,
Сплошной золотой ярко-трепетный плескъ,—
Распались два солнца, что сверху и снизу,
И пыль ихъ слилась въ искрометную ризу,
Гдѣ все — ослѣпленье, мерцанье и блескъ!

Купаться, купаться! — И, дрогнувъ, потрясся
Сверкающій въ искрахъ и блесткахъ коверъ,
И сталъ, какъ одна раскаленная масса,

И тысячи красокъ смѣшались въ узоръ,
И дрогнулъ подводный небесный шатеръ,
И дрогнуло солнце, и на́-семь распалось,
И семеро солнцъ на волнахъ закачалось,
Другъ съ другомъ играя, другъ друга дразня,
Слилось, и распалось, и снова слилося —
И съ міромъ подводнымъ исчезло въ хаосѣ
Потопа сіяній и въ морѣ огня.

И я, въ морѣ свѣта безъ дна и безъ грани,
Какъ губка, впиваю богатство сіяній,
Очищенъ и влагой, и лаской лучей;
И тысячью горныхъ журчащихъ ключей
Въ душѣ моей радость звенитъ и трепещетъ,
Какъ музыка танца, что льется и плещетъ
По струнамъ безчисленныхъ арфъ . . .

Я вышелъ и сѣлъ на зеленое ложе—
Любуюсь на зыбь угасающей дрожи,
На зыбь, что струится, какъ газовый шарфъ,
На зыбь, что сверкаетъ багрянымъ отливомъ,
И жжетъ фейерверкъ изъ малютокъ-ракетъ,
И искры взметаетъ послѣднимъ порывомъ —
Слабѣе — слабѣе — и стихла — и нѣтъ . . .

И вновь, какъ дотолѣ, спокойное лоно
Зеркально и ясно, недвижно и сонно,
И міръ отраженный застылъ, молчаливъ,
Подъ тѣнью таинственной ивъ.

И только напротивъ, гдѣ ровенъ и гладокъ
Сливается берегъ съ лучистой водой,
Свой неводъ волочитъ рыбалка сѣдой,
И сыплются капли, какъ тысяча радугъ,
Алмазъ за алмазомъ, звѣзда за звѣздой...—
Не мнѣ ль онъ струитъ золотистое зелье
Въ хрустальную чашу? Я весь опьяненъ...
А капли бѣгутъ и плетутъ ожерелье...
И легокъ и сладокъ мой сонъ.

Вдругъ—по водамъ, надъ покоемъ
Ихъ сверкающей парчи,
Пронеслися легкимъ роемъ
Шалуны-лучи.

Чище свѣта, легче дыма
Словно только сорвались
Съ нѣжныхъ крыльевъ херувима,
Что умчался въ высь;

И хранятъ еще ихъ глазки
Отраженье Божества—
И поютъ, кружася въ пляскѣ,
Дивныя слова:

„Приди къ намъ, малютка,
Приди къ намъ, прекрасный,
Приди къ намъ за свѣтомъ,
Пока не темно,—

Въ пучинѣ сіянья
Безбрежной и ясной
Утонемъ и канемъ
Глубоко на дно.

Тамъ въ залѣ зеркальной
Средь башни хрустальной
Есть яхонтъ, какъ солнце
Съ лазурнымъ огнемъ.

То свѣтъ первозданный,
То свѣтъ изначальный —
И полную чашу
Тебѣ мы нальемъ.

И выпьешь, и свѣтомъ
Наполнятся ткани,
И брызнутъ, и хлынутъ,
Подобно слезамъ,

Лучистыя ласки
Несчетныхъ сіяній
И въ сладостной мукѣ
Исчезнешь ты самъ...“

Не смолкъ еще лепетъ невнятнаго хора—
Они уже въ чащѣ сосѣдняго бора,
Бросаютъ мнѣ взоромъ прощальный привѣтъ,
Мигаютъ: „до завтра!“—и скрылись. Ихъ нѣтъ.

. . . . . .
. . . . . .

И было однажды... Когда это было?
За что?— Я не знаю, не помню того;
Но взоръ ихъ прощальный погасъ такъ уныло,
И мнѣ не сказалъ ничего...
На утро— какой то неласковый, грубый,
Свѣтъ солнца обжегъ мнѣ рѣсницы и губы;
Взглянулъ я въ окошко—тамъ солнце не то;
Я ждалъ—и никто не вернулся, никто...
И пѣсенка Зорь онѣмѣла навѣки.
Но въ сердцѣ звучитъ ея эхо, и нѣкій
Живетъ ея отблескъ въ мерцаньи зрачка;
И лучшіе сны мои въ мірѣ холодномъ,
И лучшія грезы о счастьи свободномъ
Бѣгутъ изъ ея родника.

40. И встали рано поутру, и поднялись на вершину горы, и сказали: мы взойдемъ, мы взойдемъ на то мѣсто, о которомъ изрекъ Господь запрещеніе за то, что мы прегрѣшили.

44. И дерзнули они подняться на вершину горы, а ковчегъ Завѣта Господня и Моисей не тронулись изъ среды стана.

45. И сошли Амалекитянинъ и Хананеянинъ, обитавшіе на той горѣ и разбили ихъ, и поразили ихъ до истребленія. (Числа XIV)

Сказалъ мнѣ тотъ Арабъ: пойдемъ, я покажу тебѣ Мертвецовъ пустыни. Я пошелъ къ нимъ и видѣлъ ихъ; они казались только одурманенными, и лежали они навзничь. У одного изъ нихъ было согнуто колѣно; тотъ Арабъ въѣхалъ подъ колѣно верхомъ на верблюдѣ, и въ рукѣ его подъятое копье— и не коснулся его.

[Изъ странствій Рабба-Баръ-Баръ-Ханы: Baba Bathra 73, 74]

То не косматые львы собрались на вѣче пустыни,
То не останки дубовъ, погибшихъ въ расцвѣтѣ гордыни,—
Въ зноѣ, что солнце струитъ на просторъ золотисто-песчанный,
Въ гордомъ покоѣ, давно, спятъ у темныхъ шатровъ великаны.
Вдавленъ подъ каждымъ песокъ, уступившій тяжелой громадѣ;
Крѣпокъ ихъ сонъ на землѣ, и уснули въ воинскомъ нарядѣ —
Каменный мечъ въ головахъ, закинуты копья за спины
Дротики лѣсомъ торчатъ изъ песка, словно роща тростины.
Головы въ космахъ назадъ опрокинуты, тяжко, лѣниво,
Кудри разсыпались вкругъ, густыя, какъ львиная грива,
Грозныя лица—какъ мѣдь, очерненная жаромъ полдневнымъ,
Рѣзвой игрою лучей и бурей въ безумiи гнѣвномъ;
Строги могучіе лбы, что въ небо съ угрозой глядятся;
Брови нависли, какъ чаща, гдѣ страшныя чуда гнѣздятся;

Пряди густой бороды, словно змѣи, сплетенныя въ схваткѣ,
Кроютъ гранитную грудь и вьются по ней въ безпорядкѣ;
Грудь —словно на́ковальБожья, что съ молотомъ тяжкимъ знакома:
Чудится—Время свой молотъ, разящій ударами грома,
Долго пытало на нихъ, и внутри затаенная сила
Въ глыбу сковалась и такъ на вѣки безмолвно застыла;
Только глубокіе шрамы, какъ надпись на древней гробницѣ,
Зоркому скажутъ орлу, что паритъ надъ безгласной станицей,
Сколько и стрѣлъ, и мечей, и всѣхъ смертоносныхъ орудій
Въ брызги и пыль раздробились объ эти гранитныя груди.

Солнце вставало и гасло, и шло за столѣтьемъ другое;
Степь содрогалась отъ бурь и опять застывала въ покоѣ. . .
Словно въ тоскѣ о быломъ, синѣютъ за далью равнины,
Въ гордой, безмолвной красѣ, одиноки отвѣка, вершины.
На́ трое сугокъ пути—ни звука въ пространствахъ сыпучихъ:
Смолкъ, поглощенный пустыней, кличъ поколѣнья Могучихъ,
Стеръ ураганъ ихъ шаги, потрясавшіе землю когда то,
Степь затаила дыханье, и скрыла, и нѣтъ имъ возврата.
Можетъ быть, нѣкогда въ прахъ изсушатъ ихъ вѣтры востока,
Съ запада буря придетъ и умчитъ его пылью далеко,
До городовъ и людей донесетъ и постелетъ, развѣявъ,—
Тамъ первозданную силу растопчутъ подошвы пигмеевъ,
Вылижетъ прахъ бездыханнаго льва живая собака,
И отъ угасшихъ гигантовъ не станетъ ни звука, ни знака...

Зной и затишье. Но вдругъ, иногда, на просторѣ песчаномъ
Черная тѣнь промелькнетъ, поплыветъ надъ поверженнымъ станомъ,
Въ ширь и длину и въ вокругъ очертитъ во мгновеніе ока—

И неподвижно замретъ надъ однимъ изъ уснувшихъ глубоко.
Самъ онъ и на семь локтей въ окруженіи все потемнѣло;
Мигъ—содроганье—шумъ крылъ—и паденье могучаго тѣла;
Тяжкою глыбой низвергся на ребра недвижимой цѣли,
Мощно-крылатъ и когтистъ, горбоносый орелъ, сынъ ущелій.
Хищные когти орла—какъ булатъ дорогого чекана,
Но, какъ алмазъ, отвердѣла широкая грудь великана;
Мигъ—и борьба началась, состязанье гранита и стали.
Вдругъ—содрогнулся орелъ, отстранился, глаза засверкали:
Дивно покоится вкругъ, величава, дремучая сила...
Вздрогнулъ, и крылья простеръ, и вознесся къ зениту свѣтила,
Хрипло къ могучему солнцу бросилъ свой клекотъ могучій,
Выше, и выше, и скрылся въ бездонномъ просторѣ за тучей.
Только внизу, на копьѣ, бездыханной рукою зажатомъ,
Бьется перо—бурый клокъ, оброненный монархомъ пернатымъ,
Бьется, трепещетъ и блещетъ, одно, сиротливо-чужое...
Спятъ исполины. Ни звука. Пустыня застыла въ покоѣ.

Или, бывало, чуть полдень окутаетъ степь, темносиній—
Выползъ узорчатый змѣй, изъ великихъ удавовъ пустыни,
Выползъ, и свился въ кольцо, блестя чешуей расписною;
То онъ недвижно лежитъ, отдаваясь недвижному зною,
Тая въ истомѣ жары и купаясь въ сіяніи лѣта;
То распрямится навстрѣчу лучамъ золотистаго свѣта,
Пастью широкой зѣвнетъ и, волнуя свои переливы,
Баловень старой пустыни, рѣзвится въ пескѣ, шаловливый.
То—встрепенулся, рванулся, поползъ съ тихимъ свистомъ шипѣнья,
Быстро толчками скользитъ, извивая упругія звенья,—
Вдругъ—пересталъ, и на треть поднялся, какъ обломокъ колонны—

Столпъ изъ кумирни волхвовъ, письменами волшбы испещрённый,
И золотистой повелъ головою, отъ края до края
Нѣчто медлительнымъ взглядомъ пронзающихъ глазъ озирая:
То исполины предъ нимъ, лежатъ безъ числа и предѣла,
Къ небу нахмурены брови грозно и гнѣвно и смѣло;
Вспыхнула въ глазкахъ змѣиныхъ, зеленымъ огнемъ пламенѣя,
Искра шипящей вражды, заповѣдной отъ древняго змѣя,—
Легкой волной прокатился трепетъ безмолвнаго гнѣва
Отъ расписного хвоста до разверстаго чернаго зѣва,
Пестрое горло раздулось, и, злобно шипя, задрожало,
Словно вонзиться готово, двуострое черное жало.
Мигъ—и отпрянулъ назадъ, свернулся, шипѣнье застыло:
Дивно покоится вкругъ, величава, дремучая сила...
Прянулъ назадъ, и уползъ, и, сверкая, клубятся спирали,
Искрятся, рдѣютъ, горятъ—и исчезли въ мерцаніяхъ дали.
Спятъ исполины. Ни звука. Пустыня застыла въ покоѣ.

Или подымется мѣсяцъ на тихое небо ночное;
Степь и открыта и скрыта, разубрана чернымъ и бѣлымъ:
Въ бѣломъ—безбрежный песокъ, уходящій къ безвѣстнымъ предѣламъ,
Чернымъ очерчены тѣни высокихъ и мрачныхъ утесовъ:
Мнится—не тѣни, а стадо слоновъ, допотопныхъ колоссовъ,
Что собрались помолчать о тайнахъ Былого на вѣче,
Встанутъ съ зарей, и пойдутъ, и тихо исчезнутъ далече.
Грустно и жутко лунѣ, небо тамъ, на равнинѣ безкрайной,
Ночь, и пустыня, и древность сливаются тройственной тайной;
Грустно и жутко пустынѣ, и сонъ ея—скорбь о вселенной,
И за бездоннымъ молчаньемъ чудится стонъ сокровенный.—
Левъ иногда въ эту пору, могучій, проснется, воспрянетъ,

Выйдетъ, неспѣшно ступая, дойдетъ до гигантовъ, и станетъ,
Голову гордо подыметъ, вѣнчанный косматымъ уборомъ,
Нѣдра безмолвнаго стана роя пылающимъ взоромъ:
Станъ исполиновъ великъ, и великая тишь надъ равниной,
Сонъ ихъ тяжелъ и глубокъ, и не дрогнетъ ни волосъ единый.
Словно бъ ихъ тѣнями копій, какъ сѣтью, земля прикрѣпила.
Долго глядитъ онъ на нихъ: величава дремучая сила,—
Вдругъ колыхнулъ головой—и, гремя, раскатилось рыканье,
И необъятно кругомъ по пустынѣ прошло содроганье,
Рухнуло эхо, дробясь, и осколками грянуло въ горы,
И міріадомъ громовъ отвѣтили гулко просторы,
Гдѣ то заплакали совы, гдѣ то завыли шакалы,
Ужасъ и трепетъ и вопль наполнилъ равнину и скалы—
То застонала, полна вѣковыхъ несказанныхъ унынiй,
Устали, голода, боли,—жалоба старой пустыни.
Мигъ онъ, внимая, стоитъ—и, насытяся мощью державы,
Вспять обращаетъ стопы, спокойный, большой, величавый;
Полузакрыты, горятъ равнодушнымъ презрѣніемъ очи,
Царственна поступь его,—и скрылся за пологомъ ночи,
Долго, рыдая, дрожатъ пробужденные скорбные звуки:
Стонетъ пустыня, ей тяжко, и ропщетъ на горькія муки;
Лишь предъ зарей, утомясь, затихла въ дремотномъ туманѣ,
Спитъ и не спитъ, и о завтра плачетъ неслышно заранѣ.
Тихо восходитъ заря. . . Пустыня застыла въ покоѣ.
Спятъ исполины. Ни звука. . . Идетъ за столѣтьемъ другое. . .

Но иногда, возмутясь противъ ига молчанья и скуки,
Мститъ и пустыня Творцу за свои одинокія муки:
Буреи встаетъ, и смерчъ воздымаетъ къ обители Божьей,

Яростно мечетъ, и рветъ, и у трона колеблетъ подножье,
Вызовъ бросаетъ Творцу и, бунтуя въ безумной крамолѣ,
Рвется низвергнуть Его, и Хабсъ утвердить на престолѣ.
Дрогнулъ отъ гнѣва Творецъ; мигъ — и нѣтъ ужъ лазури безбрежной:
Какъ раскаленный металлъ, небеса надъ пустыней мятежной;
Хлещетъ багровый потокъ, затопляя въ бушующей лавѣ
Богомъ разрушенный міръ и вздымаясь до горныхъ оглавій,—
Дико взревѣла земля, смѣшалося небо съ пустыней,
Тучи съ сыпучимъ пескомъ въ единой бурлящей пучинѣ,
И, отъ шакала до льва, до могучаго льва-великана,
Все закружилось, какъ пыль, въ безумномъ кольцѣ урагана.

Въ эти мгновенья—
Вдоль по рядамъ исполиновъ проносится гулъ пробужденья,
И отъ земли возстаетъ мощный родъ дерзновенья и брани,
Съ яростью молній въ очахъ и съ мечемъ въ гордо поднятой длани,
И, раздирая рычанье и грохотъ и свистъ урагана,
Къ небу подъемлется кличъ, грозный кличъ отъ несмѣтнаго стана,
Ширясь, гремитъ и гремитъ и несется надъ бурей далеко:

— Мы соперники Рока,
Родъ послѣдній для рабства и первый для радостной воли!
Мы разбили яремъ, и судьбу мятежемъ побороли;
Мы о небѣ мечтали—но небо ничтожно и мало,
И ушли мы сюда, и пустыня намъ матерью стала.
На вершинахъ утесовъ и скалъ, гдѣ рождаются бури,
Насъ учили свободѣ орлы, властелины лазури,—
И съ тѣхъ поръ нѣтъ надъ нами владыки!
Пусть замкнулъ Онъ пустыню во мстительномъ гнѣвѣ Своемъ:

Все равно —лишь коснулись до слуха мятежные клики,
Мы встаемъ!
Подымайтесь, борцы непокорнаго стана:
Противъ воли небесъ, напроломъ,
Мы взойдемъ на вершину, взойдемъ
Сквозь преграды и грохотъ и громъ
Урагана!

Мы взойдемъ на вершину!
Пусть покинулъ насъ Богъ, что когда то клялся: Не покину;
Пусть недвиженъ ковчегъ, за которымъ мы шли въ оны лѣта—
Мы безъ Бога пойдемъ, и взойдемъ безъ ковчега Завѣта.
Гордо встрѣтимъ Его непелящіе молніей взоры,
И наступимъ ногой на Его заповѣдныя горы,
И къ твердынямъ врага—кто бъ онъ ни былъ—проложимъ дорогу!
Голосъ бури—вы слышите—чу!—
Голосъ бури взываетъ: „Дерзайте!“
Трубите тревогу,
И раздолье мечу!
Пусть отъ бѣшенства скалы разсыплются комьями глины,
Пусть погибнутъ изъ насъ міріады въ стремленьи своемъ—
Мы взойдемъ, мы взойдемъ
На вершины! —
И страшно ярится пустыня, грознѣй и грознѣй,
И нѣтъ ей владыки;
И вопли страданья и ужаса мчатся по ней,
Безумны и дики,
Какъ будто бы въ нѣдрахъ пустыни, средь мукъ безъ числа,
Рождается Нѣчто, исчадье великаго зла...

И пролѣтѣлъ ураганъ. Все снова, какъ было донынѣ:
Ясно блестятъ небеса, и великая тишь надъ пустыней.
Сбитые въ кучу, ничкомъ, оглушенные, полные страха,
Мало по малу встаютъ караваны, и славятъ Аллаха.
Снова лежатъ исполины, недвижна несчетная сила;
Свѣтелъ и ясенъ ихъ видъ, ибо съ Богомъ ихъ смерть примирила.
Мѣста, гдѣ пала ихъ рать, не найдутъ никогда человѣки:
Буря холмы намела и тайну сокрыла навѣки.
Изрѣдка только наѣздникъ-Арабъ предъ своимъ караваномъ
Добраго пуститъ коня во весь опоръ по равнинамъ песчанымъ;
Сросся съ конемъ и летитъ, что птица, по шири безбрежной,
Мечетъ копье въ вышину и ловитъ рукою небрежной
Чудится—молнія мчится предъ нимъ по песчаному полю,
Онъ, настигая, хватаетъ, и вновь отпускаетъ на волю . . .
Вотъ ужъ они на холмѣ, далеко, чуть видимы глазу. . .
Вдругъ — отпрянулъ скакунъ, словно бездну завидѣвши сразу,—
Дико взвился на дыбы, какъ въ испугѣ вздымаются кони, —
Всадникъ нагнулся впередъ — глядитъ изъ-подъ лѣвой ладони —
Мигъ—и коня повернулъ — на лицѣ его страхъ непонятный,
И, какъ изъ лука стрѣла, несется дорогой обратной.
Вотъ доскакалъ до своихъ и повѣдалъ имъ тайну равнины.
Внемлютъ, безмолвно дивясь, разсказу его бедуины,
Ждутъ, чтобъ отвѣтилъ старѣйшій въ чалмѣ, съ бородой сребрекудрой.
Долго молчитъ онъ — и молвитъ: „Валлахъ! Да святится Премудрый!
Видѣлъ ты дивныхъ людей: ихъ зовутъ Мертвецами Пустыни.
Древній, могучій народъ, носители Божьей святыни.
Но непокорно-горды, какъ хребты аравійскихъ ущелій —
Шли на вождя своего, и съ Богомъ бороться хотѣли;
И заточилъ ихъ Господь, и обрекъ ихъ на сонъ безъ исхода—

Грозный, великій уррокъ и память для рода и рода . . .
Есть на землѣ ихъ потомки: зовутъ ихъ народомъ Писанья".
Молча внимаютъ Арабы загадочной правдѣ сказанья;
Лица ихъ полны смиренья предъ Богомъ и Божіимъ чудомъ,
Дума въ глазахъ,—и пошли къ навьюченнымъ тяжко верблюдамъ.
Долго сверкаютъ, какъ снѣгъ, издалека ихъ бѣлыя шали;
Грустно кивaютъ верблюды, теряясь въ мерцаніяхъ дали,
Словно уноситъ съ собой всю тоскливость легендъ про былое...

Тихо. Пустыня застыла въ своемъ одинокомъ покоѣ...

. . . Встань, и пройди по городу рѣзни,
И тронь своей рукой, и закрѣпи во взорахъ
Присохшій на стволахъ и камняхъ и заборахъ
Остылый мозгъ и кровь комками: то—они.
Пройди къ развалинамъ, къ зіяющимъ проломамъ,
Къ стѣнамъ и очагамъ, разбитымъ словно громомъ:
Вскрывая черноту нагого кирпича,
Глубоко врылся ломъ крушительнымъ тараномъ,
И тѣ пробоины подобны чернымъ ранамъ,
Которымъ нѣтъ цѣленья и врача.
Ступи—утонетъ шагъ: ты въ пухъ поставилъ ногу,
Въ осколки утвари, въ отрепья, въ клочья книгъ:
По крохамъ ихъ копилъ воловій трудъ—и мигъ,
И все разрушено. . .
И выйдешь на дорогу—
Цвѣтутъ акаціи и льютъ свой ароматъ
И цвѣтъ ихъ—словно пухъ, и пахнутъ словно кровью;
И на́ зло въ грудь твою войдетъ ихъ сладкій чадъ,
Маня тебя къ веснѣ, и жизни, и здоровью;
И грѣетъ солнышко, и, скорбь твою дразня,
Осколки битаго стекла горятъ алмазомъ—

Все сразу Богъ послалъ, всѣ напровали разомъ:
И солнцѣ, и весна, и красная рѣзня!

Но дальше. Видишь дворъ? Въ углу, за той клоакой,—
Тамъ двухъ убили, двухъ: жида съ его собакой.
На ту же кучу ихъ свалилъ одинъ топоръ,
И вмѣстѣ въ ихъ крови свинья купала рыло.
Размоетъ завтра дождь, вопившій къ Богу соръ,
И сгинетъ эта кровь, всосетъ ее просторъ
Великой пустоты безслѣдно и уныло—
И будетъ снова все попрежнему, какъ было...

Иди, взберись туда, подъ крыши, на чердакъ:
Предсмертнымъ ужасомъ еще трепещетъ мракъ,
И смотрятъ на тебя изъ дыръ, изъ тѣней черныхъ
Глаза, десятки глазъ безмолвныхъ и упорныхъ.
Ты видишь? То они. Вперяя мертвый взглядъ,
Тѣснятся въ уголкѣ, жмутся, и молчатъ.
Сюда, гдѣ съ воемъ ихъ настигла стая волчья,
Они въ послѣдній разъ прокрались — оглянуть
Всю муку бытія, нелѣпо-жалкій путь
Къ нелѣпо-дикому концу — и жмутся молча,
И только взоръ коритъ и требуетъ: За что? —
И то молчанье снесть лишь Богъ великій въ силахъ!...

И все мертво кругомъ, и только на стропилахъ
Живой паукъ: онъ былъ, когда свершалось то,—
Спроси, и проплывутъ передъ тобой картины:
Набитый пухомъ ихъ распоротой перины
Распоротый животъ — и гвоздь въ ноздрѣ живой;

Съ пробитымъ теменемъ повѣшенные люди;
Зарѣзанная мать и съ ней, къ остылой груди
Прильнувшій губками, ребенокъ; — и другой,
Другой, разорванный съ послѣднимъ крикомъ „мама!“ —
И вотъ онъ — онъ глядитъ, недвижно, молча, прямо
Въ Мои глаза и ждетъ отчета отъ меня...
И въ мукѣ скорчишься отъ повѣсти научьей,
Пронзитъ она твой мозгъ, и въ душу, леденя,
Войдетъ навѣки Смерть... И, сытый пыткой жгучей,
Задушишь рвущійся изъ горла дикій вой
И выйдешь — и земля все та же, не другая,
И солнце, какъ всегда, хохочетъ, изрыгая
Свое ненужное сіянье надъ землей...

И загляни ты въ погребъ ледяной
Гдѣ весь табунъ, во тьмѣ сырого свода,
Позорилъ женъ изъ твоего народа —
По семеро, по семеро съ одной.
Надъ дочерью свершалось семь насилій,
И рядомъ мать хрипѣла подъ скотомъ:
Безчестили предъ тѣмъ, какъ ихъ убили,
И въ самый мигъ убійства... и потомъ.
И посмотри туда: за тою бочкой,
И здѣсь, и тамъ зарывшися въ сору,
Смотрѣлъ отецъ на то, что было съ дочкой,
И сынъ на мать, и братья на сестру,
И видѣли, выглядывая въ щели,
Какъ корчились тѣла невѣстъ и женъ,
И спорили враги, дѣлясь, о тѣлѣ,

Какъ дѣлятъ хлѣбъ,—и крикнуть не посмѣли,
И не сошли съ ума, не посѣдѣли
И глазъ себѣ не выкололи вонъ
И за себя молили Адоная!
И если вновь отъ пытокъ и стыда
Изъ этихъ жертвъ опомнится иная—
Ужъ передъ ней вся жизнь ея земная
Осквернена глубоко навсегда;
Но выползутъ мужья ихъ понемногу—
И въ храмъ пойдутъ вознесть хваленья Богу
И, если есть межъ ними *коганимъ*,
Иной изъ нихъ пойдетъ спросить раввина:
Достойно ли его святого чина,
Что съ нимъ жила *такая* — слышишь? съ нимъ
И все пойдетъ, какъ было...

И оттуда
Введу тебя въ жилья свиней и псовъ:
Тамъ прятались сыны твоихъ отцовъ,
Потомки тѣхъ, чей прадѣдъ былъ Іегуда,
Левъ Маккавей,—средь мерзости свиной,
Въ грязи клоакъ съ отбросами сидѣли,
Гнѣздились въ каждой ямѣ, въ каждой щели—
По семеро, по семеро въ одной...
Такъ честь Мою прославили превыше
Святыхъ Небесъ народамъ и толпамъ:
Разсыпались, бѣжали, словно мыши,
Попрятались, подобные клопамъ,
И околѣли псами...

Сынъ Адама,
Не плачь, не плачь, не крой руками вѣкъ
Заскрежещи зубами, человѣкъ,
И сгинь отъ срама!

Но ты пойдешь и дальше. Загляни
Въ ямской сарай за городомъ у сада—
Войди туда. Ты въ капище рѣзни.
Въ угрюмой тьмѣ коробится громада
Возовъ, колесъ, оглоблей тамъ и тутъ—
И кажется зловѣщимъ стадомъ чудъ:
То словно спятъ вампиры-великаны,
До устали пресыщены и пьяны
Отъ оргій крови. Ссохся и приросъ
Мозгъ отвердѣлый къ спицамъ тѣхъ колесъ,
Протянутыхъ, какъ пальцы, что, напружась,
Хотятъ душить. Кровавое, въ дыму,
Заходитъ солнце. Вслушайся во тьму
И въ дрожь бездонной тайны: ужасъ, ужасъ
И ужасъ безконечно и навѣкъ...
Онъ здѣсь разлитъ, прилипъ къ стѣнамъ досчатымъ,
Онъ плаваетъ въ безмолвіи чреватомъ—
И чудится во мглѣ изъ подъ телѣгъ
Дрожь судорогъ, обрубки тѣлъ живые,
Что корчатся въ безмолвной агоніи,—
И въ воздухѣ виситъ послѣдній стонъ—
Безсильный голосъ муки предконечной —
Вокругъ тебя застылъ и рѣетъ онъ,
И смутной скорбью—скорбью вѣковѣчной

Кругомъ дрожитъ и бродитъ тишина...
Здѣсь Нѣкто есть. Здѣсь рыщетъ Нѣкто черный —
Томится здѣсь, но не уйдетъ, упорный;
Усталъ отъ горя, мощь истощена,
И ищетъ онъ покоя—нѣтъ покою;
И хочетъ онъ рыдать – не стало чѣмъ,
И хочетъ взвыть онъ бѣшено—и нѣмъ,
Захлебываясь жгучею тоскою;
И, осѣня крылами домъ рѣзни,
Свое чело подъ крылья тихо прячетъ,
Скрываетъ скорбь очей своихъ, и плачетъ
Безъ языка . . . . . .
. . . . . .
. . . . . И дверь, войдя, замкни,
И стань во тьмѣ, и съ горемъ тихо слейся,
Уйди въ него, и досыта напейся
И на всю жизнь имъ душу наводни,
Чтобъ, дальше—въ дни, когда въ душѣ уныло
И гаснетъ мощь,— чтобъ это горе было
Твоей послѣдней помощью въ тѣ дни,
Источникомъ живительнаго яда,—
Чтобъ за тобою злымъ кошмаромъ ада
Оно ползло, ползло, вселяя дрожь;
И понесешь въ края земного шара,
И будешь ты для этого кошмара
Искать именъ, и словъ, и не найдешь...

Иди на кладбище. Тайкомъ туда пройди ты,
Никѣмъ не встрѣченный, одинъ съ твоей тоской;

Пройди по всѣмъ бугра́мъ, гдѣ клочья тѣлъ зарыты,
И стань, и воцарю молчанье надъ тобой.
И сердце будетъ ныть отъ срама и страданій —
Но слезъ тебѣ не дамъ. И будетъ зрѣть въ гортани
Звѣриный ревъ быка влекомаго къ костру,—
Но я твой стонъ въ груди твоей запру...
Такъ вотъ они лежатъ, заклапныя ягнята.
Чѣмъ Я воздамъ за васъ, и что Моя расплата?
Я самъ, какъ вы, бѣднякъ, давно, съ далекихъ дней—
Я бѣденъ былъ при васъ, безъ васъ еще бѣднѣй;
За воздаяніемъ придутъ въ Мое жилище—
И распахну Я дверь: смотрите, Богъ вашъ—нищій
Сыны мои, сыны! Чьи скажутъ намъ уста,
За что, за что, за что надъ вами смерть нависла,
Зачѣмъ, во имя чье вы пали? Смерть безъ смысла,
Какъ жизнь—какъ ваша жизнь безъ смысла прожита...
Гдѣ жъ Мудрость вышняя, божественнпый Мой Разумъ?
Зарылся въ облакахъ отъ горя и стыда...
Я тоже по ночамъ невидимо сюда
Схожу, и вижу ихъ Моимъ всезрящимъ глазомъ,
Но—бытіемъ Моимъ клянусь тебѣ Я самъ—
Безъ слезъ. Огромна скорбь, но и огроменъ срамъ,
И что огромнѣе—отвѣть, сынъ человѣчій!
Иль лучше промолчи... Молчи безъ словъ и рѣчи
Имъ о стыдѣ Моемъ свидѣтелемъ ты будь
И, возвратясь домой въ твое родное племя,
Снеси къ нимъ Мой позоръ и имъ обрушь ты на темя,
И боль Мою возьми и влей имъ ядомъ въ грудь

И, уходя, еще на нѣсколько мгновеній
Помедли: вкругъ тебя коверъ травы весенней,
Росистый, искрится въ сіяньи и теплѣ.
Сорви ты горсть, и брось назадъ надъ головою,
И молви: Мой народъ сталъ мертвою травою,
И нѣтъ ему надежды на землѣ.

И вновь пойди къ спасеннымъ отъ убоя—
Въ дома, гдѣ молится постящійся народъ.
Услышишь хоръ рыданій, стона, воя,
И весь замрешь, и дрожь тебя возьметъ:
Такъ, какъ они, рыдаетъ только племя,
Погибшее на вѣки —навсегда...
Ужъ не взойдетъ у нихъ святое сѣмя
Возстанія, и мщенія, и стыда,
И даже злого, страстнаго проклятья
Не вырвется у нихъ отъ боли ранъ...
О, лгутъ они, твои родные братья,
Ложь —ихъ мольба, и слезы ихъ—обманъ.
Вы бьете въ грудь, и плачете, и громко
И жалобно кричите Мнѣ: грѣшны...
Да развѣ есть у праха, у обломка,
У мусора, у падали вины?
Мнѣ срамъ за нихъ, и мерзки эти слезы!
Да крикни имъ, чтобъ грянули угрозы
Противъ Меня, и неба, и земли,—
Чтобы, въ отвѣтъ за муки поколѣній,
Проклятія взвилися къ горней сѣни
И бурею престолъ Мой потрясли!

Я для того замкнулъ въ твоей гортани,
О человѣкъ, стенаніе твое;
Не оскверни, какъ тѣ, водой рыданій
Святую боль святыхъ твоихъ страданій,
Но сбереги нетронутой ее.
Лелѣй ее, храни дороже клада
И замокъ ей построй въ твоей груди,
Построй оплотъ изъ ненависти ада—
И не давай ей пищи, кромѣ яда
Твоихъ обидъ и ранъ Твоихъ, и жди,
И вырастетъ взлелѣянное сѣмя,
И жгучій дастъ и полный яду плодъ—
И въ грозный день, когда свершится время,
Сорви его—и брось его въ народъ!

Уйди. Ты вечеромъ вернись въ ихъ синагогу:
День скорби кончился—и клонитъ понемногу
Дремота. Молятся губами кое-какъ,
Безъ сердца, вялые, усталые отъ плача:
Такъ курится фитиль, когда елей изсякъ,
Такъ тащится безъ ногъ заѣзженная кляча...
Отслужено, конецъ. Но скамьи прихожанъ
Не опустѣли: ждутъ. А, проповѣдь съ амвона!
Ползетъ она, скрипитъ, безцвѣтно, монотонно,
И мажетъ притчами по гною свѣжихъ ранъ,
И не слышится въ ней Божіяго слова,
И въ душахъ не родитъ ни проблеска живого.
И паства слушаетъ, зѣвая старъ и младъ,
Качая головой подъ рокотъ словъ унылыхъ;

Печать конца на лбу, въ пустынномъ сердцѣ чадъ,
Сокъ вытекъ, духъ увялъ, и Божій взоръ забылъ ихъ...

Нѣтъ, ты ихъ не жалѣй. Ожгла ихъ больно плеть —
Но съ болью свыклися, и сжилися съ позоромъ,
Чрезчуръ несчастные, чтобъ ихъ громить укоромъ,
Чрезчуръ погибшіе, чтобъ ихъ еще жалѣть.
Оставь ихъ, пусть идутъ—стемнѣло, небо въ звѣздахъ.
Идутъ, понуры, спать—спать въ оскверненныхъ гнѣздахъ,
Какъ воры, крадутся, и станъ опять согбенъ,
И пустота въ душѣ бездоннѣе, чѣмъ прежде;
И лягутъ на тряпье, на сброшенной одеждѣ,
Со ржавчиной въ костяхъ, и въ сердцѣ гниль и тлѣнъ...

А завтра выйди къ нимъ: осколки человѣка
Разбили лагери у входа къ богачамъ,
И, какъ разносчикъ свой выкрикиваетъ хламъ,
Такъ голосятъ они: „Смотрите, я—калѣка!
Мнѣ разрубили лобъ! Мнѣ руку до кости!“
И жадно ихъ глаза—глаза рабовъ побитыхъ—
Устремлены туда, на руки этихъ сытыхъ,
И молятъ: „Мать мою убили—заплати!“

Эй, голь, на кладбище! Отройте тамъ обломки
Святыхъ родныхъ костей, набейте вплоть котомки
И потащите ихъ на міровой базаръ
И ярко, на виду, разставьте свой товаръ:
Гнусавя нараспѣвъ мольбу о благостынѣ,
Молитесь, нищіе, на вѣтеръ всѣхъ сторонъ

О милости царей, о жалости племенъ—
И гнійте, какъ поднесь, и клянчьте, какъ понынѣ!...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Что въ нихъ тебѣ? Оставь ихъ, человѣче,
Встань и бѣги въ степную ширь, далече:
Тамъ, накопецъ, рыданьямъ путь открой,
И бейся тамъ о камни головой,
И рви себя, горя безсильнымъ гнѣвомъ,
За волосы, и плачь, и звѣремъ вой—
И вьюга скроетъ вопль безумный твой
Своимъ насмѣшливымъ напѣвомъ...

I

Всю ночь оно пылало, воздымая
ввысь надъ горою храма языки
огня. Съ высотъ опаленнаго неба
брызгали звѣзды ливнемъ искрометнымъ
на̀ земь. Или Господь Свой тронъ небесный
и Свой вѣнецъ въ дребезги раздробилъ?

Обрывки красныхъ тучъ, перегруженныхъ
кровью съ огнемъ, скиталися въ просторахъ
ночи, неся по далекимъ горамъ
скорбную вѣсть о гнѣвѣ Бога мщеній
и о Его ярости возглашая
скаламъ пустынь. Не Свою ли порфиру
разодралъ Адонай, и по вѣтрамъ
клочья развѣялъ?

И великій ужасъ
былъ на дальнихъ горахъ, и дрожь объяла
хмурыя скалы пустынь: Богъ отмщеній
Іегова, Богъ отмщеній возсіялъ!
И вотъ Онъ, Богъ отмщеній, въ дивной славѣ
Своей, покойный, грозный, возсѣдитъ
на пылающемъ тронѣ, въ сердцѣ моря

пламени, облаченъ въ пурпуръ огня,
и угли раскаленные — подножье
стопамъ Его. Кругомъ въ безумной скачкѣ,
въ бѣшенной пляскѣ вьются языки.
Надъ головой Его шипитъ пожаръ
и со свистомъ засасываетъ, жадный,
пространства міра. Спокоенъ и грозенъ
сидитъ Онъ, мышцы Его скрещены,
и отъ взоровъ очей ширится пламя,
и выше воздымаются костры
отъ манія рѣсницы.

Пойте Богу
пѣснь пламени, о буйный хороводъ
огневого радѣнія!

II

Когда
засверкала заря на горныхъ высяхъ
и по долинамъ легъ бѣлесый паръ,
тогда смирилося море пыланій,
и земля поглотила языки
отъ обожженной Божіей святыни
на горѣ храма.

И ангелы свиты,
согласно чину священнаго хора,
собрались на заутреннюю пѣснь

и распахнули очна небосвода
и показали головы наружу
надъ горой храма: отперты ли входы
святыни, и клубится ли надъ нею
дымъ куреній?

И видятъ: Саваоѳъ,
Ветхій деньми, надъ грудами развалинъ
возсѣдающій въ сумеркахъ зари,
въ черный дымъ облаченъ, и прахъ и пепелъ
Его подножье. Голова поникла
на скрещенныя мышцы, и надъ нею
скорбь нависла горою. Молчаливъ
и угрюмъ, озираетъ Онъ обломки
разгрома; гнѣвъ и ужасъ всѣхъ вѣковъ
и міровъ омрачилъ Его рѣсницы,
и во взорѣ великое застыло
безмолвіе.

Гора еще дымится.
Кучи пепла и тлѣющей золы,
дымныя головни, скирды багровыхъ
углей, нагроможденные, сверкаютъ
словно розсыпи камней самоцвѣтныхъ
въ молчаніи зари,

Но Аріэль,
Огненный Левъ, издревле возлежавшій
днемъ и ночью на жертвенникѣ Бога,—

Аріэля не стало. Только прядь
его гривы, послѣдняя сиротка,
мерцаетъ, и дрожитъ, и умираетъ
на обгорѣлыхъ обломкахъ, въ молчаньи
зари

И поняли ангелы свиты,
что сдѣлалъ имъ Господь. И содрогнулись,
и съ ними всѣ предутреннія звѣзды
затрепетали; и ангелы лица
окутали крылами, чтобы не видѣть
скорби Господней.

И гимны зарѣ
смѣнилися безмолвной пѣснью горя,
беззвучно-внятной жалобой. И молча
отвернулись и плакали они,
каждый ангелъ одинъ съ своей душою,
и весь міръ съ ними плакалъ въ тишинѣ,

И нѣкій вздохъ, беззвучный, но глубокій,
со дна земли поднялся и разнесся
и разбился въ безмолвіи рыданья.
То разбилось, разбилось сердце міра,
и не въ мочь стало Господу крѣпиться,
и очнулся Господь, и львинымъ ревомъ
возревѣлъ, и всплеснулъ руками въ боли—
и поднялась Шехина съ пепелища,
и сокрылась въ загадочности Тайнъ...

III

А надъ горою храма, въ вышинѣ,
стыдливая, печальная, блистала
Серна Зари, съ лазурнаго шатра
озирая развалины, и тихо
рѣсницы, серебристыя рѣсницы
трепетали.

И юный ангелъ Божій,
свѣтлокрылый, съ печальными глазами,
обитавшій въ лучахъ Серны Зари
на стражѣ Затаенныхъ Слезъ-жемчужинъ
въ чашѣ Безмолвной Скорби,—увидалъ
ту прядь огня изъ гривы Аріэля,
что мерцала, дрожала, умирала
средь обожженныхъ каменныхъ обломковъ
на горѣ храма.

И дрогнуло сердце
ангела, жалостно и больно стало
его душѣ, да не умретъ послѣдній
уголекъ Божества—и на землѣ
не останется пламени святого,
и дивный свѣточъ Божьяго народа
и Божіяго дома догоритъ
навсегда.

И понесся, покидая
Серну Зари, съ кадильницей въ рукѣ,
и опустился на горѣ развалинъ,

и приступилъ трепетно къ алтарю,
и выгребъ изъ святого пепелища
Божье пламя; и крылья распростеръ,
и умчался. Одна только слезинка,
зашипѣвъ, утонула въ жгучемъ пеплѣ—
и то была единственная капля,
что пролилъ ангелъ дотолѣ изъ чаши
Безмолвной Скорби,—слеза умиленья
и отрады о чудѣ, о спасенномъ
уцѣлѣвшемъ Огнѣ.

И ангелъ несся
межъ легкихъ тучекъ, и пламя святыни
въ его десницѣ. Тѣсно, тѣсно къ сердцу
прижималъ онъ добычу и устами
ея касался. Радостно мигала
ему Серна Зари, и сердце билось
родникомъ утѣшенья и надежды.

И унесъ онъ ее на голый островъ,
и опустилъ на клыкъ крутой скалы;
и поднялъ къ небу печальныя очи,
и шепнули уста беззвучно:

—Боже
милосердый, спасающій, вели,
да не угаснетъ послѣднее пламя
Твое вовѣки!

И призрѣлъ на душу
свѣтлокрылаго ангела Господь,
и далъ пламени жизнь; и поручилъ
его Сернѣ Зари, и повелѣлъ:
— Бодрствуй, о дочь моя, надъ этой искрой,
да не погаснетъ, ибо какъ зеница
ока тебѣ она; стой и блюди,
что съ нею будетъ.

И стала въ лазури
Серна Зари надъ Божьимъ огонькомъ,
и съ любовью безмолвной и далекой
и стыдливою нѣгою мигала
ему съ высотъ, и встрѣчала поутру
сіяющимъ привѣтомъ, и тянулась
къ нему лучемъ утѣшенья и ласки.

А юный ангелъ съ грустными глазами
отлетѣлъ и вернулся вновь на мѣсто
свое, на стражу Затаенныхъ Слезъ
въ чашѣ Безмолвной Скорби; только глубже
и печальнѣй глаза его, чѣмъ были,
и на устахъ и на сердцѣ ожоги,
которымъ не зажить; ибо коснулся
до сердца и до устъ огонь святыни,
и нѣтъ имъ исцѣленья.

IV

Въ это время
захватилъ покоритель и увезъ
на корабляхъ въ далекій плѣнъ по двѣсти
отъ юношей и дѣвушекъ Сіона.
Чистыя дѣти чистыхъ матерей,
молодыя газели съ горъ Іуды,—
еще росами юности ихъ кудри
окроплены, блескъ небесъ Сіона
въ очахъ. Отецъ ихъ—Олень Израйль,
и мать—вольная Серна Галилеи.

И мало то казалося врагу,
что поругалъ и осквернилъ навѣки
свѣжую пѣснь ихъ жизни; но задумалъ
истомить ихъ тоской, и долгой смертью
отъ голода и жажды. Обнажилъ
и высадилъ на тотъ пустынный островъ—
юношей здѣсь, на одномъ берегу,
дѣвушекъ тамъ, на берегу противномъ
и покинулъ.

И думалъ нечестивый:
„Разрозню ихъ—и муку ихъ удвою.
Да блуждаютъ на островѣ пустыномъ,
братья сестрамъ чужіе, и не встрѣтятъ,
и не увидятъ вовѣки другъ друга,
и высохнетъ душа, завянетъ сердце

и свѣтъ очей потухнетъ. И когда
лишь одинъ шагъ останется межъ ними
и протянутся руки ихъ навстрѣчу
рукамъ, — то вдругъ исказятся ихъ лица
и подкосятся колѣни, и рухнутъ,
и умрутъ смертью судорогъ и муки
на желѣзной землѣ, подъ мѣднымъ небомъ,
безъ утѣхи и радости".

Три дня
по острову пустынному блуждали
юноши безъ питанья и воды,
безъ словъ и стона. Вонжены ихъ очи
въ жаркій песокъ, и голова поникла
подъ раскаленнымъ солнцемъ. Острія
пылающихъ утесовъ осыпаютъ
ихъ стрѣлами огня, и скорпіоны
въ разсѣлинахъ, колючіе, смѣются
ихъ тяжкой скорби.

Ибо проклялъ Богъ
отвѣка этотъ островъ, плѣшью проклялъ
и чахлостью: терновникъ и гранитъ,
ни травинки нигдѣ, ни пяди тѣни,
шорохъ жизни застылъ, знойная тишь,
опаленная пустошь. Утомились
наготою глаза ихъ, замирало
сердце въ груди, истаяла душа.
Ихъ дыханье — какъ огненныя нити,

и мнится, будто самый звукъ шаговъ
умираетъ безъ отклика, — и тѣнь,
упадая, сгораетъ. И уснулъ,
и смолкъ источникъ жизни, въ темный уголъ
забилася душа, и нѣтъ отрады,
опустилась рука, закрылись очи,
и бредутъ — и не знаютъ, что бредутъ.

Но внезапно — когда уже померкло
и онѣмѣло все въ нихъ — изъ унылой
тишины зазвучала чья то поступь,
увѣренная, мѣрная, какъ эхо
твердаго сердца; и никто не вѣдалъ,
чей и откуда шагъ; ибо со дна
своихъ сердецъ услышали тотъ звукъ
и въ ихъ средѣ звучалъ онъ. И познали,
что былъ нѣкто Загадочный межъ нихъ,
и сердцѣ всѣхъ — въ его великомъ сердцѣ.
И влеклися за поступью чудесной,
попрежнему съ закрытыми глазами,
уцѣпившись душою за стопы
Незримаго.

И было, если кто
пріоткрывалъ съ усиліемъ рѣсницы,
отличали глаза его невольно
двухъ юношей, ростомъ и мощью равныхъ,
головой выше спутниковъ; и оба
загадочны, и широко раскрыты

очи у нихъ обоихъ; но одинъ
кротокъ и свѣтлоокъ, и смотритъ въ небо,
словно тамъ ищетъ звѣзду своей жизни, —
другой мраченъ и грозенъ, его брови
насуплены, глаза устремлены
къ землѣ, словно пытаетъ у нея
о великой утратѣ. И не можно
отгадать, кто Загадочный водитель
межъ этими двумя.

V

На третью ночь —
ночь, полную лазури и созвѣздій, —
они пришли къ рѣкѣ, широкой, черной,
какъ смола, воскликнули: вода!
И налетѣли хищно, и глотали,
и легли отдыхать на берегу.

И закричали двое: — Мы нашли
лебеду! — И накинулися жадно
всѣ на ту лебеду, и жадно ѣли,
и снова полегли на берегу.

И невѣдомо было имъ, что пили
изъ рѣки Аваддонъ, чье имя Гибель,
и вкусили отъ корня сатаны.
Лишь одинъ свѣтлоокій не коснулся
ни до чего. Опершись одиноко

о прибрежный утесъ, онъ сталъ поодаль,
и глаза его рыли бездну ночи,
и напряженное ухо внимало
пѣснѣ души.

Тогда поднялся вдругъ
тотъ Грозный, мрачный, съ гнѣвными бровями,
и приблизился къ нимъ, и вопросилъ:

— Братья, не позабыта ль вами пѣснь
о Ненависти, пѣснь Уничтоженья?

И промолчали юноши, ни слова
не сказали въ отвѣтъ, ибо стыдились —
ибо вовѣкъ не знавали той пѣсни.
Только одинъ, золотисто-кудрявый,
еще дитя, выпятилъ важно грудь
и вскричалъ, лицемѣря:

— Развѣ могъ
юный левъ позабыть свое рыканье,
развѣ...

Стрѣла сверкнула изъ очей
Грознаго и спалила на устахъ
ребячью ложь. И въ мрачномъ гнѣвѣ молвилъ
Загадочный:

—Сталъ юный левъ шакаломъ,
псомъ пустыни...

И потупился отрокъ,
зардѣлся и уставился глазами
въ большой палецъ ноги, вертя въ рукахъ
осколокъ голыша. Добрая ночь
его сокрыла, и никто не видѣлъ
его стыда.

А Загадочный сѣлъ
на берегу, и въ черныхъ глубинахъ
его жгучіе взоры утонули
и заблудились. Юноши, притихнувъ,
затаили дыханье, ибо ужасъ
палъ великій на нихъ, и сердце ныло
отъ невнятнаго трепета. И слухомъ
прильнули къ тишинѣ: палимый жаждой,
такъ приникаетъ скиталецъ въ пустынѣ
ухомъ къ нѣмой скалѣ—и будто внемлетъ
изъ гранита запечатлѣнный лепетъ
подземнаго ключа...

И зазвучала
въ этотъ мигъ пѣснь Загадочнаго, тихо,
словно прозрачный голосъ самого
безмолвія. Своей душѣ онъ пѣлъ,
про себя, еле внятно; и безстрастна,
таинственна, темна, какъ сама ночь,
доносилася пѣснь, и леденѣло
отъ спокойнаго холода ея
въ груди; и не понять было, откуда —

изъ темной ли норы въ его душѣ
тихо выползла пѣснь черной ехидной
и потянулась къ водѣ,—или онъ
ее глазами выманилъ изъ бездны
рѣчной, и пѣснь тихо ползла оттуда
къ его душѣ...

И такъ пѣлъ человѣкъ:

„Черныя, дремлютъ бездны рѣки Аваддона,
Загадку смерти гадая...
Вопли міровъ сокрыты во тьмѣ ея лона
И великая боль міровая...

Гдѣ же Заря Искупленья? —Она, какъ блудница
Играетъ и съ нами, и съ Богомъ—
Въ тимпаны, веселая, бьетъ и въ пляскѣ рѣзвится
Гдѣ то по горнымъ отрогамъ..."—

Тихо слушали юноши. Глаза ихъ
приковала рѣка. Глубь Аваддона
имъ ужасное нѣкое шептала,
и золотистыя звѣзды дразнили
изъ черноты пучины. А кудрявый
застыдившійся отрокъ поднялъ гальку
на берегу разсѣянной рукою
и швырнулъ въ воду—и нутро рѣки
шарахнулось, забѣгали морщины
по искаженной поверхности, звѣзды

удлинились въ змѣйки золотыя
и зигзагами трепетно и рѣзво
разсыпались вездѣ... И колыхнулось,
какъ рѣка, сердце юношей, и дрожь
по членамъ проскользнула—и не знали
отчего. Чернымъ пламенемъ сверкнули
очи Грознаго—пламя Сатаны—
и голосъ сталъ другимъ, и вдругъ окрѣпъ,
разрастаясь и трепетный, и гнѣвный:

„Изъ безднъ Аваддона взнесите пѣснь о Разгромѣ,
Что, какъ духъ вашъ, черна отъ пожара,
И разсыпьтесь въ народахъ, и все въ проклятомъ ихъ домѣ
Отравите удушьемъ угара;

И каждый да сѣетъ по нивамъ ихъ сѣмя распада,
Повсюду, гдѣ ступитъ и станетъ.
Если тѣнью коснетесь чистѣйшій изъ лилій ихъ сада—
Почернѣетъ она и завянетъ;

И если вашъ взоръ упадетъ на мраморъ ихъ статуй—
Треснутъ, разбиты на-двое;
И смѣхъ захватите съ собою, горькій, проклятый,
Чтобъ умерщвлять все живое — — — —“

И тогда Свѣтлоокій, что стоялъ
одиноко поодаль, опираясь
о прибрежный утесъ, и въ темномъ небѣ
слѣдилъ свою звѣзду, — тихо ступилъ

ближе къ юношамъ, глазъ не отрывая
отъ неба, и спросилъ:

— Братья мои,
а знакома ли вамъ пѣснь Утѣшенья,
пѣснь Искупленья и Конца?

Но тѣ
не слыхали, не двинулись и взоровъ
не отвели отъ рѣки, ибо душу
поглотила пѣснь Грознаго. Сидѣли
недвижные, нѣмые, и казались
чернымъ рядомъ надгробныхъ изваяній
на собственномъ кладбищѣ. — Только снова
тотъ самый отрокъ въ золотыхъ кудряхъ
важно выпятилъ грудь и, лицемѣря,
отвѣчалъ:

— Развѣ горная газель
могла забыть свой голосъ . . .

И не кончилъ,
смутясь, ибо покоились на немъ
два ясныхъ глаза; и вложилъ смущенно
кончикъ мизинца въ ротъ, словно ребенокъ,
что солгалъ и попался, и усмѣшка
пристыжено играла въ ямкахъ щекъ.
И улыбнулся ему Свѣтлоокій
улыбкою прощенія; но скорбно
стало его душѣ; и отошелъ

снова къ утесу, и взоромъ унесся
въ небо.

А пѣснь Загадочнаго крѣпла,
наростала, какъ буря, какъ звѣриный
ревъ, увлекая буйными волнами
юношей; и зарычали они,
словно львята, и вмѣстѣ съ мощью клича
въ нихъ наростала ненависть сильнѣе
смерти, пронизывая, опьяняя,
искажая лицо и зажигая
черное пламя въ глазахъ. И качнулась
тогда рѣка сплошной черной громадой
отъ берега до берега въ единомъ
колыханьи, какъ будто бы дитя
въ колыбели, и вмѣстѣ зашатались,
зазмѣились, забѣгали въ пучинѣ
рыбками золотыми искры звѣздъ:

„Ибо то—Пѣснь Гнѣва, что въ ночь Божіей мести
Родилась, воспріята кострами,
Изъ крови отцовъ и дѣтей, и изъ дѣвственной чести,
Растоптанной въ мукахъ и срамѣ...“

Но въ этотъ мигъ вскочилъ кудрявый отрокъ
и показалъ рукой на крутизну
по ту сторону волнъ, и закричалъ:
— Смотрите!..

Юноши подняли взоры,
и упало въ нихъ сердце: тамъ, напротивъ,
съ высоты, что надъ кручею обрыва,
словно ангелы, легкія, касаясь
едва земли, нисходятъ ровнымъ рядомъ
бѣлотѣлыя дѣвы. Стройной нитью,
нога къ ногѣ, идутъ онѣ, и руки
подняты, словно тянутся къ лучамъ
мѣсяца, и, какъ очи одержимыхъ
луннымъ недугомъ, закрыты глаза;
на челѣ ихъ — терновые вѣнцы,
и муки мессіанскія застыли
въ чертахъ лица; въ тѣни рѣсницъ ихъ дремлетъ
изначальная вѣра, и улыбка
на губахъ опочила.

И узнали
ихъ юноши, и замерло въ нихъ сердце:
ибо дѣвы, съ закрытыми глазами,
близились къ темной кручѣ надъ рѣкою,
и чрезъ мгновенье останется шагъ
между ними и пропастью. Вскочили
юноши, закричали, замахали
руками — но, не внемля и не видя,
не открывая глазъ, легкія, ровнымъ
рядомъ, нога къ ногѣ, двигались дѣвы
своимъ путемъ. И вотъ — послѣдній шагъ.
Длинная, ровная нить изъ алмазовъ
мгновенно распахнувшихся очей

на одинъ мигъ сверкнула и погасла —
и вереницею анстовъ бѣлыхъ
понеслись онѣ въ черную пучину.

Съ воплемъ ужаса юноши вскочили
и ринулись съ обрыва. Словно гривы,
стали дыбомъ ихъ кудри на лету—
и ужъ роютъ руками чрево бездны,
и, вынырнувъ, плывутъ наперерѣзъ
пучины. Вотъ ужъ головы покрыла
тяжкая тѣнь крутизны, что на томъ
берегу... Полдороги... И завыла,
вздыбилась, обезумѣла рѣка;
черный, огромный выросъ валъ изъ чрева
бездны, и бросилъ отважныхъ назадъ,
и ринулись опять они на приступъ
его гребня. И мощный валъ застылъ,
притаился, нависъ сплошной стѣною —
и въ нутрѣ его злая назрѣвала
мысль. Юноши боролись и взбирались
выше и выше — вотъ уже они
на гребнѣ вала, ясно изъ-за гребня
слышны дѣвичьи вопли — но раздалась
въ это мгновенье подъ ними громада,
и въ ней разверзся, подобный ущелью
смерти, черный провалъ — и понеслись
юноши въ ту зіяющую глубь
и тамъ, на днѣ, столкнулись головами
о головы подругъ...

Тяжкая тишь,
спокойствіе насыщеннаго звѣря
опустилось надъ пропастью. Замкнулось
надъ смѣлыми ущелье, и по темной
глади рѣки неслышно поползло
что то тяжкое, черное, большое
и поплыло за трупами вдогонку,
словно черная лодка — или гробъ...

А свѣтлоокій юноша стоялъ,
невредимый, у выступа утеса,
одинъ, одинъ; и закрылъ онъ руками
лицо свое, и, рухнувъ, зарыдалъ,
зарыдалъ, зарыдалъ...

VI

Но когда всталъ онъ
и обычно вознесъ очи горѣ,
то увидалъ — тамъ, надъ высями кручи
напротивъ, непорочная, какъ ангелъ
чистоты, бѣлотѣлая, печально-
окая, одинокая, стояла
дѣвушка и смотрѣла прямо въ очи
ему, и надъ ея головкой въ небѣ
сіяла Серна Зари...

И забилось
его сердце. Впервые за всю жизнь
опустилъ онъ глаза — и погрузился

въ черную воду взоръ, и тамъ почилъ
на отраженьи дѣвушки въ пучинѣ
съ предразсвѣтной звѣздою надъ челомъ:
то впервые за всю страшную ночь
онъ заглянулъ въ пропасти Аваддона.
И вдругъ снова поникъ онъ на колѣни
предъ отраженнымъ образомъ, прикованъ
глазами къ безднѣ чрезъ муку любви,
и его губы, томясь и тоскуя,
шепнули:

Ты ль это, сѐстра?..

И смолкъ
и не продолжилъ, ибо одолѣло
бушеваніе сердца, и душа
задыхалась своею полнотою...
Но овладѣлъ собою черезъ мигъ, и
открылъ глаза широко — и они
стали глубже, и греза въ нихъ бродила,
и, больная, ужалена любовью,
кровоточа, въ глубинѣ трепетала
душа; и вновь закрылся взоръ отъ боли
великаго безхитростнаго сердца,
и страннымъ звукомъ, робкимъ и печальнымъ,
словно ропотъ таинственно-незримый
родника подъ травою на закатѣ,
хлынула изъ груди его молитва.

ИСПОВѢДЬ

„Ты ли это, единственная, ты ли,
огонекъ моего пути, святая
души моей отъ перваго дыханья
понынѣ, ты ли съ вершины холмовъ
на безжизненномъ островѣ предстала
мнѣ подъ крылами Зари, подъ вѣнцомъ
ея звѣзды?

„Изъ глубины моей
жизни къ тебѣ миріадами воплей
о помощи давно, вѣчно взывала
моя душа, и неслась отъ тебя
и къ тебѣ тысячами потаенныхъ
и извилистыхъ тропокъ. На зарѣ
дѣтской поры увидалъ я впервые
твое сіянье, и въ тайнѣ почей
и зорь мнѣ полюбился твой сокрытый
блескъ. Между горъ Самарійскихъ, средь
гроздій виноградныхъ садовъ, — тамъ родила
меня мать моя, тамъ подъ переплетомъ
лозъ и пальмъ колыбель моя качалась,
и пѣсней няни былъ для меня голосъ
божьей пташки. Высоко колосились
золотыя поля, благословляя
мое дѣтство, лѣса прохладныхъ кедровъ
и кипарисовъ вводили меня
подъ сѣнь тайны своей, и полюбилъ я

бога земли, бога долинъ и горъ,
а Бога неба страшился. Но часто
предъ зарей, предъ зарей, едва съ вершины
горъ въ міровой тишинѣ раздавался
первый рогъ пастуха, и страхъ святой,
непонятный и сладостный, окутывалъ
меня, я пробирался, крадучись,
къ выходу шалаша, и подымался
на холодный пригорокъ; мои ноги
купались въ росѣ утра, и глаза
уносились къ лазоревому небу,
и созерцали тамъ дивную славу
твою въ лучѣ предутренней звѣзды,
и въ ея мягкомъ сіяньи твою
божественность; и съ высоты лазурной
въ молчаливой любви ты мнѣ мерцала,
и мое сердце трепетало съ трепетомъ
твоихъ рѣсницъ, и я тогда любилъ
даже небо и все, что въ небѣ скрыто, —
ради тебя..."

И дальше говорилъ,
затопленный любовью:

„ И остался
я сиръ и одинокъ. Отецъ погибъ
смертью зилота въ битвѣ — и его
кости покрыты безславіемъ; мать
осквернилась душою за пригоршню

ячменя на чужбинѣ; и остался
я одинъ, и скитался, безпріютный,
цѣлые дни по горамъ, и въ ночи
засыпалъ, обнимая твердый камень.
И лисицы кругомъ меня шныряли
во мракѣ, и сова меня пугала,
плача гдѣ то въ развалинахъ; и былъ я
одинокій, мечтательный ребенокъ,
съ однимъ богатствомъ — съ душою, пугливой
какъ пташка, и съ глазами, что смотрѣли
и дивились. И мнѣ являлась ты,
задумчивая, свѣтлая, въ туманѣ
ночи, на голой скалѣ моего
ночлега, передъ каменнымъ моимъ
изголовьемъ, — а утромъ сторожила
меня съ нагорныхъ высотъ, и давила
добрымъ лучемъ, и съ матерински-нѣжной
грустью ласкался ко мнѣ золотой
взоръ твой. И обучила мое сердце
тайному горю, и безмолвной боли,
и страданьямъ любви. Я ждалъ тебя
дни на пролетъ, словно стражъ на дозорномъ
холмѣ, и по ночамъ къ тебѣ тянулся,
какъ отлученный отъ груди ребенокъ
къ матери...

„Такъ, заброшеннымъ въ горахъ,
меня нашелъ однажды странный старецъ
изъ Іудеи, сѣдой и косматый,

въ плащѣ, мрачный и гнѣвный, — назорей
и подвижникъ предъ Богомъ; величавъ
и грозенъ былъ онъ, какъ тяжкая туча,
или снѣжныя горы предъ разсвѣтомъ
утра. И, сжалясь, пріютилъ ребенка
подъ таинственной кровлей своего
шатра, и заслонилъ отъ міра тѣнью
своей дрожащей бѣлой бороды.
И обучилъ меня своимъ дорогамъ,
и своему Богу поработилъ,
далъ душу безъ желаній, и глаза,
устремленные въ высь. И оборвалъ онъ
лепестки моей юности, одинъ
за другимъ, и принесъ своему Богу
въ жертву, и лучшія грезы мои
посвятилъ небесамъ; и дни мои,
подобно днямъ его, стали постами,
ночи мои молитвами, какъ ночи
старика. Былъ онъ страшенъ мнѣ, какъ осень
страшна цвѣтку. Исхудало лицо,
и чело мое съ каждымъ днемъ блѣднѣло —
только кудри все гуще, все пышнѣе
вились, да въ сердце дико разрослась
свѣжая чаща грезъ; и я, малютка,
терялся въ ея сумракѣ, подобный
загнанной юной лани. И, бывало,
тотъ дикій лѣсъ въ моемъ сердце внезапно
претворялся въ волшебный садъ цвѣтовъ,
сладкихъ плодовъ, солнечнаго сіянья, —

и ты, Божія дочь, заткана свѣтомъ
и блескомъ, тихо шла межъ благовонныхъ
грядъ, улыбаясь улыбкой, дарующей
жизнь, и, какъ будто влюбленная горлинка,
трепеталъ я, воркуя, на твоемъ
бѣломъ плечѣ...

„Я былъ тогда нетронутъ
и стыдливъ, и душа была чиста,
словно капля росы въ горлышкѣ лиліи,
сердце ясно, какъ влага Силоама
въ хрустальной чашѣ. Ни разу дотолѣ
пыль женщины не пала на мои
одежды, и невѣдомъ для меня
былъ ея ароматъ; но въ моемъ сердцѣ
журчала жизнь тысячью родниковъ,
и молилась душа моя о шумѣ
любви, о дивномъ рокотѣ любви.
И расцвѣталъ изъ грезъ моихъ твой образъ,
и вставалъ предо мною сочетаньемъ
дочери Бога съ женщиной, и самъ
я не вѣдалъ, когда и какъ соткалось
оно въ моей душѣ. И мнѣ казалось
иногда, что внѣдрилъ тебя Господь
искони и отвѣка въ моемъ сердцѣ,
и въ оны дни, на одной изъ далекихъ
звѣздъ, или въ грезѣ древности, прошелъ я
мимо тебя, и ты меня окликнула
по имени. Твой ароматъ я чуялъ

и въ загадкахъ моей далекой дѣтской
поры, и эхо твое доносилось
изъ нѣмыхъ ея сновъ. Днемъ мои взоры
подымался къ небу, но рука,
словно слѣпая, ощупью искала
тѣни твоей вокругъ; и сквозь тревожный
сонъ по ночамъ недоставало мнѣ
на бѣдномъ ложѣ тебя. И, бывало,
ночью вставалъ старикъ будить зарю
и молился въ окно, лицомъ къ востоку,
и пѣлъ, вторя предутреннимъ звѣздамъ,
пѣснь Богу жизни своей, — а въ углу
я на ложѣ сгоралъ, корчился въ мукѣ
затаенныхъ желаній, и душа
испуганно дрожала, какъ молочный
ягненокъ въ пасти холоднаго звѣря, —
и плакалъ, и терзалъ зубами губы,
что въ трепетѣ желанія шептали
грѣховныя мольбы Богу м о е й
жизни. И странно мнѣ врывалась въ душу
старцева пѣснь, словно чистый родникъ
въ мутное море. Гадкимъ и презрѣннымъ
самъ себѣ я казался, и томился,
и во мракѣ души моей шепталъ
обѣты...

„Разъ я вышелъ предъ зарею
освятить себя Господу въ рѣкѣ
съ общиной Братьевъ Разсвѣтной Купели.

Съ горъ полнотою свѣжести святой
вѣялъ навстрѣчу мнѣ вѣтерокъ утра,
и чудилось — во срѣтенье иду я
большой и дивной Тайны. Ткани тѣла
переполнены мощью, сердце ново
и крѣпко — и душа моя, ликуя,
не помнила себя. И вдругъ — звенящій
всплескъ воды пронизалъ меня хрустальной
струей, и былъ онъ уху моему,
какъ рокотъ арфъ. И я взглянулъ и замеръ:
внизъ по рѣкѣ передо мной купалась
дѣвушка. Бѣлизна нѣжнаго тѣла
изъ полутьмы озарила меня
и опьянила... Мигъ — я бъ однимъ
прыжкомъ ринулся къ ней — но предо мною
встала старцева тѣнь. И задушилъ я
свой порывъ, и залегъ въ дуплѣ утеса,
и насыщалъ голодные глаза
бѣлою наготой, и трепетало
мое сердце отъ трепета ея
дѣвственныхъ персей. И возскрежеталъ
я зубами, и поднялъ, угрожая,
свой кулакъ — и не зналъ, противъ кого —
противъ небесъ ли, меня испытующихъ,
или противъ Діавола, что такъ
искушалъ мою душу. И какъ молотъ
обрушился кулакъ мой на скалу,
и брызнули осколки, и нога
растоптала, какъ пыль, гранитный щебень.

„Но опьяненье прошло, и глубокій
ужасъ объялъ меня, великій ужасъ
передъ собою; ибо заглянулъ я
въ черный хаосъ, гдѣ адова качель
между свѣтомъ и тьмой меня швыряла;
и увидалъ свою душу — и вотъ,
она черна и бѣла; и увидѣлъ
сердце свое — и въ немъ нора ехидны
и вмѣстѣ съ ней орлиное гнѣздо . . .
Такъ сидѣлъ я, томясь, на берегу
той рѣки; голова моя поникла
подъ ношей тьмы, взоры глядѣли въ воду,
и, казалось, сижу я на распутьи
между тропой проклятья и тропой
благословенья. И вдругъ увидалъ
кудри свои въ водѣ: онѣ обросли
дико и тяжко, висѣли, бросая
темную тѣнь, подобно покрывалу
изъ черныхъ змѣй — и словно измышляли
противъ души моей козни со дна
потока. И вскочилъ я — и поклялся
принести свои кудри въ жертву небу —
и свершилось и опустилась чаша
вѣсовъ . . .

„И я вступилъ въ Іерусалимъ
и увидѣлъ чертогъ святыни, прелесть
отроковъ и жрецовъ его, толпу,
что по дворамъ его шумно сновала, —

и захватило духъ мой. И остригъ я
свой вѣнецъ назорейскій тамъ надъ кровью
жертвы моей, и бросилъ кольца прядей
въ пасть Огненнаго Льва — и въ тотъ же мигъ
мои кудри взвились въ пламени жертвы
къ небу, и роскошь юности моей
стала пепломъ, угоднымъ благовоніемъ
для Господа . . . Какая то волна,
какъ дымъ костра, какъ ненависть черна,
хлынула изъ души моей сожженной,
и въ глазахъ потемнѣло, и хотѣлось
заревѣть по звѣриному — но въ этотъ
мигъ затопилъ хоръ левитовъ меня
моремъ звуковъ, и грохотъ трубъ и лепетъ
лиръ заглушилъ послѣдній вопль моей
юности; сердце мое потерялось
въ шумѣ тимпановъ, кимваловъ, и палъ я,
обезсиленъ, предъ старшимъ изъ жрецовъ
въ одеждѣ льна, и въ краяхъ его ризы,
межъ бубенцовъ и гранатовыхъ яблокъ,
скрылъ лицо, исповѣдался и плакалъ . . .

„А удаляясь — увидѣлъ я въ грудѣ
пепла, у края жертвенника, прядь
моихъ кудрей, одну, что уцѣлѣла
отъ огня. И похитилъ я у Бога
ту Богу обѣтованную прядь,
утаилъ на груди и убѣжалъ,
и была она долго талисманомъ

и печатью на сердцѣ у меня.
Когда же вновь отросли мои кудри,
я вынулъ эту прядь, поцѣловалъ
и по-вѣтру развѣялъ, возвращая
украденное Небу . . .

„И смотри —
Небо меня обмануло, опутало
жестокой ложью. Молодость мою
и все взяло себѣ, и ничего
не дало мнѣ взамѣнъ. Какъ рабъ покорный,
всѣ дни мои возносилъ я къ Нему
глаза и, словно песъ, молча молилъ
о своей долѣ; но высокомѣрно
отвѣчало безмолвіемъ Оно,
и лживымъ благочестьемъ истомило
юность мою; и остался я вновь
одинъ въ землѣ пустынной, и уходитъ
моя весна, ограбленная Небомъ,
повернулась и хочетъ уходить,
мрачная, гнѣвная, безъ поцѣлуя
и прощанья; я за ней бѣгу,
цѣпляясь, какъ ребенокъ, и цѣлую
ноги ея, и хватаю за край
одѣянья, и трепещу, и плачу:
„Не покидай!“ — И ты мнѣ вдругъ явилась,
сила моя, царица, въ полнотѣ
славы твоей сошла ко мнѣ на землю,
жезль отрады въ десницѣ, и вѣнецъ

освобожденья на челѣ. И я
вижу тебя, и плѣнныя желанья,
словно змѣи въ заваленной норѣ,
наполовину выползли, и тянутся,
дрожащія, голодныя, къ тебѣ,
къ тебѣ, къ тебѣ, и необычнымъ пламенемъ,
пламенемъ бунта горятъ ихъ глаза . . .

„Слушай! Всѣ звѣзды неба, золотыя,
серебрянныя, всѣ тебѣ отдамъ
за горсть любви, за право прикоснуться
къ концу твоего скипетра. Отнынѣ
что̀ небеса мнѣ, кто̀ въ нихъ для меня
отнынѣ живъ, если ты ихъ покинула
ради меня, и сіянье твое
удалилось отъ нихъ? Ибо разрушены
столпы небесъ, Божій чертогъ — руина,
Божій престолъ разбитъ, у вратъ святыни
мусоръ; а я возросъ и возмужалъ,
красота расцвѣла, хребетъ упрямъ
несокрушимою гордостью, нѣдра
полны рыканій льва — и ты со мною!
Повели — я встряхну кудрями, сброшу,
какъ солому, расшатанное небо
надо мной; молви слово — погружу
мою жизнь въ эту пропасть Аваддона,
и мой взоръ, что вонзился въ глубину
навстрѣчу лику твоему, вовѣки
не подымется къ небу, Сжалься. сжалься,

возьми меня, умчи меня, сестра —
я въ рукѣ твоей, буду я печатью
на твоемъ сердцѣ, буду я подножьемъ
твоей стопы; какъ собака, я лягу
у края ризы твоей, сторожа
миги твоихъ рѣсницъ и мановенья
мизинца твоего, — или, какъ левъ,
ринусь я на тебя и унесу
въ пещеру . . .“

Голосъ его зазвучалъ
словно молитва, сдержанно и мягко:

„ . . . Или создамъ иную высоту,
съ новой лазурью и новымъ сіяньемъ,
и солнцемъ будешь ты надъ мірозданьемъ
жизни моей; имя твое сплету
съ пѣснью моей души; какъ раньше Богу,
изъ молитвъ буду вить тебѣ вѣнки,
съ ландышей лучшихъ сорву лепестки
и стопамъ твоимъ выстелю дорогу.
Орелъ огня, буду дивнымъ огнемъ
обвѣвать тебя; въ высь, какой не знали
грезы мои, домчусь, и къ солнцамъ дали
донесу кликъ о счастіи моемъ . . .“

Такъ говорилъ онъ, и въ его глазахъ
свѣтъ и пламя смѣшались и боролись;
и поднялъ онъ въ томленіи души

взоръ отъ лика въ водѣ къ живому лику,
трепеща и пылая — и, взглянувъ,
окаменѣлъ: ея нѣтъ надъ обрывомъ —
только образъ ея, запечатлѣнный,
словно вырѣзанъ въ черной глубинѣ
и оттуда глядитъ, и съ нимъ оттуда
глядитъ звѣзда зари . . .

И поднялъ взоры
вновь на вершину кручи: въ высотѣ
плыла надъ нею маленькая тучка,
свѣтлая, словно крылатая тучка,
и казалось — прозрачная рука
изъ-за тучки простерта, указуя,
къ Сернѣ Зари. То былъ ли нѣкій ангелъ,
или она?

И взоръ его повлекся
къ дивной звѣздѣ разсвѣта, и въ лучахъ
ея вѣнца душа его повисла,
плѣненная какъ сѣтью. Вѣдь она,
Серна Зарь, чистоокая, грустно-
лучистая, сіяла искони
вѣковъ, не угасая, не тускнѣя;
и предъ зарей, предъ зарею, когда
вставали тѣ, кто на землѣ непонятъ,
отщепенцы великіе, сироты
міра, — вставали блуждать межъ тумановъ,
прокладывая первыя тропы

къ горнымъ высямъ, — она вставала съ ними,
одна и непонятна, какъ они,
встрѣчала ихъ, и былъ въ ея мерцаньи
одинъ привѣтъ, одно благословенье:
Будьте чисты! — о души ихъ сливала
со всѣхъ концовъ блужданія въ единой
мечтѣ Зари . . .

Великая тоска
его объяла, высшая любовь,
сильнѣе смерти, затопила сердце
моремъ томленій; и пилъ онъ очами
темную синеву, и пилъ допьяна —
и распрямился юноша, и поднялъ
руки и возопилъ:

— Богъ! Даже племя,
что бунтуетъ во мнѣ, я отдаю
Тебѣ и Небу!

Дивное сіянье
было въ его глазахъ, ибо съ высотъ
Серна Зари о клятвѣ ликовала,
предвѣщая великое; и вѣра
въ нѣкій жребій наполнила его,
и позналъ онъ, что Богъ къ нему возвалъ
огнемъ его души и предназначилъ
свершить нѣчто на островѣ, — но что?

И двинулся вдоль берега впередъ,
навстрѣчу уготованнаго рока,

твердый сердцемъ. Призывъ Огня звучалъ
въ его ушахъ, и передъ нимъ мерцали
полусвѣты Зари. И въ глубинѣ
дѣвичій образъ, и свѣтлая тучка
въ вышинѣ тихо пóплыли предъ нимъ;
и не дивился юноша предъ чудомъ,
ибо лучшее чудо низошло
въ его душу; и шелъ спокойно, молча,
навстрѣчу Сернѣ Зари.

VII

Долго шелъ онъ —
и берегъ подымался выше, выше
и, наконецъ, сравнялся съ крутизной
по ту сторону водъ; и обѣ кручи
постепенно сходились, омрачая
русло рѣки, замкнутое межъ нихъ, —
словно два великана заманили
рѣку въ свои тѣснины, замышляя
тамъ удушить во мракѣ... Но спокойно
юноша восходилъ, и тучка въ небѣ
и отраженный образъ въ глубинѣ
плыли предъ нимъ.

И вдругъ — остановилась
свѣтлая тучка и застыла въ небѣ
надъ вершиной утеса. И вглядѣлся
онъ издали: черный, громадный клыкъ

возвышалися изъ утреннихъ тумановъ,
опираясь о плечи береговъ;
внизу подъ нимъ зіялъ зловѣщей глубью
Аваддонъ — а съ вершины чуть мерцала
словно малая свѣчка.

И почуялъ
издали юноша сердцемъ Огонь
Святыни, и душа затрепетала
въ груди. Такъ вотъ онъ, потаенный свѣточъ
Божій, дрожитъ изъ пустынныхъ тумановъ
и мерцаетъ съ вершины скалъ, и мнится
въ его мерцаньи намекъ Искупленья! . .
Кто возжегъ тебя, свѣточъ на утесѣ,
и кто достоинъ, чистый, прикоснуться
до тебя? Или въ этомъ оный подвигъ,
предначертанный юношѣ?

И радость
могучая, безъ дна и граней радость
ворвалась въ его грудь; благоговѣя,
расширилась душа и ликовала
въ трепетѣ вѣры. Стопы его легки
и широки шаги; призывъ Огня
звучалъ въ его ушахъ, и въ сердцѣ билось
благословенье Зари:

А межъ тѣмъ
искра росла. Ужъ вотъ она, какъ малый
языкъ огня, что пляшетъ въ обожаньи

передъ зарей, сестрой своей; а вотъ
уже какъ прядь отъ Пламени большого —
прядь Аріэля, передъ кѣмъ стоялъ онъ
нѣкогда въ день обѣта. И узналъ
юноша тотъ Огонь, и встрепенулся
орелъ въ гнѣздѣ его сердца и бросилъ
радостный клекотъ въ вышину. Забыла
душа юноши бездну; мигъ — и былъ онъ
на вершинѣ, и ринулся прыжкомъ
на священное Пламя, и широкимъ
взмахомъ поднялъ и взвѣялъ къ небесамъ.
Прекрасенъ онъ стоялъ на высотѣ,
въ коронѣ юности кудрявой, гордо
поднявъ пышновѣнчанное чело
и въ рукѣ его радостно пылалъ
факелъ Спасенія. Свѣтлая тучка,
какъ херувимъ-покровитель, витала
надъ его головою — и, ликуя,
Серна Зари благословляла свыше
силу его.

И мощный кличъ восторга
зрѣлъ на его устахъ — но въ этотъ мигъ
безмолвный зовъ пронзилъ его — и въ безднѣ
Аваддона, подъ черной глубиною,
выплылъ дѣвственный образъ. То она,
въ полнотѣ красоты и вожделѣній,
съ блескомъ иной денницы на челѣ:
прямо въ очи она вонзаетъ очи

и, какъ удилищемъ въ омутѣ, овитъ
взоромъ въ безднахъ души. Тянется молча
ему навстрѣчу въ высь, и молча въ пропасть
влечетъ его къ себѣ. Стройныя руки
протянуты къ нему, словно берутъ
и отдаются; взоръ — любовь, и смерть,
и споръ мига и вѣчности.

И крѣпко
прижалъ онъ факелъ святыни къ груди,
и зажмурилъ глаза, и крикнулъ: Небо —
Аввадонъ — ты . . . — И ринулся съ вершины
въ раскрытыя объятія на днѣ
Гибели . . .

И погасли Божьи свѣчи
въ вышинѣ, посѣрѣли степи неба,
обнаженныя, грустныя, какъ поле
послѣ жатвы, — и тамъ, у края поля,
словно ненужный, брошенъ кѣмъ то серпъ
мѣсяца . . .

Дрогнула свѣтлая тучка
и растаяла; дрогнула за нею
Серна Зари, и не стала видна.
Ибо въ чертогѣ своемъ пробудился
Левъ золотого утра, и вступилъ
въ царственной мощи на порогъ великой
тверди; вѣнчанный гривой золотой,
отряхнулся, и брызнуло сіянье
въ горныя дали.

VIII

А юношу воды
вынесли въ край далекій, незнакомый,
въ край, чье имя Чужбина.

И скитался
по всѣмъ странамъ, и жилъ съ дѣтьми Изгнанья,
и приходилъ между ними, подобный
сказкѣ древности дальней и видѣнью
грядущаго; и странно непонятенъ
былъ онъ для нихъ.

И видѣлъ небеса,
но ему они чужды; видѣлъ землю,
но и она чужда; и научилъ онъ
свои глаза глядѣть передъ собой,
въ міровое Ничто.

Такъ онъ блуждалъ
по землѣ, словно выбитая Богомъ
изъ орбиты звѣзда по безпредѣльнымъ
пространствамъ; такъ блуждалъ онъ нагъ и босъ,
глядя передъ собой, нищенски бѣдный —
только съ Огнемъ великимъ въ глубинахъ
сердца, и съ тѣнью сумерекъ Зари
въ безднахъ очей. Ибо душу его
трижды расплавилъ Рокъ въ тройномъ горнилѣ,
и великое тройственное Пламя

пылало въ ней: пламя Бога, и пламя
Діавола, и — жарче тѣхъ обоихъ —
пламя Любви.

И несъ онъ это Пламя
по четыремъ окраннамъ земли,
зажигая сердца своимъ дыханьемъ
и лампадки затепливая людямъ
въ ихъ потухшихъ глазахъ.

И проходилъ онъ
среди братьевъ своихъ, дѣтей Изгнанья,
и видѣлъ униженья, видѣлъ муку
ихъ, и болѣлъ ихъ болью, и рыдалъ
ихъ, воплями. И были въ этихъ вопляхъ
слышны клики небесъ и ревы ада,
Божья ревность и буря гнѣва Божья,
стоны души, погибающей въ мукахъ
невоплощенной любви, — и вселенскій
горестный вздохъ, что разбился надъ міромъ
нѣкогда въ ночь Разгрома. Но, бывало,
въ скорби молчалъ онъ — и молчанье было
воплемъ его; и не было на свѣтѣ
скорби, равной его безмолвной скорби,
ни боли, какъ его нѣмая боль.

И выдержать не могъ его прямого
взора никто. Иные подымали,
избѣгая очей его, глаза

къ небу, иные къ землѣ опускали; —
онъ безмолвно слѣдилъ за ними взглядомъ,
пока пройдутъ и жалостью великой
жалѣлъ о нихъ.

Встрѣчалъ онъ и людей
гнѣва и ненависти: люди гнѣва
содрогались предъ нимъ и отступали
торопливо, и хмурили чело,
и надвигали брови надъ глазами,
и клали руку на сердце, и будто
нѣчто пытались утаить отъ взора
Загадочнаго. Тщетно: видѣлъ онъ
нѣдра ихъ сердца, и входилъ въ ихъ душу,
какъ въ осажденный городъ сквозь проломъ
стѣны . . .

А если встрѣчалъ на дорогѣ
беззаботно-увѣренное сердце, —
пронзалъ его глазами, и вливалъ
смертный недугъ, и съ той поры не вѣдалъ
беззаботный спокойствія и тихихъ
сновъ по ночамъ.

И много было тѣхъ,
что подъ его проклятьемъ и его
благословеньемъ безмолвно склоняли
голову, и отъ устъ его просили
поученій, укоровъ и молитвъ,

и отъ очей жаждали милосердья
и надежды. Въ душѣ его шумѣло
море жалости; утренней росою
струилися на скорбныя сердца
слова его утѣхи, и во взорѣ
сіяла милосердая Заря.

Ибо и мощь и блескъ яркаго Солнца
несъ онъ въ своей душѣ, и мракъ и тайну
Ночи; но жаждой глазъ его была
только Заря, мерцаніе разсвѣта,
его стихія, предутренній сумракъ —
пѣснь его жизни...

* * *

А когда снималось
его сердце, и дико налетали,
какъ волны моря, великіе сны
и непреложныя муки, — далеко
за городъ уходилъ онъ на зарѣ
и стоялъ, опершись подъ одинокимъ
деревцомъ у дремотнаго потока,
смотря подолгу на Серну Зари
и на отблескъ ея въ глубокой влагѣ;
и закрывалъ глаза, и, глядя въ бездны
своей души, долго, долго стоялъ,

съ цѣлымъ міромъ безмолвствуя въ великой
скорби своей — въ своей великой скорби
Одинокаго.

Ангелъ молодой
свѣтлокрылый, съ печальными глазами,
что обиталъ въ лучахъ Серны Зари
наклонялъ надъ землей тогда въ молчаньи
чашу Безмолвной Скорби — и катились
капля за каплей сокрытыя слезы
среди безмолвія зари . . . .

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Къ 3-му изданію	7
Ко 2-му изданію	8
Введеніе	9

ПѢСНИ

Въ полѣ	65
У порога (отрывокъ)	68
Какъ сухая трава	70
Ваше сердце	72
Если познать ты хочешь	73
Одинокая звѣзда	76
Эти жадныя очи	78
На стражѣ утра	79
Сиротливая пѣсня	81
Весна	83
Уронилъ я слезу	85
Послѣдній	86
Предъ закатомъ	88
Надъ бойней	90
Глаголъ	92
Мотылекъ	95
Гдѣ ты	97
Изъ зимнихъ пѣсенъ (I—V)	101
Встань, сестра моя, невѣста	112
Если ангелъ вопроситъ	115
Эта искра моя	118
Пріюти меня подъ крылышкомъ	119
Вотъ она, кара Небесъ	120
Взвойте вы къ змѣямъ	122
Я знаю: кану я	124
Изъ народныхъ пѣсенъ (I—II)	126
Вечеръ	132
Быстро конченъ ихъ трауръ	133
И будетъ, когда продлятся дни	135
Бѣжать? О, нѣтъ!	138

ПОЭМЫ

Подвижникъ	141
Зори	147
Мертвецы пустыни	157
Сказаніе о погромѣ	167
Свитокъ о пламени	179

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA CHAPEL HILL
00024004952